Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

6.

Пров. 30

Стр.

1. Четыре записки **графа М. Н. Муравьева** о Сѣверо-Западномъ краѣ (1830—1865)..... 161
2. Къ Запискамъ графа М. Н. Муравьева. Примѣчаніе его брата Андрея Николаевича..... 200
3. Стихи **Некрасова** графу М. Н. Муравьеву въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ 27 Апрѣля 1865. 202
4. Разсказы и анекдоты про Петра Великаго (въ томъ числѣ съ рукописи Нартова)..... 204
5. Автобіографія **А. О. Дюгамеля**. X—XI. (Въ Испагани.—Персидское духовенство.—Мѣста поклоненія и праздники.—Уловки Персіянокъ.—Бесѣды г-жи Дюгамель съ шахомъ.—Разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ о Персіи.—Поѣздка въ Букарестъ.—Князья Стурдза и Гика.—Графъ Канкринъ.—Финансовыя занятія)..... 222
6. Эпизоды изъ событій 1861—1864. Воспоминанія современника-очевидца. III. Левшинская полиція и политическія убійства (разсказъ автора о покушеніи на его жизнь).... 257
7. Двойной вѣроотступникъ. (Венгерскій ксендзъ Торнекъ въ Петербургѣ 1739). **Д. И. Сапожникова**.... 286

Стр.

8. Мнѣніе **митрополита Филарета** о посылкѣ церковныхъ древностей на Парижскую выставку 1857 года. 291
9. Въ „вѣчную память“ объ Александрѣ архіепископѣ Виленскомъ **Н. И. Новикова**..... 294
10. Дѣла давно минувшихъ дней: II) Сеймское судоходство.—III) Какъ М. Н. Муравьевъ взыскивалъ въ Курскѣ недоимки. **Н. А. Рѣшетова**.. 300
11. Письма **князя П. А. Вяземскаго** къ С. П. Шевыреву 1837—1860..... 305
12. Неизданное стихотвореніе **Ѳ. И. Тютчева**. (Сообщено **И. С. Аксаковымъ**). 320
13. Письмо **В. А. Жуковскаго** къ графинѣ **Ю. Ѳ. Барановой** о сестрѣ поэта Батюшкова 322
14. Воспоминанія сапёра. **И. М. Старицкаго**..... 324
15. Критическія замѣтки **А. А. Зиссермана** (по поводу Записокъ И. Д. Рудакова о Кавказѣ)..... 329
16. Изъ куріозовъ моей библіотеки. **Барона Д. О. Шёппинга**..... 333
17. **А. С. Хомяковъ** о К. Д. Кавелинѣ. (Сообщено **М. А. Веневитиновымъ**). 335

(Содержаніе Р. Архива **1877** г. см. на обор.).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175) можно получать полное годовое изданіе изъ 12 тетрадей Русскаго Архива 1877 года.

(Цѣна съ пересылкою 7 рублей, безъ пересылки 6 рублей).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ „РУССКАГО АРХИВА“ 1877 ГОДА.

Записки Фридриха Великаго о политическихъ отношеніяхъ его къ Россіи въ первой половинѣ XVIII-го вѣка.

Записки Малороссіянина Григорія Степановича Винскаго о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Съ предисловіемъ А. И. Тургенева.

Филологическія занятія Екатерины Второй. Статья академика Я. К. Грота.

Записки оберкамергера графа Александра Ивановича Рибопьера (1781 — 1865), съ вступительнымъ предисловіемъ и примѣчаніемъ А. А. Васильчикова.

Очерки и воспоминанія. I. Московское семейство стараго быта. (Князья Оболенскіе). Статья князя П. А. Вяземскаго.

Записка Ипполита Оже (Hippolyte Auger) съ неизданнаго французскаго подлинника.

Первое взятіе Русскими войсками города Карса (Іюнь, 1828 года). Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго.

Контръ-адмиралъ Истоминъ. Очеркъ его жизни.

Плѣнъ графа Гордта въ Россіи (1759 — 1762). Извлечено изъ его Записокъ и дополнено Л. Н. Майковымъ.

Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI-го и княгини Е. Р Дашковой на книгу Рюльера о воцареніи Екатерины II-й.

Императрица Екатерина Вторая съ перепискѣ съ иностранцами. Статья Альфреда Рамбо, съ дополненіемъ о „Мѣдномъ всадникѣ“ А. С. Пушкина.

Сардинія въ эпоху первой Французской революціи. Письма въ Россію князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго.

Воспоминанія о графѣ Ростопчинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.

Авдотья Петровна Елагина, библіографическій очеркъ, статья издателя.

Разсказы объ адмиралѣ М. П. Лазаревѣ. Статья А. П. Хрипкова.

Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Кіевѣ, въ 1850 году.

Самаринъ-ополченецъ. Изъ воспоминаній его дружиннаго начальника по ополченію 1855 года. В. Д. Давыдова.

Письма Ю. Ѳ. Самарина къ князю І. А. Мещерскому.

Автобіографическія замѣтки митрополита Платона.

Анекдоты прошлаго столѣтія (изъ книгъ Шерера). Извлечены И. В. Шпажинскимъ.

Дневникъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, веденный въ Кадетскомъ Корпусѣ и во время путешествія по Россіи и за-границею (1779 — 1786).

По поводу книги Кастѣры о жизни Екатерины II-й. Разсказы и замѣчанія графа М. А. Дмитріева-Мамонова.

Людовикъ XVIII-й въ Россіи. Извлечено изъ его Записокъ. Д. Д. Рябининымъ.

Посольство министра внутреннихъ дѣлъ князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Наполеону I-му, 1810-й годъ. (Новооткрытыя депеши).

Изъ Записокъ декабриста П. И. Фаленберга. (1812 — 1814 годы).

Второе Февраля 1836 года въ Петербургѣ. Разсказъ очевидца Д. А. Чаплина.

Разсказы объ Ярославской старинѣ Л. Н. Трефолева.

ЧЕТЫРЕ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА ВИЛЕНСКАГО.

Первыя двѣ записки составлены слишкомъ полвѣка тому назадъ, но и до сихъ поръ не утратили значенія. Двѣ послѣднія содержатъ въ себѣ завѣтъ государственнаго человѣка. Сообщеніемъ этихъ записокъ въ Русскій Архивъ мы обязаны Ивану Петровичу Корнилову. П. Б.

I.

Всеподданнѣйшая записка Могилевскаго гражданскаго губернатора Муравьева о нравственномъ положеніи Могилевской губерніи и о способахъ сближенія оной съ Россійскою Имперіею.

Послана 22-го Декабря 1830 года *)

Не распространяясь о необходимости нравственнаго сближенія Бѣлоруссіи съ Россійскою Имперіею и о той степени отдаленія, которая еще и понынѣ между оными существуетъ, я обращаюсь къ главнымъ недостаткамъ и препонамъ (извлеченнымъ изъ вниматедьнаго наблюденія губерніи, управленію моему ввѣренной), отстраненіе коихъ могло бы по мнѣнію моему ускорить исполненіе благодѣтельнаго великаго намѣренія Вашего Императорскаго Величества.

Не смѣю входить въ подробное разсмотрѣніе причинъ, по которымъ край сей, издревле коренной Русскій, понынѣ, послѣ болѣе пятидесятилѣтняго нахожденія онаго подъ правленіемъ Россіи, еще отчасти чуждъ оной, когда большинство населенія Бѣлоруссіи было коренное Русское, кромѣ помѣщиковъ, которые суть пришельцы и число коихъ весьма ограничено.

---

*) Т. е. вслѣдъ за вспыхнувшимъ въ Варшавѣ мятежемъ. П. Б.

Также не менѣе удивляться должно тому, что вѣра Православная, издревле здѣсь водворенная, теперь, подъ владычествомъ Россіи, не токмо что не распространяется, но напротивъ того пришельцы-католики постепенно увеличили свое вліяніе, и что Унитское исповѣданіе, введенное Римскимъ духовнымъ правительствомъ для удобнѣйшаго увлеченія изъ Православія въ Католицизмъ, во время Россійскаго управленія симъ краемъ совершенно сблизилось къ настоящей цѣли своего учрежденія и служитъ нынѣ дѣйствительнымъ предвѣріемъ къ безвозбранному переходу въ Католицизмъ, совершенно удаляясь даже въ наружныхъ своихъ обрядахъ отъ коренныхъ постановленій; что Католическое монашествующее духовенство, признанное во многихъ Католическихъ земляхъ для правительствъ вреднымъ, въ Бѣлоруссіи имѣетъ толикія привилегіи, управляя мнѣніемъ дворянства и получивши сверхъ того право быть источникомъ всего Бѣлорусскаго просвѣщенія и, наконецъ, что край сей, при всемъ своемъ маломъ образованіи, весьма медленно духомъ сближается съ Россіею, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отъ оной отдаляется, какъ напротивъ того, въ первые годы присоединенія, принятыми мѣрами правительства, оный быстро къ сему сближенію стремился, что̀ ясно усмотрѣть можно даже изъ направленія тогдашняго производства дѣлъ, которое постепеннно настаиваніемъ намѣстниковъ сближалось къ Россійскому порядку, и судныя дѣла, не взирая на то, что Литовскій Статутъ не былъ уничтоженъ, весьма часто производились на Русскомъ языкѣ и Россійскимъ порядкомъ, когда напротивъ съ 1796 года и нынѣ производство по Польскому порядку умножилось.

Можетъ быть, правительство имѣетъ на сіе свои причины, которыя частному начальнику не должны быть извѣстны; однакоже, какъ вѣрноподданный Вашего Императорскаго Величества, пекущійся о всемъ что̀ можетъ быть полезнымъ славѣ Августѣйшаго Престола Вашего, не смѣю скрыть своего мнѣнія, основаннаго на внимательномъ болѣе двухъ лѣтъ управленіи Могилевской губерніи, что правительству необходимо принять скорыя, рѣшительныя и самостоятельныя къ сему сближенію мѣры, до чего нынѣ еще достигнуть можно безъ большаго затрудненія; со временемъ же, по мѣрѣ большей образованности обывателей, сіе можетъ быть сопряжено съ нѣкоторыми препятствіями.

Способы къ достиженію сказанной цѣли по мнѣнію моему должны состоять:

I) Въ принятіи мѣръ къ возвышенію Православія и отстраненіи тѣхъ недостатковъ, которые въ управленіи онаго въ Бѣлоруссіи нынѣ встрѣчаются.

а) Необходимо имѣть въ Бѣлоруссіи епископа просвѣщеннаго, дѣятельнаго, духомъ и дѣйствіями кроткаго, увлекающаго своими нравственными и умственными способностями, отнюдь не поражая умовъ и мнѣній крутыми и рѣзкими дѣйствіями.

б) Должно особенное обратить вниманіе на составъ, образованіе и нравственность Греческаго духовенства, ибо оное обстоятельствами поставлено среди владѣльцевъ исповѣданія Католическаго, съ удовольствіемъ ищущихъ случаевъ порицанія и униженія онаго.

в) При всей попечительности епархіальнаго начальства къ посвященію достойныхъ священниковъ, много остается приходовъ, въ которыхъ не имѣется комплекта; я полагалъ бы полезнымъ, чтобы мѣста сіи отчасти замѣщались духовенствомъ образованнымъ въ Россіи, чѣмъ самымъ со временемъ преобразовался бы духъ въ Бѣлоруссіи рожденнаго и воспитаннаго духовенства, невольнымъ образомъ несущаго отпечатокъ обычаевъ и мнѣній края.

г) По бѣдности поселянъ и иновѣрію владѣльцевъ, нисколько не участвующихъ въ подержаніи священниковъ, живущіе въ деревняхъ находятся по большей части въ весьма бѣдномъ положеніи и въ нравственномъ своемъ быту не соотвѣтствуютъ важности своего званія; въ Бѣлоруссіи же, болѣе нежели въ другихъ областяхъ государства, должно обратить вниманіе на сей важный предметъ, а въ особенности на нравственность духовенства. Но до сего достигнуть невозможно безъ нѣкоторыхъ пожертвованій; ибо безъ особыхъ выгодъ никто изъ священниковъ въ Россіи образованныхъ не согласится принять мѣста въ Бѣлоруссіи, какъ между тѣмъ сіе совершенно необходимо.

д) По той же самой причинѣ и церкви Православныя худо поддерживаются, и не соблюдается въ оныхъ должнаго благолѣпія; въ нѣкоторыхъ даже городахъ оныхъ вовсе не имѣется. Извѣстно, что помѣщики Римскаго исповѣданія не могутъ имѣть усердія къ поддержанію церквей Православныхъ, а поселяне по бѣдности своей не могутъ оказать никакого пособія. По мнѣнію моему должно возложить на обязанность и отвѣтственность самихъ владѣльцевъ нѣкоторое участіе въ вспомоществованіи прихожанамъ къ удержанію Православныхъ церквей въ должномъ приличіи, ограничивъ положительнымъ правиломъ степень починки, которая должна упадать на часть оныхъ; ибо никакого духовнаго капитала не будетъ достаточно, ежели всѣ мелочныя исправленія будутъ на оный отнесены.

е) Хотя строгое наблюденіе за нравственностію священниковъ должно наибольшее обращать вниманіе начальства, но не менѣе того наказаніе опредѣленное имъ указомъ 1808 года, отдачею виновныхъ въ рекруты, не должно быть по мнѣнію моему допущено въ Бѣлоруссіи;

ибо оное, унижая званіе духовное, обращаетъ его въ посмѣшище прочимъ, и особенно вселяетъ неуваженіе во мнѣніи Католиковъ, которые, какъ члены рекрутскаго присутствія, сами участвуютъ въ семъ пріемѣ. Наказаніе сіе мнѣ кажется можно бы замѣнить иною мѣрою взысканія, менѣе посрамляющею духовное званіе, особенно въ Бѣлоруссіи, гдѣ управленіе Католической церкви, напротивъ того, старается смягчать наказаніе своего духовенства и тѣмъ возвышать санъ онаго. Хотя, въ теченіи двухъ лѣтъ управленія мною Могилевской губерніи, свидѣтельствовано въ рекрутскомъ присутствіи изъ духовнаго званія 37 человѣкъ, въ числѣ коихъ діаконовъ и священниковъ 12, но опытъ доказалъ, что сія мѣра наказанія, столь учащенная строгостію духовныхъ постановленій, нисколько не улучшила духовенства.

ж) Поддержавъ сколько возможно Греческое духовенство, необходимо однакоже, для бо́льшаго единства и осторожности въ дѣйствіяхъ онаго и отстраненія излишней рѣзкости въ способахъ наблюденія за прочими исповѣданіями, вмѣнить въ обязанность епархіальному начальству, чтобы оно, до зачатія оффиціальной переписки о предметахъ своевольныхъ дѣйствій Римскаго духовенства, входило предварительно въ совѣщаніе съ начальникомъ губерніи: ибо много можетъ предупредиться зла подручными дѣйствіями мѣстнаго начальства и прекратиться излишней оффиціальной переписки, въ таковыхъ случаяхъ всегда вредной.

II. Въ прегражденіи способовъ вреднаго вліянія Католическаго духовенства.

а) Прелатъ Могилевскій, хитрымъ умомъ, просвѣщеніемъ и фанатическимъ усердіемъ къ Католицизму, ежедневно болѣе выигрываетъ во мнѣніи края, стремясь поддержать всѣми возможными способами фанатическое вліяніе Римской церкви; по сей причинѣ удаленіе его изъ сей епархіи есть совершенно необходимо. По мнѣнію моему въ семъ важномъ случаѣ правительству не должно нисколько медлить; назначеніе ему приличнаго мѣста въ столицѣ могло бы избавить Бѣлоруссію отъ непосредственнаго вліянія человѣка слишкомъ способнаго, имѣющаго въ рукахъ самое сильное орудіе, и за образъ чувствованія и дѣйствія коего не токмо что ручаться нельзя, но напротивъ того по всему должно его опасаться.

б) Унитское исповѣданіе, служащее предверіемъ и переходомъ въ Католицизмъ, не взирая на все попеченіе правительства къ возвышенію и доставленію оному независимо отъ Римской церкви существованія, есть и понынѣ еще вѣра презрѣнная въ Бѣлоруссіи: граждане и чиновники, достигнувшіе до нѣкотораго независимаго бытія, стыдятся оставаться въ оной и переходятъ въ Католическую. По-

реходы сіи должно необходимо преградить положительнымъ закономъ, въ которомъ заключались бы и способы возможнаго за симъ наблюденія, ибо безъ того останутся, какъ и нынѣ, безъ должнаго дѣйствія.

в) Необходимо строго воспретить Католическимъ священникамъ служеніе въ церквахъ Унитскихъ и взаимно Унитскимъ въ церквахъ Католическихъ; ибо отъ сего утверждается во мнѣніяхъ народа, обращающаго болѣе вниманіе на одну наружность, понятіе о единствѣ вѣры Католической и Унитской, которое мнѣніе Католики и безъ того всѣми способами стараются внушить.

г) Отъ сего вліянія Католицизма даже наружные обряды Унитства сближаются съ Католическими, и потому необходимо положить сему преграду строгимъ взысканіемъ за малѣйшее отступленіе отъ коренныхъ обрядовъ Унитской церкви, предписавъ частый и строгій объѣздъ епархіи благомыслящему Унитскому епископу и постоянное ему въ оной пребываніе; ибо однѣ письменныя воспрещенія не могутъ противудѣйствовать сказаннымъ выше причинамъ.

д) Фанатическій духъ Католицизма, болѣе сосредоточенный въ монашествующихъ орденахъ, соединенный большею частію съ нѣкіимъ отчужденіемъ отъ всего Русскаго и стремящійся къ поддержанію національнаго, долженъ особенное строжайшее обратить вниманіе правительства.

е) Правительству слишкомъ извѣстно, сколь необходимо положить сему злу коренную преграду и лишить монашествующее духовенство права заниматься воспитаніемъ юношества. Уменьшеніе чрезмѣрнаго числа Католическихъ монастырей было бы также весьма полезно; но приступить къ сему должно постепенно, начиная преимущественно съ тѣхъ, которые занимаются воспитаніемъ юношества и окружены приходами Греческаго и Унитскаго исповѣданій; по мнѣнію моему достаточно сохранить монастыри въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Предметъ сей по важности своей требуетъ пространнаго развитія, особенно въ способахъ приведенія въ исполненіе; ибо рѣшительная мѣра можетъ пробудить вниманіе и возродить ропотъ, въ семъ случаѣ всегда вредный, тѣмъ болѣе, что до сего можно достигнуть осторожными мѣрами безъ пораженія умовъ.

ж) По мнѣнію моему было бы также весьма полезно отнять у монастырей недвижимыя имѣнія, вознаградивъ ихъ ежегоднымъ денежнымъ окладомъ, ограничивъ между тѣмъ число монаховъ и годы вступленія въ оные. Отнятіе духовныхъ имѣній должно по всей справедливости распространено быть и на монастыри Греческаго исповѣданія. Можно удостовѣрительно сказать, что необходимое уменьшеніе Католическихъ монастырей, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго на-

чальства, можетъ быть приведено въ исполненіе; но необходимо прежде сего удалить изъ епархіи прелата Щитта по причинамъ выше сего сказаннымъ, отличить знаками милости и Высочайшаго благоволенія чиновниковъ дворянства, которые наиболѣе имѣютъ вѣсу во мнѣніи края и съ усердіемъ готовы содѣйствовать всѣмъ преднамѣреніямъ правительства, и при томъ приступить къ исполненію сего, для меньшаго пораженія умовъ, не вдругъ, но постепенно.

з) Уничтоженіе духовныхъ училищъ при монастыряхъ и замѣщеніе оныхъ свѣтскими уже предположено благодѣтельнымъ правительствомъ, а потому и не стану распространяться о семъ важномъ, необходимомъ предметѣ; но полагаю однакоже, что преподаваніе предметовъ въ сихъ училищахъ на Русскомъ языкѣ весьма полезно и въ Могилевской губерніи возможно, ибо въ оной языкъ Русскій довольно общій всѣмъ сословіямъ. Достоинство и отличное усердіе къ благу службы нынѣ назначеннаго попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа безъ сомнѣнія преодолѣютъ тѣ затрудненія, которыя при введеніи свѣтскихъ училищъ могутъ еще по новости сего предмета встрѣтиться въ Могилевской губерніи; но не менѣе того должно избѣгать уничтоженія существующихъ учебныхъ заведеній прежде заведенія новыхъ, и ускорить устройство таковыхъ.

и) Необходимо оградить строгими, положительными законами, съ изложеніемъ и способовъ наблюденія, переходы изъ Греческаго и Унитскаго исповѣданій въ Католическое и правила объ исповѣданіи родившихся отъ родителей Греческой и Унитской вѣры. Законы сіи весьма часто нарушаются по недостатку опредѣлительныхъ способовъ должнаго за симъ наблюденія и невѣжеству Греческаго духовенства. Мнѣ кажется, что законъ сохраненія дочерямъ вѣры матери, а сыновьямъ отцовской не исполняется также и по неудобству своему; ибо различіе вѣръ между братьями и сестрами возраждаетъ семейныя несогласія, для избѣжанія которыхъ родители сами вынуждены отступать отъ силы онаго.

і) Исповѣдныя книги суть единственные указатели увлеченія изъ одной вѣры въ другую, а потому и необходимо подвергнуть таковыя большей точности и строгому контролю, не исключая и тѣхъ, которыя ведутся Католическими и Унитскими священниками, возложивъ преимущественно всю отвѣтственность на Греческое приходское духовенство, особенно за допущеніе большой части селенія (какъ сіе часто обнаруживается) къ неисполненію обрядовъ вѣры. Простой народъ въ Бѣлоруссіи еще въ такомъ находится невѣжествѣ, что мало постигаетъ различіе вѣръ, и ежели идетъ молиться безъ разбору въ церкви того или другаго исповѣданія или вовсе ни въ какія, и нако-

нецъ переходитъ даже въ Католическую вѣру, то безъ всякаго сомнѣнія сему болѣе причиною безпечность и невѣжество самаго духовенства, которое нисколько не заботится внушать ему его обязанностей и въ концѣ года, а иногда даже по истеченіи продолжительнаго времени, доноситъ лишь, что такія-то лица не были у исповѣди, отчего возраждаются большія запутанныя дѣла, вовсе безполезныя: ибо въ существѣ своемъ сіе происходитъ, какъ выше сказано, отъ невѣжества Бѣлорусскихъ крестьянъ, нераченія и безпечности Греческаго, а еще болѣе Унитскаго духовенства, которымъ Католики нерѣдко пользуясь совращаютъ поселянъ въ свое исповѣданіе. Въ Бѣлоруссіи просвѣщенному епископу и духовенству предстоитъ весьма обширное поприще нравственнаго вліянія, дѣйствіями котораго могли бы сильно облегчиться правительству пути къ достиженію своей цѣли, и уменьшится надобность рѣзкаго примѣненія законовъ въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

к) Истинное отступленіе отъ Православія и Унитской вѣры болѣе замѣчается въ имѣніяхъ Католическому духовенству принадлежащихъ, а потому здѣсь должно возлагать и всю отвѣтственность прямо на оное. Я полагаю, что совращеніе изъ Унитства въ Католицизмъ должно подвергнуть не менѣе строгому взысканію; ибо рано или поздно, при постоянныхъ дѣйствіяхъ правительства, Уніаты должны быть обращены въ Православіе, и потому совращеніе оныхъ въ Католицизмъ столько же вредно, какъ и увлеченіе изъ Греческаго исповѣданія. Впрочемъ обращеніе Уніатовъ къ Православію можно бы привести въ исполненіе и нынѣ безъ большаго затрудненія, особенно въ селеніяхъ; ибо Бѣлорусскіе крестьяне по большей части еще столь невѣжественны, что мало постигаютъ различіе вѣръ; но для сего необходимо постоянное дѣйствіе и пребываніе благонамѣреннаго и дѣятельнаго Унитскаго епископа и таковаго Греческаго съ особенными нравственными качествами, способнаго къ снисходительному убѣжденію заблуждающихся.

л) Также таковое отчужденіе отъ Православія и Уніатства замѣчается между прислугою помѣщиковъ, которая, увлекаясь примѣромъ и внушеніемъ своихъ владѣльцевъ, принимаетъ Католическое исповѣданіе, и дѣти ихъ окрещаются въ оное домашними капеллянами. Здѣсь способъ наблюденія и огражденія отъ сего зла весьма удобенъ, ибо при малѣйшемъ вниманіи приходскаго начальства сіе обнаружить можно; а потому по мнѣнію моему въ семъ случаѣ всю отвѣтственность возложить должно на самихъ помѣщиковъ, на приходскихъ священниковъ, допустившихъ до сего, и на общемъ основаніи на тѣхъ Католическихъ священниковъ, которые въ томъ участвовали.

м) Законъ, вновь подтверждающій о преданіи суду совращающихъ изъ Православнаго исповѣданія, не есть по мнѣнію моему достаточенъ; ибо совращенный послѣ духовнаго увѣщанія отсылается къ суду въ судебныя мѣста, составленныя изъ тѣхъ же Католиковъ, и самые совратители подвергаются лишь взысканію той же Римской консисторіи, тайно способствующей таковымъ противузаконнымъ дѣйствіямъ и потому стремящейся къ закрытію виновныхъ. Я полагалъ бы полезнымъ, чтобы изобличенные въ томъ, а преимущественно совратители и тѣ священники, которые принимаютъ таковыхъ на исповѣдь безъ надлежащей справки, судимы были въ сосѣдственныхъ Россійскихъ губерніяхъ, законами гражданскими, какъ злонамѣренные нарушители государственныхъ постановленій при депутатѣ Католическомъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько подобныхъ примѣровъ скоро положатъ преграду сему злу, столь вредному и унижающему достоинство правительства и господствующаго исповѣданія.

н) Какъ примѣры увлеченія или первоначально равнодушія къ обрядамъ Православной церкви встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ фанатическій духъ Католицизма поддерживается монашествующимъ духовенствомъ и гдѣ таковые, живучи праздно въ домахъ помѣщичьихъ, исправляютъ требы въ каплицахъ: то и необходимо прекратить опасное вліяніе сихъ послѣднихъ, вредное въ отношеніи воспитанія ими въ сихъ домахъ юношества, овладѣнія совѣстію владѣльцевъ, подручнаго управленія имѣніями ихъ и увлеченія окружающей прислуги въ Католическую вѣру. А потому, кромѣ прянятыхъ уже мѣръ правительствомъ къ уменьшенію числа безнужныхъ каплицъ среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, было бы не менѣе необходимо воспретить удержаніе при оныхъ монаховъ и опредѣлять къ богослуженію преимущественно священниковъ изъ бѣлаго духовенства, которое весьма рѣдко одушевляется фанатизмомъ вѣры, строго воспретивъ праздношатаніе монашествующихъ подъ видомъ домашнихъ капелляновъ.

о) Необходимо воспретить также устройство Католическихъ часовень, хотя и не для богослуженія созидаемыхъ, среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, надъ водою и въ иныхъ мѣстахъ, также и возобновленіе крестовъ и распятій, гдѣ проповѣдывали миссіи. Всѣ сіи знаки наружнаго благочестія и поклоненія Католиковъ, возстановляемые иногда среди приходовъ Православныхъ и Унитскихъ, вселяютъ навыкъ и уваженіе къ обрядамъ Католическимъ, а потому весьма вредныя оставляютъ впечатлѣнія. Всѣ сіи наблюдательныя мѣры къ сожалѣнію нынѣ въ Бѣлоруссіи неудобоисполнимы, ибо ближайшіе мѣстные блюстители порядка, исправники и городничіе большею частію

туземцы, о которомъ неудобствѣ будетъ сказано ниже сего въ своемъ мѣстѣ.

п) Есть даже нѣкоторыя Католическія церкви, которыхъ храмовые праздники и иные дни празднуются вообще всѣми исповѣданіями и привлекаютъ на поклоненіе большое стеченіе народа, какъ напримѣръ: въ Могилевѣ Бернардинская церковь Св. Антонія и Могилевскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Бялыничахъ икона Божьей Матери и иныя въ губерніи часовни. Хотя весьма трудно принять положительныя мѣры для предупрежденія сего соединенія исповѣданій, но не менѣе того мнѣ кажется, что со временемъ, при благоразумномъ и постоянномъ дѣйствіи всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія и особенно духовнаго, возможно бы достигнуть постепенно къ уменьшенію сего, безъ пораженія умовъ.

Всѣ изложенныя средства, могущія отнять у фанатическаго Римскаго духовенства способы распространять вредное свое вліяніе на край, готовый къ нравственному сближенію съ Россіею, ежели правительство приметъ къ тому постоянныя мѣры, требуютъ положительнаго разсмотрѣнія и точнаго опредѣленія времени, постепеннаго ихъ приведенія въ дѣйствіе, отстранивъ впрочемъ всякій фанатизмъ въ исполненіи и дѣйствуя постепенно, съ большою осторожностію и избѣгая сильнаго пораженія умовъ. Конечно весьма прискорбно, чтобы въ вѣкѣ просвѣщеннемъ правительство вынуждено было принимать столь положительныя мѣры къ ограниченію однаго изъ христіанскихъ исповѣданій; но какъ опытъ доказалъ, что за онымъ неразлучно и вредное политическое вліяніе, то для блага края и всего государства не должно терять сего изъ виду, и все что будетъ сдѣлано къ укрощенію Католическаго фанатизма въ Бѣлоруссіи будетъ безъ всякаго сомнѣнія служить къ скорѣйшему сближенію оной съ Россіею.

Изложенные выше способы дѣйствія не могутъ быть приведены въ исполненіе съ должнымъ успѣхомъ и не принесутъ настоящей пользы, доколѣ мѣстное гражданское начальство и прочія отрасли главнаго управленія не будутъ положительно стремиться къ той же цѣли, ибо единственно отъ гармоніи во всѣхъ частяхъ управленія Бѣлоруссіи зависитъ и самый успѣхъ къ достиженію предположеннаго.

Необходимые способы дѣйствія главнаго правительства и мѣстнаго управленія.

а) Въ большей части Могилевской губерніи, кромѣ части присоединенной въ 1793 году, языкъ Русскій уже столько общій всему населенію, что введеніе онаго въ производствѣ всѣхъ дѣлъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія; сіе доказывается тѣмъ, что во всѣхъ исполнительныхъ частяхъ управленія, входящаго въ сношенія со всѣми сословіями, оной употребляется безъ переводовъ.

б) Въ дворянскомъ собраніи по текущей части употребляется также Русскій языкъ, но къ сожалѣнію выводовыя дѣла производятся по польски, затрудняя лишь просителей и самихъ производителей переводами опредѣленій дворянскаго собранія, которыя могли бы быть писаны по русски; зло сіе существуетъ еще потому, что не было обращаемо на оное должнаго вниманія; сіе можно прекратить безъ особаго правительственнаго распоряженія однимъ мѣстнымъ настояніемъ и наблюденіемъ.

в) Въ дворянскихъ опекахъ, которыя многіе годы оставались безъ должнаго наблюденія, часть дѣлъ производилась по польски; я сіе отмѣнилъ безъ всякаго затрудненія однимъ вниманіемъ и словеснымъ настояніемъ; теперь пишутъ уже въ оныхъ по русски. Со времени управленія моего Могилевскою губерніею, не принимаютъ ни въ Губернскомъ Правленіи, ни на мое имя просьбъ, писанныхъ по польски. Обычай сей утвердился безъ малѣйшаго ропота и затрудненія. Примѣры сіи доказываютъ, сколь легко совершенно ввести производство всѣхъ дѣлъ, даже и тяжебныхъ, на Русскомъ языкѣ.

г) Тяжебныя и исковыя дѣла, производящіяся нынѣ по Литовскому Статуту и на Польскомъ языкѣ, по мнѣнію моему должны бы немедленно приведены быть къ порядку Русскаго производства, и Литовскій Статутъ вовсе навсегда отмѣнить, сохранивъ лишь въ департаментахъ уголовномъ и гражданскомъ предсѣдателей по выборамъ дворянства; ежели же правительству неугодно вдругъ къ сему приступить, то можно до сего достигнуть постепенно, предоставя начальнику губерніи давать дѣламъ преимущественно направленіе порядка Россійскаго, что можно исполнить безъ всякаго затрудненія, не возбуждая особаго вниманія; такимъ образомъ нечувствительно можно уменьшить вліяніе Польскихъ законовъ и замѣнить ихъ Русскими.

д) Доказательствомъ, что не будетъ предстоять затрудненій къ введенію порядка Русскаго производства въ дѣлахъ тяжебныхъ и исковыхъ, можетъ служить то, что, съ начала присоединенія края сего, намѣстники Бѣлоруссіи предуспѣли подручнымъ наблюденіемъ направить большую часть исковыхъ дѣлъ порядкомъ Русскимъ, и съ того времени до 1796 года всѣ обыватели Могилевской губерніи пріобыкли было къ оному, и Литовскій Статутъ рѣже нынѣшняго употреблялся.

е) Литовскій Статутъ, коего коренныя начала даютъ поводъ ожидать справедливѣйшаго производства дѣлъ, въ существѣ своемъ, по неопредѣлительности въ немъ способа процедуры и многихъ иныхъ ему собственныхъ недостатковъ (которые прежде присоединенія края постепенно исправлялись конституціями, утвержденными на сеймахъ) нынѣ уже вовсе недостаточенъ, и постановленія онаго, будучи попол-

няемы и измѣняемы общимъ смысломъ законовъ, издаваемыхъ для всего государства, служатъ лишь поводомъ къ безконечнымъ проволочкамъ и запутанностямъ въ дѣлахъ, отъ которыхъ болѣе терпятъ бѣднѣйшіе.

ж) Несовершенство Литовскаго Статута, смѣсь сего производства дѣлъ съ Русскимъ порядкомъ, особенно въ высшихъ инстанціяхъ и употребленіе Польскаго языка, еще болѣе умножаютъ запутанность въ дѣлахъ; ибо часто просители, усмотрѣвъ, что тяжбы ихъ принимаютъ оборотъ невыгодный, подаютъ прошенія въ высшія инстанціи, и тогда нерѣдко способъ сужденія ихъ измѣняется.

з) Неимѣніе класса адвокатовъ, необходимаго для производства дѣлъ по Литовскому Статуту, чрезвычайно обременяетъ тяжущихся и въ особенности бѣднѣйшихъ.

и) Несуществованіе положительной черты между дѣлами, которыя должны производиться порядкомъ въ Учрежденіяхъ о губерніяхъ предписаннымъ и тѣми, которыя подлежатъ производству по Литовскому Статуту, чрезвычайно запутываетъ вообще весь ходъ дѣлъ по губерніи, а въ особенности земскія и городскія полиціи, отъ которой неопредѣлительности (происходящей отъ различія основаній Россійскихъ и Литовскихъ узаконеній, и которыя по сей причинѣ весьма трудно сблизить) очень часто дѣла принимаютъ произвольное, неправильное направленіе къ обремененію самихъ просителей, о чемъ представлено уже со всею подробностію высшему начальству отъ здѣшняго Губернскаго Правленія *).

Изложенныя выше сего нѣкоторыя изъ многочисленныхъ неудобствъ Польскаго порядка въ производствѣ дѣлъ столь сильно ощущаемы благоразумною частію обывателей Могилевской губерніи, что отмѣненіе Литовскаго Статута и введеніе Русскаго порядка не произведетъ значительнаго неудовольствія, а напротивъ того будетъ пріятно благомыслящимъ обывателямъ и преимущественно бѣднѣйшимъ, составляющимъ главнѣйшее населеніе губерніи, и въ особенности удобно будетъ сіе исполнить, ежели правительство предварительно знаками отличія и снисхожденія привлечетъ въ пользу свою болѣе значительныя лица въ губерніи.

і) Польза отъ введенія Русскаго порядка столь очевидна и необходима къ исполненію благодѣтельной цѣли Вашего Императорскаго

---

*) Всѣ исковыя дѣла и окончательное удовлетвореніе оныхъ посредствомъ традицій и эксдивисій, кромѣ ослабленія общественнаго кредита, чрезвычайно обременительны тяжущимся и вредны благосостоянію края.

Величества, что, по мнѣнію моему, сія мѣра есть одна изъ первыхъ, которую употребить должно для сближенія края сего съ Россіею, и къ оной должно приступить безъ всякаго промедленія, съ начала приготовляя къ тому умы и наконецъ рѣшительнымъ повелѣніемъ: ибо единственно чрезъ уравненіе политическихъ правъ возможно положить на вѣчныя времена основаніе слитію Бѣлоруссіи съ Россіею, что̀ и было уже въ виду правительства до 1796 года, какъ замѣтить можно изъ приведеннаго выше сего примѣра дѣйствія Бѣлорусскихъ намѣстниковъ. Для блага цѣлаго, въ семъ важномъ случаѣ, мнѣ кажется не должно даже входить въ сужденіе, которыя узаконенія лучше, Россійскія или Литовскій Статутъ: ибо первая цѣль есть совершенное слитіе края сего съ Россіею, и когда законами Русскими управляется все государство, то почему Бѣлоруссія будетъ отъ оныхъ изъята?

к) Введеніе на Русскомъ языкѣ производства дѣлъ по Литовскому Статуту было бы по мнѣнію моему совершенно вредно, ибо послужитъ къ большему утвержденію Литовскихъ законовъ въ Бѣлоруссіи, о которыхъ и память должно стараться изгладить: ибо при существованіи правъ и обрядовъ Литовскаго дѣлопроизводства, и при томъ на Польскомъ языкѣ, Бѣлоруссія никогда должнымъ образомъ не сольется съ Россіею, а напротивъ того постепенно болѣе будетъ утверждаться отчужденіе оной, ежели впрочемъ къ тому не примутся положительныя мѣры; вообще всѣ полумѣры въ столь важномъ случаѣ будутъ совершенно вредны.

л) Кромѣ прописанныхъ выше сего положительныхъ способовъ дѣйствій, отъ высшаго правительства зависящихъ, необходимо и мѣстному начальству постепенно стремиться къ той же цѣли, выводя изъ обыкновенія Польскія наименованія мѣстъ и лицъ и замѣняя ихъ Русскими; до сего можно достигнуть безъ малѣйшаго затрудненія, и возможность сего я испыталъ на опытѣ.

м) Необходимо должно замѣщать главнѣйшія мѣста управленія въ губерніи Русскими благонадежными чиновниками, и въ назначеніи оныхъ быть весьма осмотрительнымъ; также преимущественно опредѣлять Русскихъ исправниковъ, городничихъ и почтъ-экспедиторовъ, доставивъ имъ нѣкоторыя выгоды по службѣ, ибо безъ того затруднительно имѣть хорошихъ чиновниковъ. Въ семъ важномъ предметѣ правительству не должно дорожить никакими пожертвованіями; ибо рѣшительно можно сказать, что доколѣ главное управленіе губерніи, также земскія и городскія полиціи, будутъ составлены изъ туземцевъ и будутъ существовать Литовскія права, то нельзя ожидать успѣха въ исполненіи преднамѣреній правительства, а потому и совершеннаго нравственнаго сближенія.

н) По мнѣнію моему также было бы полезно дозволить вступать въ службу по свидѣтельствамъ дворянскаго собранія, утвержденнымъ (для предупрежденія злоупотребленій) начальникомъ губерніи; мнѣ кажется, что можно даже допустить, чтобы свидѣтельства сіи имѣли свою силу до полученія чина титулярнаго совѣтника, для дальнѣйшей же службы требовать, чтобы доказательства о дворянствѣ были утверждены герольдіею, въ которой справедливо требующаяся формальность, затрудняя и умедляя подобнаго рода дѣла, отъемлетъ нынѣ у Бѣлорусскихъ особенно бѣдныхъ дворянъ возможность вступать въ службу и достигать офицерскаго чина, а потому явная полагается преграда къ исполненію цѣли самаго правительства, и кромѣ того отъ сего нынѣ встрѣчается большое затрудненіе и недостатокъ въ дворянахъ, имѣющихъ право на занятіе должностей по выборамъ, которыя по сей причинѣ остаются вакантными или замѣщаются весьма часто во вредъ службы людьми недостойными; когда же облегчатся, согласно предположенію моему, способы ко вступленію въ коронную службу, тогда правительство скоро увидитъ большую часть здѣшняго дворянства на поприщѣ оной.

о) Вообще дѣйствія мѣстнаго начальства должны быть болѣе единообразны, строги, но справедливы, уклоняясь сколь возможно отъ сильнаго пораженія умовъ и въ особенности отличая достойнѣйшихъ. Свойство Поляковъ есть большое стремленіе къ тщеславію; должно онымъ пользоваться, и отличіемъ тѣхъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу въ губерніи, можно значительно облегчить правительству способы къ достиженію своей цѣли, тѣмъ болѣе, что одно духовенство и весьма малая часть дворянскаго сословія сохраняютъ духъ отчужденія отъ Россіи; дворянство же, взятое въ общей массѣ, при малѣйшемъ положительномъ стремленіи къ сему правительства, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, будетъ соучаствовать во всѣхъ его преднамѣреніяхъ. Небольшое вниманіе и незначительные знаки благосклоннаго расположенія правительства, болѣе нежели другія какія мѣры, могутъ къ тому ихъ возбудить, не укосняясь между тѣмъ полагать преграду вредному вліянію монашествующаго Католическаго духовенства.

Великая Екатерина старалась всегда сблизить край сей водвореніемъ большаго числа Русскихъ семействъ, чрезъ пожалованіе имъ имѣній; но въ послѣдствіи большая часть оныхъ перешла въ руки туземцевъ. Мнѣ кажется, что какъ раздача въ потомственное владѣніе имѣній уже вышла изъ цѣли правительства, то оное должно замѣнить раздачею въ аренду Русскимъ казенныхъ имѣній на особомъ осно-

ваніи, и на продолжительнѣйшее время съ тѣмъ, чтобы семейства Русскія могли бы въ оныхъ водворяться.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ выше сего способовъ къ достиженію сказанной цѣли, болѣе всего необходимо предварительно приготовить умы въ пользу правительства облегченіемъ обывателей въ несомыхъ ими неуравнительныхъ тягостяхъ, гораздо превышающихъ даже способы края. Я весьма далекъ отъ той мысли, чтобы должно было оказывать одной области государства преимущества противъ другихъ, особенно въ ущербъ прочихъ; однакоже есть случаи, въ которыхъ благодѣтельная попечительность правительства должна стремиться къ облегченію неуравнительныхъ тягостей края и оказать ему нѣкоторую помощь, служащую къ коренному улучшенію онаго и располагающую умы обывателей таковою отеческою попечительностію ко всѣмъ преобразованіямъ, которыя благоугодно будетъ правительству ввести.

Причины всеобщей бѣдности Бѣлоруссіи, а въ особенности нищеты и угнетеннаго положенія крестьянъ, происходятъ отъ столь многосложныхъ обстоятельствъ и собственнаго географическаго положенія губерніи, что изложеніе оныхъ требуетъ подробнаго развитія, также и тѣхъ пожертвованій, которыя необходимо правительству сдѣлать какъ для улучшенія собственнаго края, такъ преимущественно для расположенія умовъ въ его пользу; но я изложеніемъ оныхъ здѣсь воздерживаюсь, дабы не обременить протяжностію сей краткой записки, тѣмъ болѣе, что предметъ сей долженъ быть соображенъ съ общими средствами государства. Но не могу однакоже умолчать, что сіе совершенно необходимо, ежели правительству угодно приступить къ исполненію благодѣтельной цѣли сближенія Бѣлоруссіи съ Россіею.

Въ заключеніе всего обязаннымъ нахожусь доложить, что всѣ прописанныя выше сего мѣры, по мнѣнію моему, тогда только могутъ быть полезны, когда будутъ примѣнены съ должною осмотрительностію и постоянно соблюдаемы общими распоряженіями правительства; ибо въ противномъ случаѣ всякое противурѣчіе въ распоряженіяхъ, безнужное оскорбленіе мнѣній и умовъ, употребленіе полумѣръ тамъ, гдѣ должно дѣйствовать рѣшительно, и напротивъ того употребленіе рѣшительныхъ мѣръ, гдѣ требуется осторожность и предварительное пріуготовленіе мнѣній (которыми всегда весьма легко правительству направлять по своему произволу, особенно въ семъ краѣ) произведутъ болѣе вреда, нежели пользы.

Отличительная черта характера большей части обывателей сей губерніи есть покорность, спокойствіе, искательство, тщеславіе въ своемъ краѣ и временная самонадѣянность при малѣйшемъ сомнѣніи въ нерѣшительности правительства, и также безмолвная покорность

при дѣйствіяхъ самостоятельныхъ. Основываясь на сихъ чертахъ характера народа или лучше сказать дворянства, здѣсь весьма незначительнаго и сверхъ того еще мало образованнаго, правительству должно соразмѣрять свои дѣйствія, опредѣливъ предварительно время приведенія въ исполненіе предположенныхъ средствъ и нисколько не укосняясь въ оныхъ. Тѣже лица, на которыя нельзя будетъ положиться и ихъ вліяніе будетъ найдено опаснымъ, можно подъ благовидными предлогами, польстивъ ихъ тщеславію, помѣстить на приличныя мѣста во внутрь Имперіи.

Впрочемъ правительство можетъ до всего достигнуть въ Бѣлоруссіи, лишь бы положительно къ сему приступило мѣрами осторожными, пользуясь характеромъ и тщеславіемъ дворянства, наградивъ знаками наружнаго отличія наиболѣе оному приверженныхъ. Для лучшаго приличія можно даже склонить многихъ къ поднесенію адресовъ правительству въ томъ смыслѣ, въ которомъ оному будетъ угодно: ибо вообще мнѣніе и духъ обывателей сей губерніи весьма легко могутъ быть направляемы въ пользу правительства и ежели они еще нѣсколько чужды, то единственно потому, что не было на сей важный предметъ обращаемо должнаго вниманія; словомъ, нужна единая священная воля Вашего Императорскаго Величества, предварительное начертаніе способовъ, постояннаго положительнаго плана дѣйствія, и направленіе всѣхъ отраслей управленія сего края къ одной и той же цѣли, и тогда рѣшительно можно удостовѣрить, что Могилевская губерная, въ самомъ непродолжительномъ времени, безъ малѣйшаго затрудненія, на вѣчныя времена нравственно сольется съ Россійскою имперіею.

II.

ЗАПИСКА 1831 ГОДА

объ учрежденіи приличнаго гражданскаго управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ управленія Могилевскою губерніею, вникая въ духъ и характеръ ея обывателей, я старался, по непрестаннымъ сношеніямъ оныхъ съ Литовскими губерніями, познать прочія отъ Польши возвращенныя области, вліяніе коихъ и на самую Бѣлоруссію столько еще значительно, что мятежныя въ оныхъ происшедшія событія произвели даже въ Бѣлоруссіи нѣкоторое колебаніе во мнѣніяхъ.

Благодѣтельною волею всемилостивѣйшаго Государя главныя начала сего политическаго отчужденія Бѣлоруссіи уже пресѣчены, и нужны лишь окончательныя распоряженія Правительствующаго Сената для совершеннаго и точнаго исполненія оной.

Случаю угодно было, чтобы я былъ въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ употребленъ, по волѣ бывшаго главнокомандующаго резервною арміею, къ содѣйствію въ прекращеніи мятежей въ Минской и Литовскихъ губерніяхъ и водворенію гражданскаго управленія въ Самогитіи, а потому, исполняя возложенную на меня обязанность, я старался со вниманіемъ слѣдовать за всѣми связями тайныхъ крамолъ мятежниковъ и сколько возможно вникать въ характеръ обывателей и истинныя причины, произведшія толикія бѣдствія.

Опытъ достаточно доказалъ, что совершенно необходимо безъ замедленія стараться общими правительственными распоряженіями уничтожить тѣ начала, которыя наиболѣе способствовали къ развитію мятежа, смирить умы мѣрами предусмотрительнаго и дѣятельнаго управленія и, пользуясь нынѣшнимъ утомленіемъ мнѣній, измѣнить весь составъ и порядокъ внутренняго управленія сими губерніями, основавъ оное на началахъ прочныхъ и соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ, посредствомъ энергическихъ дѣйствій котораго могли бы всегда быть остановлены при самомъ началѣ всякія предпріятія и тайныя крамолы къ нарушенію тишины. Но какъ самый составъ общаго таковаго управленія для удобства дѣйствій долженъ наиболѣе быть сосредоточенъ, то я полагалъ бы необходимымъ:

1) Подчинить каждыя двѣ изъ сихъ губерній временно намѣстнику, который былъ бы снабженъ особыми инструкціями въ руководство тѣхъ преобразованій, которыя должны быть сдѣланы; ибо въ сихъ областяхъ наиболѣе нужны сосредоточенная власть и предусмотрительныя гражданскія политическія распоряженія, истекающія отъ высочайшей воли.

2) Дѣйствія намѣстника въ отношеніи совершеннаго усмиренія и преобразованія края не должны быть подвергнуты общему раздробительному распоряженію высшаго начальства, кромѣ обыкновенной текущей переписки, а зависѣть прямо отъ благодѣтельной воли его Императорскаго Величества, и по мѣрѣ надобности отъ высочайшаго соизволенія даются намѣстнику особыя наставленія и права.

3) Не смѣя входить въ подробности сего предположенія, полагалъ бы однакожъ, что для единообразнаго сосредоточенія всѣхъ распоряженій, касательно предстоящихъ коренныхъ преобразованій въ сихъ областяхъ, было бы полезно учредить особый комитетъ, котораго ме-

моріи исполнялись бы съ высочайшаго утвержденія, кромѣ случаевъ не выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ.

4) Всѣ раздробленныя части управленія въ губерніяхъ должны, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ, хотя временно совокуплены быть въ лицѣ намѣстника области и получать отъ него приличныя направленія, соотвѣтственно высочайше данной ему власти и инструкцій, кромѣ финансоваго управленія, получившаго уже вездѣ прочное и единообразное основаніе.

5) Гражданскіе губернаторы, опредѣленные въ сіи губерніи, должны быть коренные Русскіе и не имѣть родственныхъ связей въ тѣхъ губерніяхъ; нравственныя качества, усердіе къ благу службы, дѣятельность, способность и знаніе края должны служить руководствомъ въ назначеніи оныхъ.

6) Дѣйствія гражданскихъ губернаторовъ должны быть подчинены лишь наблюденію намѣстника, и права ихъ болѣе или менѣе распространены по мѣрѣ особой высочайшей воли; ибо благо службы въ таковыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ умноженія власти и правъ по мѣрѣ встрѣчающихся мѣстныхъ политическихъ надобностей, которыя не всегда удобно впередъ опредѣлены быть могутъ.

7) Всѣ губернскіе чиновники должны быть преимущественно замѣщены изъ коренныхъ Русскихъ, извѣстныхъ своими нравственными свойствами, знаніемъ дѣла и совершенно обезпечены приличнымъ содержаніемъ.

8) Предоставя выгоду въ чинахъ и содержаніи и сдѣлавъ вызовъ благонамѣренныхъ лицъ изъ Россіи, никакого нѣтъ сомнѣнія, что съ пособіемъ намѣстника области и благонамѣреннаго губернатора чиновники изъ самыхъ лучшихъ фамилій, для блага отечества, примутъ на себя сіи обязанности.

9) Гражданскія палаты однѣ, по мнѣнію моему, могутъ сохранить своихъ предсѣдателей изъ туземцевъ, но съ тѣмъ, чтобы совѣтникъ и половинное число засѣдателей были бы назначены отъ короны. Уголовныя же Палаты должны быть безъ исключенія составлены изъ Русскихъ самоблагонамѣренныхъ чиновниковъ, ибо отъ справедливаго дѣйствія Уголовной Палаты много зависитъ порядокъ въ губерніи.

10) Какъ таковыми распоряженіями на счетъ чиновниковъ отъемлется на нѣкоторое время возможность туземцамъ занимать въ губерніяхъ своихъ коронныя мѣста, то и полезно было бы доставить имъ возможность служенія внутри Россіи, послѣ котораго, если нѣкоторые изъ нихъ окажутся достойными довѣрія начальства, то могутъ получить мѣста въ своей губерніи; но таковую мѣру, по мнѣнію моему, публиковать не должно. Предусмотрительность намѣстника мо-

жетъ весьма легко косвеннымъ образомъ многихъ на сіе склонить и сіе даже необходимо относительно людей нѣсколько опасныхъ.

11) Почтовыя конторы и прочіе чиновники почтоваго вѣдомства должны также зависѣть отъ намѣстника области и немедленно замѣщены быть коренными Русскими: опытъ доказалъ, сколько даже мелочные почтовые чиновники, опредѣленные изъ туземцевъ, были вредны, ибо они съ удобствомъ со всѣхъ станцій болѣе или менѣе распространяли въ краю мятежныя извѣстія.

12) Полиціи въ городахъ и уѣздахъ должны быть также основаны совершенно на иныхъ началахъ. Въ народѣ, въ коемъ обыватели болѣе или менѣе раздѣляютъ преступныя намѣренія, необходимо сколько возможно раздробить и усилить вліяніе, наблюденіе и отвѣтственность полицій, избравъ для сего людей достойныхъ довѣрія правительства, и наконецъ возложивъ на самыхъ значительнѣйшихъ владѣльцевъ и даже ксендзовъ-плебановъ *), имѣющихъ наиболѣе вліяніе въ приходахъ своихъ, непосредственную строжайшую отвѣтственность за малѣйшее допущеніе въ оныхъ какихъ-либо безпорядковъ, злонамѣренныхъ скопищъ и крамолъ: опытъ доказалъ, что однимъ симъ способомъ полицейскаго парафіальнаго раздѣленія и управленія уѣзда, имѣющаго удобство раздробительности и строгой отвѣтственности, можно прочнымъ образомъ обезпечить спокойствіе края.

13) Главное полицейское управленіе въ уѣздахъ должно быть поручено предсѣдательству исправниковъ, назначенныхъ изъ самоблагонадежныхъ коренныхъ Русскихъ чиновниковъ, совершенно обезпеченныхъ въ своемъ существованіи; прочіе члены Земскаго Суда должны быть также изъ Русскихъ, и число ихъ умножено, соображаясь съ населеніемъ и обширностію уѣзда.

14) Для избѣжанія самоуправныхъ дѣйствій въ политическомъ наблюденіи за уѣздомъ, необходимо возложить на обязанность особаго дворянскаго чиновника, или самого предводителя, дѣлать обще съ земскимъ исправникомъ распоряженія на счетъ спокойствія и тишины въ уѣздахъ. Всѣ общія обыкновенныя распоряженія Земскаго Суда должны идти на извѣстномъ основаніи учрежденія о губерніяхъ.

15) Подробности сего парафіальнаго управленія, основаннаго на взаимной отвѣтственности главнѣйшихъ лицъ въ уѣздахъ и опредѣ-

---

*) Хотя въ общихъ политическихъ распоряженіяхъ необходимо умепьшить вліяніе ксендзовъ, но до того времени, не возлагая на нихъ служебныхъ обязанностей, должно воспользоваться ихъ вліяніемъ въ приходахъ и заставить отвѣчать за допущеніе противозаконныхъ скопищъ, ибо безъ участія ихъ ничего въ приходахъ обывателями не предпринимается.

леніи правъ и обязанности инструкціями, требуютъ особаго изложенія, которое можетъ быть сдѣлано, ежели благоугодно будетъ правительству принять сію систему парафіальнаго полицейскаго управленія. Удобство сего управленія, временно введеннаго мною съ разрѣшенія г. главнокомандовавшаго въ Самогитіи, достаточно уже на опытѣ доказано.

16) Таковымъ образомъ устроенныя полицейскія управленія, непосредственно зависящія отъ благоразумной распорядительности намѣстника области и начальника губерніи, безъ всякаго сомнѣнія, произведутъ значительную пользу и пресѣкутъ зло при самомъ началѣ, ежели въ составъ оныхъ будутъ входить лица, соотвѣтствующія благонамѣренной цѣли учрежденія, и притомъ судъ и расправа за нарушеніе вѣрноподданнической присяги до нѣкотораго времени будетъ производиться по силѣ военныхъ законовъ, въ таковыхъ случаяхъ совершенно необходимыхъ; ибо всякій бунтъ есть моральное зло и болѣзнь, которую при самомъ началѣ должно пресѣкать и предупреждать мѣрами сильными.

17) Городскія правленія должны также быть составлены изъ коренныхъ Русскихъ, измѣнивъ совершенно составъ полицейскихъ командъ и внутренней стражи, которыя, доселѣ бывши наполнены туземцами, были въ уѣздахъ первымъ основаніемъ успѣха мятежниковъ.

18) Утвержденіе чиновниковъ, назначаемыхъ отъ выбора дворянства, не исключая даже и губернскаго предводителя, должно, не ограничиваясь двумя кандидатами, зависѣть отъ намѣстника, и онъ долженъ въ семъ случаѣ сообразоваться съ нравственнымъ и политическимъ расположеніемъ умовъ и въ особенности самихъ избранныхъ лицъ.

19) Судебныя присутственныя мѣста въ уѣздахъ должны такъ же, по мнѣнію моему, какъ и гражданскія палаты, частію составлены быть изъ коренныхъ Россійскихъ чиновниковъ, въ магистратахъ же и ратушахъ допущены къ засѣданію и именитые Евреи, усиленіе вліянія коихъ въ семъ краѣ для правительства нашего совершенно еще необходимо.

20) Канцеляріи всѣхъ полицейскихъ правительственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, должны быть на первый случай по крайней мѣрѣ на половину наполнены Русскими; а въ особенности безъ исключенія должны быть ими заняты всѣ должности секретарей, столоначальниковъ и повытчиковъ, оставивъ лишь нѣсколько производителей изъ туземцевъ для переводовъ Польскихъ документовъ. Канцелярскіе сіи чиновники должны также быть обезпечены въ своемъ содержаніи и легко могутъ быть выписаны изъ Россіи, съ нѣкоторыми предоставленными выгодами на счетъ чиновъ.

21) По причинѣ необходимаго бдительнаго присмотра за порядкомъ полицейскаго управленія, должно назначить начальнику губерніи по крайней мѣрѣ четырехъ благонадежныхъ Русскихъ чиновниковъ для особыхъ порученій, а къ намѣстнику по усмотрѣнію его, сколько надобность въ томъ востребуетъ по обширности ввѣренной ему области, обезпечивъ чиновниковъ сихъ какъ при намѣстникѣ, такъ и гражданскомъ губернаторѣ особымъ отличнымъ содержаніемъ и выгодами по службѣ; ибо отъ усердія, благонамѣренности и дѣятельности оныхъ во многомъ будетъ зависѣть успѣхъ новаго устройства и порядка въ губерніи.

22) Вообще всѣ чиновники, опредѣляемые въ губернію, какого бы они вѣдомства ни были, должны непосредственно зависѣть отъ намѣстника, который отвѣчаетъ за ввѣренную ему область предъ Государемъ, а потому и не можетъ быть стѣсняемъ въ назначеніи оныхъ, и помимо его никто опредѣленъ быть не долженъ. Награжденіе чиновниковъ должно также непосредственно производиться по его представленіямъ прямо къ Государю Императору; ибо тогда только можетъ быть успѣхъ въ управленіи губерніи, когда власть намѣстника будетъ сосредоточена.

23) Всякая губернія и область, до совершеннаго окончанія кореннаго преобразованія, должна имѣть опредѣлительное число постоянной военной силы, непосредственно зависящей въ губерніяхъ отъ начальниковъ оныхъ, а вообще въ области отъ намѣстника.

24) Команды сіи должны преимущественно состоять изъ легкой конницы, способной для содѣйствія полицейскому управленію и малаго числа пѣхоты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ благовременною помощію оныхъ, всякое малѣйшее нарушеніе тишины и спокойствія будетъ при самомъ началѣ прекращено, и для сего нужно въ десятеро менѣе войскъ при соотвѣтственномъ гражданскомъ устройствѣ, нежели сколько употреблено было для укрощенія мятежей.

25) Независимо отъ общихъ мѣръ, принимаемыхъ высшимъ правительствомъ для наблюденія за умами обывателей, необходимо, чтобы намѣстникамъ и начальникамъ губерній даны были способы къ таковому же наблюденію за дѣйствіями обывателей, что весьма легко устроить въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ; ибо самый характеръ Поляковъ къ сему способствуетъ, и притомъ въ оныхъ есть много населеній: раскольниковъ, Евреевъ, Татаръ, разныхъ иноземцевъ, туземцевъ, Кальвинистовъ, и наконецъ Прусскихъ выходцевъ, которые всегда съ усердіемъ готовы служить нашему правительству, лишь бы мѣстное начальство умѣло употребить оныхъ и, не полагаясь на неосновательныя извѣстія, обращало бы преимущественно вни-

маніе на открытіе тайныхъ дѣйствій и внушенія лицъ зловредныхъ, предупреждая ихъ мѣрами благоразумными, не раздражая умовъ, до чего весьма легко достигнуть можно съ народомъ Польскимъ.

26) Важный предметъ предполагаемаго мною предварительнаго новаго преобразованія управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, здѣсь лишь вкратцѣ изложенъ въ главныхъ своихъ началахъ, которыя должны быть примѣняемы и даже измѣняемы по обстоятельствамъ мѣстнаго моральнаго и политическаго положенія областей.

27) Внимательный опытъ доказалъ необходимость сего преобразованія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ учрежденія помянутаго выше сего гражданскаго управленія нельзя отвѣчать за спокойствіе края, а еще менѣе приступать къ какимъ-либо кореннымъ политическимъ преобразованіямъ совершенно необходимымъ для уничтоженія всѣхъ элементовъ, произведшихъ толикія бѣдствія и упрочившихъ отчужденіе края сего отъ Россіи.

О политическомъ преобразованіи губерній отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи.

Не касаясь общихъ причинъ, ускорившихъ и приготовившихъ умы къ возстанію противозаконной власти, происходящихъ отъ общихъ правительственныхъ долговременныхъ распоряженій относительно Царства Польскаго, поддержанія духа полонизма во всѣхъ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, образованія Польскаго и Литовскаго отдѣльнаго войска и иныхъ важнѣйшихъ причинъ, довольно уже извѣстныхъ правительству, обращусь лишь къ тѣмъ предметамъ, которые по мнѣнію моему собственно должны быть измѣнены въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, не дерзая входить въ сужденіе общихъ правительственныхъ распоряженій, требующихъ государственнаго соображенія и потому превышающихъ способности и возможности мои.

1) Литва, какъ и Бѣлоруссія, получила въ послѣдствіи времени подтвержденіе правъ своихъ въ отношеніи удержанія въ оной законовъ Польскихъ и Литовскихъ, въ существѣ своемъ служащихъ лишь къ запутанности дѣлъ и отчужденію края сего отъ Россіи.

2) Уничтоженіе Литовскаго Статута, по крайней мѣрѣ въ способахъ процедуры, вовсе несообразныхъ съ существомъ хода дѣлъ во всемъ государствѣ, есть, по мнѣнію моему, совершенно необходимо и можетъ быть исполнено, а въ особенности нынѣ (знавши духъ Литовцевъ) безъ особаго затрудненія. Различіе мѣръ осторожности про

тиву Бѣлоруссіи должно состоять только въ томъ, чтобы предварительно привести въ извѣстность весь многочисленный классъ скитающихся въ Литвѣ адвокатовъ, служившій основаніемъ къ распространенію мятежа и потому опасный и вредный. Адвокатовъ сихъ необходимо постепенно благоразумными мѣрами отвлечь къ разнымъ должностямъ внутрь Имперіи въ мѣста безопасныя, но отнюдь не въ столицы, гдѣ и безъ того слишкомъ много Поляковъ служитъ по разнымъ отраслямъ правительственнаго управленія.

3) Съ удаленіемъ адвокатовъ Литовское дворянство, въ существѣ своемъ мало образованное, а въ Самогитіи отличающееся особою грубостію и тупостію въ понятіяхъ, и наконецъ во всей Польшѣ всегда уступчивое и покорное при мѣрахъ благоразумной рѣшительности, безъ всякаго сомнѣнія безмолвно будетъ покорствовать и равнодушно смотрѣть на всѣ преобразованія, о которыхъ лишь могло говорить и думать, когда были люди способные внушать оному подобныя понятія.

4) Внимательное наблюденіе бывшаго мятежа въ Литвѣ достаточно обнаружило ничтожный характеръ Литовцевъ, и потому можно утвердительно сказать, что, при благоразумномъ и дѣятельномъ управленіи намѣстника, устройствѣ приличнаго полицейскаго внутренняго порядка и предварительнаго отстраненія главныхъ элементовъ, возродившихъ мятежъ въ Литвѣ, весьма удобно будетъ сдѣлать въ оной всѣ тѣ преобразованія, которыя угодны будутъ правительству, и Литовцы примутъ оныя едва-ли даже не съ бо́льшею покорностію, нежели въ Бѣлоруссіи, особенно послѣ случившихся событій. Но для сего необходимо:

5) Рѣшительно уничтожить гнѣздилище Литовскаго вольнодумства раскасированіемъ Виленскаго университета по разнымъ училищамъ во внутрь Имперіи, преобразовавъ постепенно всю учебную часть на основаніи Россійскихъ учебныхъ заведеній и отнявъ у духовенства право заниматься образованіемъ юношества. Все сіе должно предоставить благоразумному распоряженію намѣстника области и дать ему достаточныя средства и власть къ приведенію въ исполненіе сего предпріятія. Преобразованіе внутреннихъ училищъ въ Литовскихъ губерніяхъ, равно и духовныхъ, можетъ быть произведено постепенно, дабы тѣмъ временемъ не затруднить воспитанія юношества и не произвести безнужнаго ропота. Рѣшительное же раскасированіе и уничтоженіе навсегда Виленскаго университета можетъ быть приведено немедленно въ исполненіе; ибо университетъ сей теперь существуетъ лишь по одному имени, и большая часть воспитывавшагося въ оном юношества и даже много учителей разошлись и толпами пристали къ бунтовщикамъ.

6) Мѣра сія, по мнѣнію моему, совершенно необходима, но по важности предмета требуетъ благоразумнаго примѣненія и исполненія

7) Виленскій университетъ, столь прославляемый въ общемъ мнѣніи Поляковъ, сколько я могъ замѣтить (имѣвши въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма часто случаи видѣть людей въ ономъ образованныхъ) вовсе не есть источникъ должнаго просвѣщенія. Литовское дворянство какъ бы по нѣкоему предубѣжденію посылаетъ туда своихъ дѣтей, которыя, проводя дни въ праздности и вольнодумствѣ, не обучаясь ничему основательному, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ праздношатанія, возвращаются домой, получивъ въ ономъ нѣкій наружный блескъ вреднаго полупросвѣщенія и рѣшительное основаніе вольдумства. Одно сословіе шляхты и разночинцевъ пріобрѣтало при томъ же вольнодумствѣ нѣкоторыя знанія, а въ особенности по части духовной, медицинской и адвокатской, также дѣти экономовъ, коммиссаровъ и прочихъ бѣднѣйшихъ сословій пользовались нѣкоторыми выгодами онаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтали еще болѣе духа вольнодумства, безвѣрія и разврата.

8) Римское духовенство, пользуясь толикими привиллегіями подъ правленіемъ Россіи, наиболѣе имѣетъ способовъ вредить оной чрезмѣрнымъ вліяніемъ своимъ на умы обывателей, которыхъ оно не престанетъ побуждать къ возстанію противъ правительства, доколѣ не будетъ лишено главныхъ къ сему способовъ богатствомъ своимъ и правомъ воспитывать юношество.

9) Никакія милости и благодѣянія правительства не въ силахъ привязать сословія сего къ Россіи; ибо Римское духовенство чувствуетъ, что отдѣльнымъ С.-Петербургскимъ коллегіальнымъ управленіемъ оно отчуждается отъ власти папы Римскаго, а потому со временемъ должно лишиться многихъ духовныхъ правъ, несовмѣстныхъ въ благоустроенномъ самостоятельномъ государствѣ.

10) Духовенство въ коренныхъ понятіяхъ своихъ связываетъ существованіе Католицизма съ независимостію Польши, и потому дотолѣ будетъ возбуждать обывателей къ мятежу, пока рѣшительными мѣрами (не касаясь впрочемъ до обрядовъ религіи) не уменьшится вліяніе его лишеніемъ тѣхъ богатствъ, которыя даютъ оному толикое надъ прочими преимущество и не отымется право вселять въ юныя сердца воспитывающихся отчужденіе отъ всего Русскаго.

11) Мѣры отнятія духовныхъ имѣній и лишенія права воспитывать юношества суть совершенно необходимы, но должны быть приведены въ исполненіе съ большою осторожностію и въ особенности въ Самогитіи, въ которой духовенство вліяніемъ своимъ пріобрѣло почти неограниченную власть надъ обывателями.

12) По мнѣнію моему, къ сему приступить должно теперь, пока умы еще поражены и утомлены неудачею въ мятежѣ, лишая постепенно сихъ правъ тѣ монастыри и костелы, въ которыхъ по сдѣланному изысканію наиболѣе распространялся духовенствомъ духъ мятежа, и какъ въ таковыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ едва ли хотя одинъ кляшторъ или костелъ не участвовалъ, то, дабы не поразить мнѣній крутою мѣрою, благоразумное мѣстное начальство можетъ обратить силу сего распоряженія на болѣе опасныя и вольнодумныя конгрегаціи, сначала будто бы временно лишивъ богатѣйшіе монастыри и кляшторы недвижимыхъ имѣній, когда же въ послѣдствіи времени къ сей мысли пріобыкнутъ, то рѣшительно отнять вообще всѣ духовныя имѣнія.

13) Таковымъ же образомъ можно поступить и относительно воспитанія юношества, замѣнивъ съ тѣмъ вмѣстѣ духовныя училища свѣтскими, на общемъ основаніи.

14) Кромѣ сихъ главныхъ двухъ предположеній, есть еще много иныхъ частныхъ мѣръ, которыя необходимо предпринять намѣстнику къ обезпеченію области отъ вреднаго вліянія Римскаго духовенства, какъ-то: ограниченіе числа онаго въ монастыряхъ и приходахъ, прекращеніе праздношатанія ихъ безъ надлежащихъ видовъ по губерніи, строгое воспрещеніе принимать въ сословіе свое разныя лица безъ вѣдома мѣстнаго начальства, часто весьма подозрительныхъ и даже изъ Царства Польскаго и проч. проч., которые безпорядки, допущаемые умышленно мѣстнымъ главнымъ Католическимъ духовенствомъ, вовсе независящимъ отъ гражданскаго управленія, умножаютъ самовольное вредное онаго вліяніе на умы обывателей.

15) Многочисленное сословіе шляхты, издревле буйное и развратное, не взирая на всѣ предоставленныя оному льготы, было, есть и всегда будетъ первымъ орудіемъ и оплотомъ мятежа, ежели не будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ коренному преобразованію политическаго и гражданскаго бытія онаго.

16) Сіе сословіе тунеядцевъ, по большей части неосѣдлое и привыкшее къ праздношатанію, по духу и характеру своему всегда буйное, дотолѣ не будетъ спокойно, пока правительство не сдѣлаетъ оному надлежащаго разбора и не переселитъ въ отдаленныя охранныя пограничныя линіи тѣхъ изъ нихъ, которые, не имѣя осѣдлости и не доказавъ дворянства своего, мечтаютъ получить права и преимущества посредствомъ мятежей или иныхъ политическихъ переворотовъ.

17) Опытъ доказалъ, что въ Литовскихъ и Минскихъ мятежахъ неосѣдлая шляхта составляла самыя буйныя, постоянныя и злобныя толпища мятежниковъ, и даже во времена спокойныя большая часть

разнаго рода преступленій въ губерніяхъ производится лицами изъ сего же сословія.

18) Сіе неосѣдлое сословіе людей, язва всякаго края, должно быть немедленно для благоустройства въ губерніяхъ, по сдѣланному разбору правъ ихъ на дворянство, частію, какъ выше сказано, переселено, а осѣдлые и не доказавшіе своего шляхетства въ герольдіи принуждены къ избранію приличнаго образа жизни, приписавъ тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную осѣдлость, но не доказали своего дворянства, къ разнымъ городскимъ обществамъ.

19) Для точнаго исполненія сего преобразованія, необходимо положить кратчайшій срокъ, послѣ котораго уже не допускать вновь образованія сего пагубнаго сословія изъ бродягъ и иныхъ лицъ, которыя по нынѣ оное безпрестанно умножаютъ. Важный предметъ сего преобразованія шляхты требуетъ отдѣльнаго изложенія, которое особо препровождено, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, къ управляющему министерствомъ юстиціи.

Кромѣ всѣхъ вышепоименованыхъ главныхъ предметовъ, долженствующихъ, по мнѣнію моему, войти въ составъ политическаго преобразованія губерній отъ Польши возвращенныхъ, есть еще много иныхъ второстепенной важности, которыя не должны однако выходить изъ цѣли и вниманія намѣстниковъ тѣхъ областей, какъ-то: введеніе Россійскихъ наименованій мѣстъ и должностей, писаніе на Россійскомъ языкѣ всѣхъ служебныхъ бумагъ, умноженіе Русскихъ семействъ въ Литвѣ, сколько возможно доставленіе имъ прочной осѣдлости, словомъ даже всѣхъ тѣхъ мелочныхъ оттѣнковъ, которые отдѣльно сами по себѣ не составляютъ, кажется, особой важности, но въ сложности съ прочими безъ всякаго сомнѣнія произведутъ въ послѣдствіи времени полезное вліяніе и будутъ служить къ истребленію существующаго еще понынѣ отчужденія сихъ областей отъ Россіи.

Важный предметъ, мною вкратцѣ здѣсь описываемый, требуетъ внимательнаго и подробнаго изложенія способовъ и времени постепеннаго онаго примѣненія; но какъ цѣль сего писанія есть лишь представленіе правительству настоящихъ элементовъ и недостатковъ наиболѣе способствовавшимъ, по мнѣнію моему, къ развитію мятежа въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, и притомъ настоящая причина допущенія сего была и понынѣ еще есть недостатокъ въ коренномъ составѣ и образованіи мѣстнаго управленія (что можетъ быть на всякомъ шагу доказано неоспоримыми событіями): то и ограничиваюсь въ сей запискѣ изложеніемъ способа того управленія, которое по слабому разумѣнію моему совершенно необходимо къ огражденію края сего отъ подобныхъ же бѣдствій и къ упроченію на будущія

времена посредствомъ политическихъ коренныхъ преобразованій спокойствія и совершеннаго слитія онаго съ Россійскою Имперіею.

III.

Записка о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края.

Подана 14 Мая 1864 года.

1) Хотя внѣшній мятежъ въ Сѣверо-западномъ краѣ окончательно и подавленъ, но огонь тлѣетъ еще подъ пепломъ, и несомнѣнно, что, съ ослабленіемъ правительственныхъ мѣръ наблюденія, онъ опять возгорится еще съ вящшею силою; а потому, зная Польскую самонадѣянность и безуміе, можно ли допустить, какъ нѣкоторые полагаютъ, примиреніе съ Польскимъ элементомъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и, принявъ обманчивую маску Польской покорности за чистосердечное чувство раскаянія и моленіе о помилованіи, обратиться къ прежней системѣ уступчиваго управленія?

2) Можетъ ли высшее правительство допустить, чтобъ край, въ которомъ 3—6 населенія вполнѣ Русскаго, исповѣдующаго Православную вѣру, могъ когда либо быть признанъ Польскимъ, и дозволить, какъ это было въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, развиваться въ немъ Польскому элементу, совершенно чуждому и допущенному тамъ лишь по нашему малому предвидѣнію и недостатку уваженія къ собственной народности?

3) Не слѣдуетъ ли правительству разъ на всегда сознать прежнія ошибки въ управленіи Сѣверо-западнымъ краемъ, признать его окончательно Русскимъ, составляющимъ древнее достояніе Россіи, постановивъ непремѣннымъ правиломъ, чтобы въ краѣ отнюдь не было допускаемо ни малѣйшихъ признаковъ Польской пропаганды и принявъ дѣятельныя мѣры къ подавленію пришлаго Польскаго элемента и къ окончательному возстановленію Русской народности, отнюдь не дозволяя уклоняться отъ принятой въ семъ отношеніи системы?

4) Не должно ли, наконецъ, правительство убѣдиться, что одними мѣрами строгой справедливости, а отнюдь не снисхожденіемъ и уступками, можно удержать этотъ край и остановить безумные порывы Польской пропаганды и всегда враждебныхъ намъ Римско-католическаго духовенства и шляхетства?

Для утвержденія Русскаго владычества въ Сѣверо-западномъ краѣ необходимо принять слѣдующія главныя мѣры:

1) Упрочить и возвысить Русскую народность и Православіе, такъ, чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ

когда-либо сдѣлаться Польскимъ. Въ сихъ видахъ въ особенности заняться прочнымъ устройствомъ быта крестьянъ и распространеніемъ общественнаго образованія въ духѣ Православія и Русской народности.

2) Поддержать православное духовенство, поставивъ его въ положеніе независимое отъ землевладѣльцевъ, дабы совокупно съ народомъ оно могло твердо противостоять Польской пропагандѣ, которая, безъ сомнѣнія, еще нѣкоторое время будетъ пытаться пускать свои корни. Римско-католическое же духовенство поставить въ такое положеніе, чтобы оно не могло болѣе вредить своимъ фанатическимъ возбужденіемъ обывателей къ противодѣйствію постановленіямъ правительства, и для сего учредить за нимъ повсюду строжайшее наблюденіе и взыскивать неукоснительно за всякое отступленіе отъ законнаго порядка и въ особенности за манифестаціи въ смыслѣ Польской пропаганды.

3) Въ отношеніи общей администраціи принять слѣдующія мѣры: устроить такимъ образомъ правительственные органы въ краѣ, чтобы высшія служебныя мѣста и мѣста отдѣльныхъ начальниковъ, а равно всѣ тѣ, которыя приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, были замѣщены чиновниками Русскаго происхожденія.

Водворить Русскій элементъ въ краѣ всѣми возможными средствами, какъ-то: поселеніемъ тамъ Русскихъ крестьянъ, продажею Русскимъ лицамъ всѣхъ сословій конфискованныхъ, секвестрованныхъ и просроченныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣній, изгнаніемъ изъ края всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ мятежѣ и крамолахъ и недопущеніемъ ихъ возвращаться на родину; ибо своимъ присутствіемъ они, безъ всякаго сомнѣнія, значительно усугубили бы зло, чему бывали неоднократные примѣры.

Наконецъ, само высшее правительство должно идти твердо и непоколебимо избраннымъ имъ путемъ, отнюдь не допуская въ краѣ Польскаго элемента, прекращая неукоснительно строгими мѣрами всякія даже малѣйшія попытки къ распространенію Польской пропаганды и имѣя въ виду, что хотя въ настоящее время революціонная организація и жондъ уже обезсилены и уничтожены въ Сѣверо-западномъ краѣ, но многіе изъ его агентовъ продолжаютъ дѣйствовать внѣ предѣловъ Западнаго края, въ столицахъ и внутри Имперіи.

Мѣры въ отношеніи устройства быта крестьянъ.

1) Всѣ правительственные органы, какъ высшіе, такъ и мѣстные, должны быть неуклонно направлены къ тому, чтобы крестьяне были поставлены въ совершенно независимое положеніе отъ владѣльцевъ и не могли быть стѣсняемы ими въ средствахъ своего хозяйства, а для сего чтобы имъ были возвращены всѣ тѣ угодья, которыя у нихъ отняты съ 1857 года т.-е. со времени заявленія самими владѣльцами о ихъ желаніи упрочить бытъ крестьянъ.

2) Какъ инвентари съ 1846 года служили основаніемъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и въ народѣ считаются единственнымъ указаніемъ для разбора взаимныхъ притязаній и по угодьямъ и по повинностямъ, и какъ при томъ сами помѣщики внесли въ уставныя грамоты крестьянскія повинности по инвентарямъ, измѣнивъ земельные надѣлы; посему справедливость требуетъ всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые съ 1846 г. были обезземелены, возвратить хотя часть земли, которою они владѣли, дабы они могли построить на ней хату и имѣть по крайней мѣрѣ огородъ и небольшую запашку. Сею единственно мѣрою возможно было удержать помѣщиковъ отъ насильственной высылки крестьянъ въ мятежъ. При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что отнятіе земельныхъ участковъ не только у временнообязанныхъ крестьянъ, но и у старообрядцевъ, шляхты, вольныхъ людей и иныхъ, служило средствомъ побужденія ихъ къ участію въ мятежѣ; а потому правительство, не взирая на все противодѣйствіе землевладѣльцевъ, котораго теперь впрочемъ не существуетъ, должно удержать эту мѣру для будущаго спокойствія края.

3) Мировыя учрежденія не должны ни подъ какимъ видомъ отступать отъ начала правильной оцѣнки земельныхъ угодій, изъ угожденія помѣщикамъ и въ особенности нѣкоторымъ личностямъ; а напротивъ того дѣйствовать на точномъ основаніи закона и данныхъ имъ инструкцій, имѣя въ виду, что отдѣльные клочки земли, большею частію самаго дурнаго качества, отданные въ надѣлъ крестьянамъ, не могутъ быть оцѣнены какъ бы того желали сами помѣщики, привыкшіе брать съ крестьянъ непомѣрные оброки и потому жалующіеся на низкую оцѣнку.

4) Отнюдь не нарушать установленнаго правила, чтобы разверстаніе угодій дѣлалось не иначе какъ по полюбовному соглашенію, и оставлять пастбища въ общемъ владѣніи, если крестьяне сами не пожелаютъ отдѣльнаго выдѣла, предоставляя впрочемъ помѣщикамъ вхо-

дить по сему предмету въ ближайшія соглашенія и даже денежныя сдѣлки съ крестьянами. Равнымъ образомъ сохранить правило о топливѣ и въ отношеніи крестьянъ-собственниковъ на тотъ срокъ, который установленъ вообще для временно-обязанныхъ крестьянъ. Эта мѣра совершенно необходима по исключительности политическаго положенія края, ибо крестьяне должны быть поставлены въ полную независимость отъ помѣщиковъ.

5) Въ Инфляндскихъ уѣздахъ ограничить размѣръ крестьянскихъ платежей, постановивъ, чтобы оные отнюдь не превосходили того, что́ крестьяне платили до составленія уставныхъ грамотъ, при чемъ допустить и самую оцѣнку земель, какъ это сдѣлано въ прочихъ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ, не придерживаясь постановленія о густотѣ народонаселенія.

6) Скорѣе разрѣшить вопросъ о обезпеченіи вольныхъ людей, населяющихъ Западный край въ числѣ болѣе 70 т. душъ, которые находятся въ самомъ бѣдственномъ и стѣсненномъ положеніи; ибо они лишены правъ на землю и совершенно зависятъ отъ произвола владѣльцевъ, тогда какъ въ отношеніи повинностей они были въ одинаковомъ положеніи съ временно-обязанными крестьянами, которые получаютъ нынѣ отъ правительства полное огражденіе своихъ правъ.

7) Предоставить главному начальнику края, въ случаѣ невозможности для крестьянъ выплачивать, до окончанія дѣйствій повѣрочныхъ коммисій, огромные оброки, требуемые съ нихъ въ пользу помѣщиковъ по уставнымъ грамотамъ, отсрочивать таковые платежи, по усмотрѣнію дѣйствительной необходимости и безъ взысканія пеней.

Мѣры въ отношеніи народнаго образованія.

1) Обратить особенное вниманіе на устройство возможно большаго числа народныхъ школъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ. Въ этихъ школахъ преподавать самыя элементарныя знанія и преимущественно Русскую и Славянскую грамоту, первыя начала счисленія, молитвы, первоначальныя понятія о догматахъ Православной вѣры и обучать пѣнію на клиросѣ.

Школы эти преимущественно должны оставаться въ рукахъ духовенства, но гдѣ окажется нужнымъ, въ помощь духовнымъ лицамъ могутъ быть назначаемы и свѣтскія. Посему учреждать свѣтскія народныя школы слѣдуетъ только тамъ, гдѣ не будетъ возможности поручать оныя Православному духовенству. Содержаніе школъ въ селеніяхъ постепенно относить на счетъ сельскихъ обществъ, по мѣрѣ

изъявленія ими на то желанія; учителями же и ихъ помощниками назначать, гдѣ окажется удобнымъ, сельскихъ писарей изъ семинаристовъ вызванныхъ изъ Великороссійскихъ губерній, дабы тѣмъ самымъ сократить излишніе расходы и дать наставникамъ болѣе приличное содержаніе.

Въ настоящее время, по сдѣланному вызову, уже прибыло въ Сѣверо-западный край изъ разныхъ Великорусскихъ губерній до ста воспитанниковъ семинарій; всѣ они размѣщены на должности частію сельскихъ писарей, частію учителей и исполняютъ свои обязанности отлично. Для удержанія этихъ семинаристовъ на означенныхъ мѣстахъ и для привлеченія въ большемъ числѣ желающихъ, необходимо предоставить имъ нѣкоторыя служебныя преимущества, о чемъ представляется особое соображеніе.

2) Въ городахъ можно учреждать двухклассныя училища съ бо́льшимъ развитіемъ знаній, но отнюдь не допуская обученія Польскому языку.

3) Разсмотрѣть вновь, гдѣ можно ожидать пользы отъ оставленія гимназій и прогимназій и трехклассныхъ училищъ, и гдѣ таковыя надобно упразднить; ибо въ краѣ ихъ слишкомъ много, а учащихся въ нихъ теперь очень мало, какъ это видно изъ прилагаемой вѣдомости. Они стоятъ правительству дорого и образуютъ только враговъ Россіи: въ нихъ сосредоточивалась постоянно Польская пропаганда, и даже православные, которые получили образованіе въ сихъ гимназіяхъ и училищахъ, съ особеннымъ чувствомъ озлобленія противъ Россіи содѣйствовали мятежникамъ.

Достаточно было бы оставить гимназіи въ губернскихъ городахъ и, по особымъ уваженіямъ, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, преобразовавъ оныя совершенно и замѣстивъ всѣ преподавательскія мѣста учителями изъ Россіи. Деньги, которыя останутся отъ упраздненія излишнихъ гимназій и трехклассныхъ училищъ слѣдуетъ употребить на усиленіе вообще народнаго образованія въ селахъ и городахъ и на открытіе Русскихъ училищъ для приготовленія Русскихъ учителей, а также нѣсколькихъ женскихъ гимназій, совершенно необходимыхъ для распространенія Русской народности и уничтоженія частныхъ женскихъ пансіоновъ, въ коихъ сосредоточивается вредная язва Польской фанатической пропаганды между женщинами.

4) Ввести преподаваніе Жмудской грамоты Русскими буквами во всѣхъ школахъ Самогитіи. Подобные буквари теперь уже печатаются, и о распространеніи ихъ даны будутъ надлежащія наставленія.

5) Въ гимназіяхъ и прочихъ высшихъ училищахъ прекратить преподаваніе Польскаго языка, какъ это уже сдѣлано во всѣхъ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и какъ это было до 1858 года.

6) Прекратить продажу Польскихъ букварей и вообще руководствъ для преподаванія на Польскомъ языкѣ, издаваемыхъ въ Варшавѣ и иныхъ городахъ съ революціонною цѣлью; ибо въ оныхъ намѣренно вездѣ распространяются мысли объ отдѣленіи Сѣверо-западнаго края отъ Россіи, и самыя дѣтскія игры, продаваемыя повсемѣстно, направлены къ тому, чтобы изучать Географію и Исторію Польши въ предѣлахъ 1772 года. Такіе буквари и игры перепечатываются, кромѣ Варшавы, во всѣхъ Западныхъ губерніяхъ, что слѣдуетъ строго запретить.

7) Обратить особенное вниманіе на правильное преподаваніе Русской исторіи и въ особенности исторіи Западной Россіи.

8) Въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ назначить помощника къ попечителю, возложивъ на него постоянное наблюденіе на мѣстахъ за ходомъ народнаго образованія и поставивъ его въ ближайшія сношенія съ главнымъ начальникомъ края.

9) Такъ какъ въ Самогитіи, т.-е. въ Ковенской губерніи, требуется особенное наблюденіе и постоянный на мѣстахъ надзоръ за учебною частью, то посему слѣдуетъ назначить тамъ, въ помощь попечителю Виленскаго учебнаго округа, особаго инспектора, который бы слѣдилъ за успѣшнымъ развитіемъ Русскихъ школъ и заботился объ уничтоженіи вліянія на нихъ фанатическаго Католическаго духовенства.

10) Поручить министерству народнаго просвѣщенія немедленно командировать въ Сѣверо-западный край возможно большее число Русскихъ преподавателей въ гимназіи, съ оказаніемъ имъ надлежащаго пособія, и хотя временно, если они не пожелаютъ остаться въ Западномъ краѣ на постоянной службѣ; ибо необходимо безотлагательно извлечь народное образованіе изъ рукъ Польскихъ.

Мѣры въ отношеніи обезпеченія Православнаго духовенства.

1) Необходимость увеличенія содержанія Православному духовенству въ Сѣверо-западномъ краѣ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время разрѣшенію. Безъ содѣйствія Православнаго духовенства мы не можемъ надѣяться на прочное водвореніе Русской народности въ томъ краѣ. Духовенство наше

лишено тамъ всѣхъ средствъ существованія, а прихожане слишкомъ бѣдны, чтобы помогать ему. Польскіе паны пренебрегаютъ и гнушаются имъ. Оно обречено на нищенство и теперь не получаетъ ни дровъ для отопленія, ни средствъ для обработыванія земельно-церковныхъ участковъ. Правительству непристойно оставлять духовенство свое въ столь уничиженномъ положеніи, равно какъ и церкви, которыхъ большая часть представляютъ самое печальное зрѣлище.

Предметъ этотъ такъ важенъ, что нѣтъ тѣхъ пожертвованій, которыхъ правительство не должно бы было для него сдѣлать. Еще разъ повторяю, что достоинство самаго правительства требуетъ возвысить духовенство приличнымъ содержаніемъ, а также возобновить старыя и построить новыя церкви. О первомъ предметѣ я уже входилъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сунода и указалъ ему для сего источникъ. На возобновленіе и постройку Православныхъ церквей также обращено мною вниманіе; нужны только нѣкоторыя средства. Правительство не можетъ и не должно жалѣть этихъ средствъ, ибо это необходимо какъ въ матеріальномъ, такъ и еще болѣе въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ. Эти пожертвованія со стороны правительства будутъ непродолжительны, ибо скоро народъ Православный, вышедшій изъ подъ гнета Польскихъ пановъ, оперится и придетъ самъ на помощь Православію. Мы уже и теперь видимъ во многихъ мѣстахъ радушное съ его стороны содѣйствіе.

Для постройки церквей въ Литовскихъ губерніяхъ нужно отпустить, по примѣру Бѣлорусскихъ, до 500 т. руб. заимообразно, и тогда съ имѣющимися мѣстными средствами можно будетъ управиться этимъ дѣломъ.

2) Въ Вильнѣ учредить высшее духовное училище, въ видѣ добавочныхъ классовъ въ семинаріи, съ допущеніемъ въ оные свѣтскихъ учениковъ. Увеличить число училищъ для воспитанія дочерей священниковъ, учредивъ на первый разъ таковое въ г. Слонимѣ.

3) Вызвать изъ Россіи нѣсколько благонадежныхъ священниковъ, преимущественно для городовъ и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ селъ, и замѣнить ими бывшихъ Уніатскихъ священниковъ, изъ коихъ нѣкоторые не должны оставаться на своихъ мѣстахъ.

Мѣры въ отношеніи устройства Римско-католическаго духовенства.

1) Немедленно упразднить, не дѣлая дополнительнаго изслѣдованія, Римско-католическіе монастыри, которые принимали большее или меньшее участіе въ возстаніи, допущеніемъ ли ухода монаховъ въ

мятежъ, или распространеніемъ революціонныхъ прокламацій къ народу, или снабженіемъ шаекъ продовольствіемъ и оружіемъ. Предоставить главному начальнику края вмѣсто этихъ монастырей учредить приходы тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ по числу населенія; зданія же монастырей принять въ распоряженіе правительства.

Мнѣ кажется, что эта мѣра послужила бы самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на послѣднюю аллокуцію папы, особенно, если вмѣстѣ съ этимъ будетъ упразднена Саратовская епархія и измѣненъ столь много сдѣлавшій намъ вреда конкордатъ. Можно было бы и всѣ Католическіе монастыри упразднить, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ Католическихъ странахъ, ибо они вообще представляли постоянный притонъ мятежникамъ. Нынѣ же сдѣлать соображеніе и распорядиться о переводѣ Тельшевскаго епископа со всѣмъ духовнымъ Римско-католическимъ управленіемъ изъ м. Ворни въ г. Ковну. До сихъ поръ епископъ Тельшевскій находился внѣ всякаго наблюденія начальства, и потому Римско-католическое духовенство въ Ковенской губерніи оказало большое фанатическое противодѣйствіе правительству. Перемѣщеніе это не представитъ затрудненія, ибо въ Ковно есть монастыри, которые будутъ подлежать упраздненію, и найдутся мѣстныя средства для покрытія нужныхъ по сему предмету расходовъ.

На будущее время не допускать поступленія въ монашество безъ согласія главнаго начальника края.

Всѣхъ клериковъ перевести въ семинаріи для окончательнаго обученія, не допуская вновь набирать таковыхъ въ монастыри, а въ семинаріяхъ опредѣлить комплектъ, свыше котораго не допускать пріема учениковъ.

2) Не дозволять учрежденія новыхъ филіальныхъ костеловъ и возобновленія существующихъ, безъ разрѣшенія главнаго начальника края. Равнымъ образомъ не учреждать новыхъ алтарей и каплицъ въ частныхъ домахъ и уменьшить нынѣ же число существующихъ, не дозволяя капеллянамъ бродяжничать по краю.

Опредѣлить штатное число ксендзовъ въ приходахъ и болѣе того числа отнюдь не допускать. Вообще опредѣлять ксендзовъ въ приходы не иначе какъ съ согласія губернатора и съ ручательствомъ въ благонадежности со стороны самихъ прихожанъ и въ особенности болѣе значительныхъ землевладѣльцевъ прихода.

Общія административныя мѣры.

1) Подтвердить окончательно о повсемѣстномъ введеніи Русскаго языка, какъ это нынѣ сдѣлано съ прекращеніемъ употребленія Польскаго языка во всѣхъ офиціальныхъ и служебныхъ сношеніяхъ, а также и въ наружныхъ изображеніяхъ всякаго рода, особенно въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ народомъ.

2) Немедленно всѣ высшія служебныя должности по всѣмъ вѣдомствамъ, а также всѣ мѣста, имѣющія прикосновеніе съ народомъ, замѣстить Русскими чиновниками, прочія же должности замѣщать Русскими постепенно.

3) Вмѣнить въ строгую обязанность всѣмъ министерствамъ привести эти мѣры въ исполненіе командированіемъ изъ Россіи чиновниковъ вполнѣ благонадежныхъ и прекратить всякія въ этомъ отношеніи пререканія, какъ это нынѣ случается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

4) Заселять край Русскими сколько возможно сосредоточеннѣе. Заселеніе это производить, не отстраняя и старообрядцевъ, ибо они болѣе другихъ сохраняютъ Русскую народность.

Для заселенія назначать преимущественно конфискованныя и секвестрованныя имѣнія, а также земли оставшіяся послѣ шляхты, переселенной изъ болѣе опасныхъ для общественнаго спокойствія мѣстъ.

5) Скорѣе разрѣшить вопросъ о недозволеніи лицамъ Польской шляхты отыскивать дворянство.

6) Необходимо также образовать колоніи изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ помѣщики оставляютъ безъ пріюта, изгоняя изъ селеній. Я уже сдѣлалъ распоряженіе о подобной колонизаціи въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ, въ видѣ опыта.

7) Разрѣшить вопросъ о порядкѣ продажи секвестрованныхъ имѣній лицъ сосланныхъ на постоянное жительство во внутреннія губерніи.

8) Имѣя въ виду, что лица, высланныя изъ края въ видахъ административнаго взысканія по IV-й категоріи, составляютъ элементъ самый вредный для края и что возвращеніе ихъ могло бы имѣть самыя дурныя послѣдствія, я полагалъ бы отправить ихъ нынѣ же въ мѣстности для сего особо назначенныя правительствомъ и не дозволяя имъ возвращаться на родину въ теченіе самаго продолжительнаго срока, по моему мнѣнію, не менѣе 15 лѣтъ.

9) Всѣхъ лицъ Польскаго происхожденія, которыя отправлены на житье во внутреннія губерніи по политической ихъ неблагонадежности, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ ни въ какомъ случаѣ не возвращать ранѣе 5 лѣтъ, и при томъ если въ теченіи этого времени они не навлекутъ на себя новыхъ обвиненій.

10) Содержаніе тѣхъ и другихъ лицъ можетъ быть обращено на имѣнія ихъ, секвестрованныя и остающіяся безъ секвестра.

11) Мѣстность для водворенія всѣхъ лицъ высылаемыхъ изъ Западнаго края должна быть избрана совершенно отдаленная отъ остальнаго населенія Имперіи, какъ напр. Печорскій край, Зауральскіе уѣзды Пермской губерніи и нѣкоторыя части Тобольской, гдѣ большое изобиліе лѣса для постройки жилищъ; а можетъ быть, было бы полезно сосредоточить это населеніе и въ Омской области, гдѣ находятся наши войска, такъ что при малѣйшемъ покушеніи къ безпорядкамъ они могутъ быть немедленно прекращены. Переселенцы скоро свыкнутся съ краемъ, какъ свыкаются во всѣхъ другихъ странахъ лица, выселяемыя изъ оныхъ въ отдаленныя пустыни за политическія преступленія. Здѣсь надо имѣть прежде всего въ виду Россію и огражденіе ея отъ опасности заразы Польскою пропагандою; гуманность же можетъ быть вполнѣ соблюдена и въ Печорскомъ и въ другомъ краѣ, когда переселенцамъ будутъ доставлены всѣ средства къ жизни, кромѣ способовъ вредить Россіи. Впрочемъ, если найдутся другія уединенныя мѣстности болѣе удобныя и съ лучшимъ климатомъ, то и онѣ могутъ быть предоставлены для заселенія сказанными лицами.

12) Сдѣлать постепенное примежеваніе нѣкоторыхъ уѣздовъ Сѣверо-западнаго края къ Востоку, дабы такимъ образомъ слить сіи уѣзды съ Русскимъ народонаселеніемъ.

13) Дозволять ѣздить во внутреннія губерніи Россіи лицамъ Польскаго происхожденія по паспортамъ, выдаваемымъ не болѣе какъ на одинъ годъ съ положительнымъ обозначеніемъ въ оныхъ мѣста, которое кто полагаетъ избрать для жительства безъ права разъѣзда по всей Имперіи.

Такъ какъ уроженцы Западныхъ губерній постоянно пользовались фальшивыми видами, то установить выдачу имъ паспортовъ на особой бумагѣ съ надлежащими предосторожностями противъ подложныхъ подписей.

14) Строго держаться правила, чтобы въ Великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать Польскихъ воспитанниковъ болѣе $^1/_{10}$ всего числа учащихся, ибо опытъ указалъ, какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены, и они увлекли даже многихъ Русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ Сѣверо-запад-

номъ краѣ наполнены студентами Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Кіевскаго университетовъ.

15) Обратить вниманіе, чтобъ главныя управленія въ столицахъ и другихъ городахъ не были наполняемы, какъ нынѣ, Польскими чиновниками, и въ особенности, чтобы отнюдь таковыхъ не было въ полицейскихъ и почтовыхъ должностяхъ. На службу же внутри Россіи опредѣлять лицъ Польскаго происхожденія не иначе, какъ по удостовѣренію въ ихъ политической благонадежности. Поляки знаютъ, что въ Западныхъ губерніяхъ теперь ничего сдѣлать не могутъ, и всѣ ихъ усилія стремятся къ распространенію Польской пропаганды внутри Имперіи, а это опаснѣе самаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ. Поляки понимаютъ, что только такими дѣйствіями могутъ ослабить Россію.

Въ отношеніи Августовской губерніи необходимо нынѣ же рѣшить, какіе имѣетъ правительство окончательные виды для управленія оной, ибо продолжать тамъ двойственную систему управленія крайне неудобно, и желательно, чтобы центральное управленіе въ Варшавѣ сближалось сколь возможно съ видами не отдѣльнаго управленія отъ Россіи.

Имѣя въ виду, что Сѣверо-западный край не можетъ имѣть ничего общаго съ Царствомъ Польскимъ, ибо въ немъ господствуетъ и должна быть утверждена Русская народность, тогда какъ напротивъ того въ Царствѣ Польскомъ все должно остаться подъ вліяніемъ Польскаго элемента, я еще разъ возобновляю свое ходатайство о возстановленіи таможенной линіи на границѣ между Сѣверо-западнымъ краемъ и Царствомъ Польскимъ, дабы фактически положить рѣзкую черту между этими двумя противоположными началами, Русскимъ и Польскимъ. Я не полагаю, чтобъ Россія могла приписать это намѣренію правительства отказаться отъ Царства Польскаго. Оно останется навсегда нашимъ, какъ Финляндія, которая имѣетъ свои опредѣлительныя таможенныя границы. Между тѣмъ возстановленіе таможенной линіи между Царствомъ Польскимъ и Сѣверо-западнымъ краемъ могло бы прекратить всякую мысль въ обитателяхъ сего края, что они могутъ составлять когда либо одно цѣлое съ Царствомъ Польскимъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, есть еще очень много второстепенныхъ, о которыхъ я здѣсь не упоминаю; изложилъ же я съ нѣкоторою подробностью только главнѣйшія указанія, болѣе съ цѣлію ознакомить съ тѣмъ направленіемъ, котораго я держался при управленіи ввѣреннымъ мнѣ краемъ, основываясь на долговременномъ опытѣ изученія онаго во время двухъ бывшихъ въ немъ революцій 1831 и 1863

годовъ; продолженіе этой системы я считаю совершенно необходимымъ для прочнаго возстановленія Русской народности и Русскаго господства въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Если всѣ изложенныя здѣсь соображенія удостоятся одобренія Вашего Императорскаго Величества, то необходимо, чтобы они были приняты къ точному и неизмѣнному руководству всѣми вѣдомствами, и чтобы о всѣхъ распоряженіяхъ своихъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго хода текущихъ дѣлъ, они сообщали на предварительное заключеніе главнаго начальника края, которому болѣе всѣхъ могутъ быть извѣстны мѣстныя обстоятельства.

IV.

Лично представлена Государю Императору въ Петербургѣ 5 Апрѣля 1865 года.

Оставляя Сѣверо-западный край и сдѣлавъ въ оном согласно съ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества указаніями всѣ тѣ распоряженія, которыя были необходимы для подавленія мятежа и упроченія въ оном Русской народности и Православія, безъ чего край этотъ при непрестанномъ систематическомъ (какъ это было въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ), крамольномъ направленіи Польскаго элемента, неминуемо отпадетъ отъ Россіи, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству о необходимости, не взирая на всѣ возгласы Польской партіи и вообще враговъ Россіи, повелѣть не отступать отъ принятыхъ нынѣ въ управленіи тѣмъ краемъ началъ, подавляя всѣми имѣющимися въ распоряженіи тамошняго начальства средствами безпрерывно возникающую враждебную намъ Польско-Латинскую пропаганду.

Я знаю, что многіе осуждаютъ принятыя мною мѣры для подавленія въ краѣ Польскаго элемента; но это единственное средство къ удержанію края, и возможность этихъ мѣръ доказана уже на опытѣ; теперь уже почти повсюду въ краѣ Русскій элементъ господствуетъ, и необходимо только постоянное продолженіе въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ, безъ малѣйшаго ослабленія, принятой системы для окончательнаго подавленія враждебнаго намъ элемента и упроченія въ краѣ нашего владычества.

Главныя мѣры, которыя необходимо продолжать суть слѣдующія:

1) Не снимать военнаго положенія еще нѣсколько лѣтъ до совершеннаго прекращенія попытокъ Польско-заграничной эмиграціи къ возбужденію вновь крамольныхъ покушеній. Не должно полагаться

на теперешнее спокойствіе въ краѣ, ибо въ ономъ кроются еще подъ пепломъ элементы мятежа.

2) Не отмѣнять установленнаго 5% сбора, какъ средства для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ по политическому положенію края и выходящихъ изъ обыкновенныхъ, установленныхъ для всего государства; при томъ Поляки тогда только будутъ смирны, когда будутъ уменьшены ихъ матеріальныя средства; ихъ надобно, какъ говорится, *бить по карману*: тогда все будетъ спокойно. Возгласы о разореніи края не имѣютъ основанія; денегъ много; лучшее доказательство—перекупъ имѣній мѣстными владѣльцами.

3) Не возвращать еще долгое время высланныхъ изъ Сѣверо-Западнаго края за политическія преступленія на житье въ Россію и не снимать съ имѣній ихъ секвестра, принявъ мѣры къ прекращенію постоянно производимой ими, помимо начальства, корреспонденціи съ западными губерніями, поддерживающей крамольныя ожиданія.

4) Не объявлять никому изъ сосланныхъ Поляковъ всемилостивѣйшаго прощенія, ибо возвращеніе ихъ послужитъ только къ возрожденію новыхъ безпорядковъ въ краѣ и нисколько ихъ не умиротворитъ. Все что можно сдѣлать, это допустить нѣкоторое смягченіе въ наказаніяхъ находящимся въ Сибири, и то не прежде какъ послѣ пятилѣтняго исполненія надъ ними приговора.

5) Заняться окончательнымъ устройствомъ крестьянскаго дѣла на тѣхъ началахъ, на которыхъ оно теперь уже производится, имѣя въ виду, что необходимо такъ обезпечить крестьянъ въ Западномъ краѣ, чтобъ они не имѣли нужды прибѣгать къ пособію отъ владѣльцевъ. Крестьянское населеніе составляетъ главный оплотъ нашего въ краѣ владычества, и оно должно быть поставлено въ полную независимость отъ владѣльцевъ-Поляковъ, всегда намъ враждебныхъ.

6) Должно стараться просвѣтить крестьянское населеніе, научая его Русской грамотности вмѣстѣ съ правилами Православной вѣры. Этотъ предметъ идетъ уже весьма успѣшно, и учреждено въ краѣ много сотенъ школъ, даже и на Жмуди. Крестьяне вездѣ съ охотою изучаютъ Русскую грамоту и сами просятъ о назначеніи Русскихъ учителей. Они принимаютъ уже радушное участіе въ устройствѣ Православныхъ церквей и гордятся названіемъ Русскихъ.

7) Утвержденіе Православія въ краѣ есть одна изъ самыхъ необходимыхъ основныхъ мѣръ; ибо Православіе соединено съ понятіемъ о Русской народности, какъ напротивъ того Католикъ и Полякъ составляютъ одно.

8) Независимо отъ устройства Православныхъ церквей, необходимо постоянно поддерживать наше духовенство, бдительно и строго слѣдя за дѣйствіями Католическаго, намъ всегда враждебнаго, духо-

венства и укрощая безъ колебанія всѣ попытки онаго къ увлеченію изъ Православія. Для сего:

а) не дозволять имъ строить каплицъ и костеловъ безъ дозволенія гражданскаго начальства и въ особенности среди Православныхъ приходовъ.

б) не дозволять заводить школъ.

в) взыскивать съ ксендзовъ, когда они запрещаютъ смѣшанные браки.

г) не дозволять имъ разъѣзжать по уѣздамъ, внѣ своихъ приходовъ, и читать проповѣди безъ дозволенія и просмотра начальства.

д) не дозволять дѣлать имъ никакихъ процессій безъ разрѣшенія начальства.

е) строго наблюдать, чтобы не посвящали въ ксендзы безъ разрѣшенія гражданскаго начальства и чтобъ не назначать ксендзовъ въ приходы безъ согласія гражданскаго начальства и болѣе опредѣленнаго числа по спискамъ 1864 года.

ж) за всѣ отступленія отъ предписаннаго облагать штрафомъ ксендзовъ и ихъ начальство.

9) Продолжать принятую систему замѣщенія Польскихъ чиновниковъ Русскими, отнюдь не ослабляя этой мѣры, какъ совершенно необходимой для будущаго упроченія въ краѣ Русскаго начала.

10) Умножить вездѣ Русскія школы, обративъ вниманіе и на Евреевъ, которые готовы слѣдовать Польскимъ тенденціямъ; а потому ненадобно сливать Еврейскихъ школъ съ Польскими, но собственно Еврейскія школы преобразовать, придавъ имъ Русское направленіе, какъ это теперь уже дѣлается.

11) Ввести окончательно Русскія буквы въ Жмудскихъ букваряхъ и молитвенникахъ, сдѣлать тоже и въ отношеніи Латышской грамотности, какъ это уже исполнено въ нѣкоторыхъ школахъ въ Инфлянскихъ уѣздахъ.

12) Стараться правильнымъ преподаваніемъ исторіи уничтожить превратное и враждебное намъ направленіе, распространенное бывшими Польскими школами. Надобно всѣмъ и постоянно разъяснять, что край Сѣверо-Западный всегда былъ и есть Русскій, и что Польскій элементъ есть временно накинутый въ эпоху Польскаго владычества.

13) Эта мысль уже повсемѣстно развивается въ краѣ съ большимъ успѣхомъ; надобно только поддержать полезное сіе стремленіе, ибо только моральнымъ перерожденіемъ и уничтоженіемъ Польско-Латинской пропаганды можно упрочить наше владычество въ краѣ.

КЪ ЗАПИСКАМЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

Примѣчаніе Андрея Николаевича Муравьева.

Весьма любопытно иногда знать такъ-называемое le dessous des cartes [1]), чтобы выяснить себѣ, какъ отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ могутъ произойти великія дѣла, и эта вставка послужитъ къ объясненію послѣдующаго текста. При нерасположеніи Государя къ Михаилу Николаевичу довольно странно внезапное его назначеніе въ Вильну, когда до такой степени о немъ забыли, не смотря на его присутствіе въ Петербургѣ, не смотря на его прежнюю многолѣтнюю дѣятельность въ Западномъ краѣ, что прежде вызвали даже брата его Николая Николаевича изъ Москвы, чтобы совѣщаться о военныхъ дѣйствіяхъ, и то только по внушенію вице-канцлера князя Горчакова, который не зналъ куда ему броситься, à quel saint se vouer [2]); потому что дипломатическая петля все болѣе и болѣе стягивалась на его шеѣ отъ постепенно болѣе грозныхъ нотъ Запада, и по этой причинѣ, въ эту роковую минуту, это былъ самый дѣйствительный совѣтникъ Государя.

За два дня до призванія брата случилось мнѣ быть въ Азіатскомъ департаментѣ, чтобы взять себѣ отпускъ въ Кіевъ у директора департамента генерала Игнатьева. По давнишнимъ связямъ онъ объяснился со мною откровенно о бѣдственномъ положеніи дѣлъ и сравнивалъ обѣщанную на 1-е Мая амнистію съ тою, которая была дана бунтовщикамъ Небесной Имперіи, такъ что совѣстно было рядомъ печатать ихъ въ газетахъ, какъ будто первая была заимствована отъ послѣдней.

— Покамѣстъ мой тупой родичъ будетъ въ Вильнѣ, говорилъ Игнатьевъ, нечего намъ ожидать тамъ добраго. Я возразилъ ему: «Покамѣстъ не будетъ посланъ туда братъ мой Михаилъ, знающій на

---

[1]) Исподъ дѣла.

[2]) Какому святому молиться.

опытѣ тотъ край, не будетъ спасена Литва; ибо уже шла рѣчь о томъ, что если будутъ высадки Французовъ въ Курляндіи, то дѣло уже пропало».—«Какъ же это можетъ статься?» сказалъ Игнатьевъ. «Братъ твой ни за что̀ не согласится, а особенно послѣ послѣднихъ неудовольствій по министерству».—Знаю, что онъ несогласенъ, отвѣчалъ я, «ибо я испытывалъ уже его мысль; но на все есть своя манера. Если только Государь безъ всякаго предваренія пошлетъ за нимъ фельдъегеря и скажетъ ему: Муравьевъ, отечество въ опасности, спасай его! то какъ конь ретивый и вѣрный сынъ отечества, онъ не можетъ отказаться».—«А это ты думаешь?» сказалъ Игнатьевъ. Въ эту минуту вошелъ курьеръ, требуя его къ вице-канцлеру съ бумагами, потому что тотъ немедленно ѣхалъ съ докладомъ къ Государю. «Вотъ удачная минута», сказалъ я; «воспользуйся ею!» И мы разстались.

Такъ и случилось. Князь Горчаковъ съ горяча подалъ эту мысль Государю, который однако призадумался, и въ первую минуту не могъ рѣшиться и посовѣтовался съ своими приближенными. Видя неминуемую опасность и не ожидая ничего добраго отъ такого посольства кромѣ гибели брату, крѣпко нелюбимому, они согласились, тѣмъ болѣе, что князь Горчаковъ и Зеленый, бывшій въ совѣтѣ, поддерживали эту мысль, хотя уже не съ враждебной стороны. Прямо съ совѣщанія князь Горчаковъ призвалъ Игнатьева и сказалъ ему съ торжествомъ: «Удалось! Сейчасъ ѣду предварить Муравьева».—«Что̀ вы дѣлаете?» возразилъ Игнатьевъ. «Вы испортите все дѣло. Онъ навѣрно откажется, если будетъ предваренъ вами, и вы будете отвѣчать передъ Государемъ за ваше предложеніе. Пусть Государь дѣйствуетъ самъ собою и пошлетъ за нимъ фельдъегеря; самая неожиданность скорѣе его побѣдитъ».

Такъ все и было исполнено. Игнатьевъ разсказалъ мнѣ о послѣдующемъ по возвращеніи моемъ изъ Кіева, когда братъ уже совершилъ свое великое дѣло. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ т.-е. Игнатьевъ пріѣхалъ ко мнѣ и, радостно обнявъ, сказалъ: «Какъ счастливо, что мы были первыми двигателями этого назначенія». Я никогда не разсказывалъ этого покойному брату, чтобы его не оскорбить; но мнѣ такъ совѣстно было передъ его семействомъ, которое какъ бы на смерть отпускало его въ Вильну, что я оставался въ Петербургѣ до самаго его отъѣзда.

СТИХИ Н. А. НЕКРАСОВА ГРАФУ М. Н. МУРАВЬЕВУ.

Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева такъ важна, общенародное сочувствіе къ нему было такъ велико, что даже люди, по направленію своей дѣятельности ему враждебные, считали долгомъ восхвалять его. Такъ поэтъ Некрасовъ, бывшій передъ тѣмъ издатель „Современника, обратился къ нему съ нижеслѣдующими стихами. Это было 27 Апрѣля 1865 года, въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ (помѣщавшемся на Фонтанкѣ), гдѣ графу Муравьеву давали торжественный обѣдъ. По окончаніи пира, престарѣлый виновникъ торжества ушелъ на балконъ и закурилъ свою трубку. Возлѣ него оставалось нѣсколько человѣкъ наиболѣе къ нему близкихъ. Вдругъ подходитъ Некрасовъ и проситъ позволенія прочитать ему стихи. Стоя передъ Муравьевымъ, прочиталъ онъ свое произведеніе и спросилъ: „Ваше сіятельство позволите напечатать?“—„Это ваша собственность“, сухо отвѣчалъ Муравьевъ „и вы можете располагать ею, какъ хотите“.—„Но я бы просилъ вашего совѣта“.—„Въ такомъ случаѣ не совѣтую“. Некрасовъ такъ и сдѣлалъ, и стихи эти появляются только теперь въ печати. По свидѣтельству очевидца сцена была довольно неловкая; по счастію для Некрасова свидѣтелей было сравнительно немного. Говорили, будто Муравьевъ сказалъ Некрасову нѣсколько жесткихъ словъ о политическомъ его направленіи, но это не вѣрно, какъ помнитъ ясно сообщавшій намъ очевидецъ. П. Б.

27 Апрѣля 1865.

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему... Ура!

*

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надмѣнный Западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

*

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ;
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ.. и вздохнетъ.

*

Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ.

*

Нѣтъ, не помогутъ имъ усилья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ.
Зри! Надъ тобой, простерши крылья,
Паритъ архангелъ Михаилъ!

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

1.

Извѣстно, что Петръ Великій научился дѣлать нѣкоторыя хирургическія операціи. Онъ обыкновенно носилъ съ собою двѣ готовальни: одну съ математическими инструментами, для вымѣриванія разныхъ плановъ, а другую съ хирургическими. У многихъ онъ самъ вырывалъ больные зубы и, какъ извѣстно, сдѣлалъ операцію женѣ купца Боршта, которая была больна водяною. Еще въ молодости, когда ему было лѣтъ двадцать, Государь былъ въ очень короткихъ сношеніяхъ съ Тирмондомъ, искуснымъ хирургомъ, веселымъ старикомъ, который всегда находился при особѣ его величества и часто просиживалъ въ бесѣдахъ съ нимъ далеко за полночь, Тирмондъ былъ въ такой милости у Государя, что тотъ прощалъ ему очень важныя преступленія. Однажды Тирмондъ въ пьяномъ видѣ закололъ своего стараго вѣрнаго слугу. На другой день поутру онъ прибѣжалъ въ отчаяніи къ Царю, палъ предъ нимъ на землю и просилъ прощенія. Государь не хотѣлъ его слушать, пока онъ не встанетъ, и такъ какъ Тирмондъ продолжалъ лежать въ ногахъ, то Царь поднялъ его, обнялъ, поцѣловалъ и выслушалъ признаніе въ убійствѣ. Послѣ этого Петръ сказалъ, чтобы онъ не заботился и не печалился и просилъ бы только прощенія у Бога, да если остались послѣ убитаго жена или дѣти, то постарался бы дать имъ приличное содержаніе. Тирмондъ исполнилъ приказаніе Государя и ежегодно давалъ вдовѣ покойнаго по ея смерть значительную пенсію.

Штелинъ приводитъ въ своемъ собраніи подлинныхъ анекдотовъ про Петра Великаго слѣдующій разсказъ о хирургѣ Тирмондѣ, слышанный имъ отъ Шольца, штабъ-лѣкаря Измайловскаго полка. Тирмондъ умеръ лѣтъ семидесяти слишкомъ, оставивъ послѣ себя довольно молодую и красивую вдову съ большимъ приданымъ. Она еще при жизни мужа „имѣла немалую

*) Разсказы 3, 7, 10, 14, 16, 18, 19, 20 и 22 принадлежатъ Нартову и приводятся изъ рукописи XVIII-го вѣка. П. Б.

склонность къ любовнымъ дѣламъ", а теперь, сдѣлавшись свободною, влюбилась въ одного молодаго подлѣкаря, который въ этихъ дѣлахъ былъ гораздо болѣе свѣдущъ, нежели въ хирургіи. Она вышла за него замужъ и начала вести веселую жизнь: ѣздила четвернею въ каретѣ и своею роскошью обращала на себя общее вниманіе въ Москвѣ. Петру объ этомъ донесли, при чемъ въ особенно неблагопріятномъ свѣтѣ былъ выставленъ молодой супругъ. Государь, будучи однажды въ гостяхъ у одного боярина въ кругу близкихъ людей, послалъ за подлѣкаремъ. Тотъ, воображая, что Царь хочетъ принять его на мѣсто Тирмонда, пріѣхалъ великолѣпно разодѣтый, въ лучшемъ своемъ экипажѣ. Всѣ бросились къ окошкамъ смотрѣть, какъ онъ въѣзжаетъ во дворъ. Петръ сталъ распрашивать его о дѣлахъ и въ присутствіи всѣхъ людей подвергъ строгому экзамену, на которомъ обнаружилось незнаніе молодаго врача. Послѣ этого Государь приказалъ привести со двора мужиковъ-работниковъ и велѣлъ ему брить имъ всѣмъ бороды и только послѣ этого отпустилъ домой. Оскорбленные супруги покинули Москву и уѣхали въ Данцигъ, гдѣ еще нѣкоторое время продолжали роскотный образъ жизни, пока не промотали всего наслѣдства покойнаго Тирмонда, одинъ изъ друзей котораго видѣлъ ихъ въ послѣдствіи въ Данцигѣ во время Шведской войны: вдова знаменитаго хирурга должна была заниматься стиркой бѣлья, а достойный ея мужъ былъ маклеромъ.

2.

Вотъ что разсказывалъ Штелину, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой о великодушіи Петра Великаго. Старикъ-фельдмаршалъ былъ въ то время еще капитаномъ Преображенскаго полка и стоялъ на караулѣ въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ была заточена Софья. Она жила въ комнатѣ со сводами и крѣпкими желѣзными рѣшетками. Преданные ей стрѣльцы подкопались подъ монастырь, проломали полъ въ этой комнатѣ, чтобы освободить царевну. Преслѣдуя враговъ ея, они искали и Трубецкаго и уже пришли къ тому мѣсту, гдѣ скрывался князь, которому не было уже спасенія; но одинъ изъ мятежниковъ, служившій нѣкогда брадобрѣемъ у князя и пользовавшійся его милостями, отвелъ своихъ товарищей въ сторону и тѣмъ спасъ князя. Въ послѣдствіи, когда бунтъ былъ усмиренъ, и участники переловлены, князь Трубецкой, будучи при Царѣ на мѣстѣ казни, увидалъ въ числѣ положенныхъ на плахи стрѣльцовъ своего спасителя и упалъ въ ноги Государю, прося его пощадить вѣрнаго слугу. Петръ приказалъ освободить стрѣльца и сталъ его распрашивать, какъ онъ спасъ князя отъ убійцъ. Разсказъ стрѣльца во всемъ сходился съ разсказомъ князя Трубецкаго, и Царь, высоко цѣня честность даже въ бунтовщикѣ, простилъ его и отдалъ его князю съ условіемъ, чтобы этотъ стрѣлецъ никогда не показывался въ Москвѣ. Князь Иванъ Юрьевичъ отослалъ его съ его женою и ребенкомъ въ одну изъ дальнихъ своихъ деревень, гдѣ далъ ему землю и освободилъ его и все его потомство отъ оброка.

3.

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина въ прислугахъ находилась одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ Государь былъ охотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Чрезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда Государь тамъ ни бывалъ встрѣчала и провожала его пріятно. Въ воскресный день поутру случилось ему зайти туда одному; хозяинъ и прочіе были тогда въ церкви. Онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно (для того, что предики и служба продолжалась часа три), сѣлъ, завелъ съ нею полюбовный разговоръ, приказалъ налить себѣ бокалъ вина, который принимая одною рукою, а другой обнявъ ее, говорилъ: „здравствуй, красавица, я тебя люблю“. Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ попотчивалъ тѣмъ же виномъ ее, вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцевъ, и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: „Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, и не простой человѣкъ!“

— Я присланъ сюда отъ Московскаго царя учиться корабельному мастерству, отвѣчалъ онъ.

— „Неправда! Я слышала, здѣсь говорятъ, что ты Царь“.

— Нѣтъ, милая дѣвушка! Цари не плотничаютъ и такъ не работаютъ, какъ я; я отъ утра до вечера все на работѣ.

— „Это не мѣшаетъ. Сказываютъ, что ты учишься для того, чтобы послѣ учить свой народъ“.

— Ложь, душа; не вѣрь.

Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждала, чтобы онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ:

„Любовь не разбираетъ чиновъ. Я вижу, тебѣ хочется знать, кто я такой. Такъ вѣдай: я—Московскій дворянинъ.

— Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня, отвѣчала она: вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ.

При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее:

„А Сардамскаго корабельщика и Русскаго Царя полюбила бы ты?“ На сіе, улыбнувшись, весело вдругъ сказала: „Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду“.

— Итакъ, люби же во мнѣ и того и другаго; только не сказывай никому, буде впредь видѣться со мною хочешь.

Что она ему и обѣщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцевъ и пошелъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамѣ, когда надобно было, имѣлъ ее въ своей квартирѣ и при отъѣздѣ на приданое пожаловалъ ей триста талеровъ.

Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвкою весьма похожимъ. Сію картину привезъ Государь съ собою и въ память поставилъ оную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.

4.

Отправляясь изъ Москвы подъ Нарву въ 1700 году, Петръ остановился на пути у одного посадскаго, у котораго былъ сынъ, видный молодецъ лѣтъ восемнадцати. Юноша этотъ такъ понравился Государю, что онъ вознамѣрился имѣть его въ своей гвардіи, но, желая получить на то согласіе отца, предложилъ ему отдать сына на службу. Отецъ представляетъ Монарху, что одинъ только у него и есть, необходимъ ему въ его промыслѣ и проситъ не разлучать его съ сыномъ. „Ты не разумѣешь своей и сыновней пользы“, отвѣчаетъ Государь: „я его полюбилъ, слѣдовательно можешь ты надежно положиться во всемъ на меня. При томъ же ты не на вѣки разстанешься съ нимъ, но получишь его обратно и уже офицеромъ, а можетъ быть увидишь и при такой должности, что благодаренъ ко мнѣ останешься навсегда“. Нельзя было не уступить такой просьбѣ. Государь взялъ съ собою молодца, записалъ его въ Преображенскій полкъ и сдалъ его на руки генералу Вейде.

Извѣстно, что въ отсутствіе Петра наша армія была разбита подъ Нарвой. Молодой новобранецъ пропалъ безъ вѣсти. Несчастный отецъ его загрустилъ, бросилъ свое дѣло и совершенно опустился. Прошло одиннадцать лѣтъ. Вдругъ старикъ получаетъ письмо изъ Стокгольма, отъ князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, который пишетъ, что сынъ его живъ и находится въ одномъ съ нимъ мѣстѣ. Обрадованный отецъ, узнавъ, что Государь въ Петербургѣ, спѣшитъ туда и подаетъ челобитную на полковника Преображенскаго полка Петра Михайлова, въ которой было написано, съ какимъ обнадеживаніемъ полковникъ взялъ у него сына, лишась котораго впалъ онъ въ печаль, отсталъ отъ промысла и пришелъ въ скудость; а какъ, наконецъ, извѣщенъ онъ, что сынъ его живъ и находится въ Швеціи въ плѣну, то и проситъ, выкупя его, возвратить ему и за убытки, понесенные имъ, наградить его. Эту челобитную подаетъ онъ Государю, бывшему на адмиралтейскихъ работахъ.

„Старикъ!“ говоритъ ему Государь, не принимая просьбы: „Ты знаешь, что есть на то учрежденныя мѣста; ты и долженъ подать челобитную куда она по содержанію своему слѣдуетъ, а меня не безпокоить. Ты долженъ вѣдать, что самому мнѣ во всякое дѣло входить, за множествомъ дѣлъ государственныхъ, не можно“.

— „Вѣдаю, Государь, все сіе и знаю указы твои, чтобы самому тебѣ не подавать челобитенъ; но дѣло, о которомъ я прошу такого рода, что челобитной моей не приметъ никакое судебное мѣсто, ибо отвѣтчикъ никому не подсудимъ“.

„Кто-жъ бы онъ былъ такой?“ спросилъ удивленный Государь.

— „Ты самъ, надёжа Государь! И на тебя-то престарѣлый и удрученный печалію старецъ бьетъ челомъ“.

Съ этими словами старикъ, заливаясь слезами, напомнилъ Государю о своемъ сынѣ, котораго онъ взялъ у него съ обѣщаніемъ сдѣлать его счастье. Петръ принимаетъ челобитную и тутъ же, не говоря ни слова, пишетъ въ Сенатъ бумагу, въ которой, изложивъ дѣло, какъ оно происходило, не показывая только по именамъ истца и отвѣтчика, приказываетъ Сенату рѣшить дѣло по сущей правдѣ.

Сенатъ рѣшилъ, что отвѣтчикъ долженъ: 1) сына, изъ полону выкупя, возвратить отцу, 2) всѣ показанные отцомъ убытки возвратить же“.

Государь благодарилъ Сенатъ за справедливое и безпристрастное рѣшеніе и въ точности исполнилъ приговоръ, пожаловалъ сверхъ того молодаго человѣка въ офицеры и щедро наградилъ.

5.

Петръ Великій, о неустрашимости котораго на морѣ сохранилось столько разсказовъ, въ ранней молодости боялся воды, что объясняютъ случаемъ, бывшимъ съ нимъ въ дѣтствѣ. Царица Наталья Кириловна имѣла обыкновеніе весною ѣздить по монастырямъ. Въ одно изъ такихъ путешествій она съ пятилѣтнимъ царевичемъ въ каретѣ переѣзжала черезъ ручей, который во время весенняго половодья превратился въ быструю и бурную рѣчку. Царица задремала, маленькій Петръ заснулъ у ней на рукахъ. Вдругъ они были разбужены шумомъ ручья, криками людей и водою вливавшеюся въ карету, которая наклонилась и готова была упасть на бокъ. Царевичъ, увидя блѣдность матери, воду въ каретѣ и общую суматоху, такъ испугался, что захворалъ лихорадкою. Это происшествіе произвело на Петра такое сильное впечатлѣніе, что съ этихъ поръ онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на рѣку, озеро и даже прудъ, хотя и старался скрыть свое чувство.

Разсказываютъ, что онъ пересталъ бояться воды, благодаря стараніямъ близкихъ людей. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, занимавшій при Государѣ мѣсто дядьки, предложилъ однажды его величеству ѣхать на охоту. Хотя Государь не любилъ псовой охоты, но изъ уваженія къ князю согласился. Тотъ съ умысломъ направилъ охоту къ берегамъ рѣки Истры. Увидя рѣку, Петръ остановилъ коня и съ досадою спросилъ дядьку:

— „Куда ты завелъ меня?“

— „Къ рѣкѣ“, отвѣчалъ князь. „Ваше величество видите, какъ утомились лошади и запылились охотники: нужно лошадямъ дать отдохнуть и

прохладиться, а людямъ вымыться. Родитель твой часто сіе дѣлывалъ и въ сей рѣчкѣ самъ купывался".

Съ этими словами князь, не дожидаясь отвѣта, заставилъ своего коня войти въ воду и, переѣхалъ на другой берегъ, сталъ приглашать къ тому же Государя. Между тѣмъ всѣ охотники, по заранѣе данному приказанію, раздѣлись и пошли въ рѣку. Юный Государь, стыдясь обнаружить страхъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе, переправился черезъ рѣку и самъ былъ радъ своему успѣху.

Братъ его, царь Иванъ Алексѣевичъ, пригласилъ его вскорѣ послѣ этого къ себѣ въ село Измайлово, въ которомъ были пруды, удобные для купанья, а самъ тайно далъ приказаніе молодымъ придворнымъ, чтобы они, когда онъ будетъ съ Петромъ прогуливаться у прудовъ, стали шалить между собою и толкать другъ друга въ воду. Петръ сначала сердился на ихъ шутки, но потомъ, когда они, по данному знаку раздѣлись и, войдя въ воду, стали рѣзвиться и плескаться, самъ развеселился и, наконецъ, послѣдовалъ, по просьбѣ брата, ихъ примѣру. Съ этихъ поръ въ немъ изчезла боязнь воды.

*

Въ 1694 году Царь выѣхалъ изъ Архангельска въ Бѣлое море. Вдругъ поднялась страшная буря, такъ что всѣ бывшіе съ нимъ пришли въ ужасъ и стали молиться, приготовляясь къ смерти. Одинъ только молодой Царь не испугался. Давъ обѣтъ побывать, если будетъ возможность, въ Римѣ и поклониться мощямъ св. апостола Петра, своего покровителя, Государь подошелъ къ кормщику и ободрялъ спутниковъ, пришедшихъ въ отчаяніе. Этотъ кормщикъ былъ тамошній Нюхонскій крестьянинъ Антипъ Пановъ. Онъ только одинъ съ Царемъ не потерялъ присутствія духа. Когда Государь сталъ указывать ему, куда должно направить судно, то Пановъ грубо ему отвѣчалъ:

„Поди, пожалуйста, прочь; я больше твоего знаю и вѣдаю, куда правлю".

Онъ искусно направилъ судно въ Унскіе Рога и провелъ его между подводными камнями, которыми наполнена эта губа. Когда корабль остановился у берега, у монастыря Пертоминскаго, Государь подошелъ къ Антипу и сказалъ: „Помнишь-ли, братъ, какими словами ты отпотчивалъ меня?" Кормщикъ въ страхѣ упалъ въ ноги и просилъ прощенія, Царь поднялъ его и три раза поцѣловалъ въ голову, сказавъ при этомъ: „Ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой, и я обязанъ еще благодарностью тебѣ за твой отвѣтъ и за твое искусство". Переодѣвшись въ другое платье, Петръ отдалъ все, бывшее на немъ и измоченное во время бури, Антипу на память и сверхъ того назначилъ ему пожизненную пенсію.

7.

Царь Петръ Алексѣевичъ, во младыхъ лѣтахъ въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и въ сладострастіи утопалъ, съ

одною комедіанткою, по прозванію Кроссъ, которую во время пребыванія своего въ Англіи иногда для любовныя забавы имѣлъ, но никогда однакожъ сердца своего никакой женщинѣ въ оковы не предавалъ, для того, чтобы чрезъ то не повредить успѣхамъ, которыхъ Монархъ ожидалъ отъ упражненій, въ пользу отечества своего воспріятыхъ. Любовь его не была нѣжная и сильная страсть, но единственное только побужденіе натуры. А какъ, при отъѣздѣ своемъ, съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Кроссъ, будучи симъ подаркомъ недовольна, на скупость Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобы онъ Государю о семъ пересказалъ. Меньшиковъ просьбу ея исполнилъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: „Ты, Меньшиковъ, думаешь, что и я такой же мотъ какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердіемъ и умомъ; а эта худо служила...“

8.

Царевна Софья и послѣ заключенія своего въ монастырь продолжала дѣйствовать противъ брата. Замыслы ея каждый разъ были открываемы и разрушаемы бдительнымъ Государемъ, но онъ сильно негодовалъ на поступки сестры и неразъ хотѣлъ ее казнить. Однажды, перечисляя всѣ ея покушенія на его жизнь, пришелъ онъ въ такое раздраженіе, что рѣшилъ предать ее смерти, какъ главнаго своего врага. Францъ Лефортъ удержалъ его отъ этого, напомнивъ, что она сестра ему и что только Турки убиваютъ своихъ родныхъ. Тогда Государь отправился къ сестрѣ и долго разговаривалъ съ нею. Она поразила его своимъ умомъ и смягчила слезами. Выйдя отъ сестры, Петръ сказалъ Лефорту: „Она имѣетъ великій разумъ; но жаль, что столько зла.“

Но и послѣ этого объясненія съ братомъ Софья не переставала лукавить. Узнавъ о новомъ заговорѣ противъ себя, Петръ пріѣхалъ въ монастырь, вошелъ къ сестрѣ съ сверкающими отъ гнѣва глазами и требовалъ признанія. Не смотря на явныя улики, Софья не признавалась ни въ чемъ; она даже сама обвиняла Петра въ рѣзкихъ и колкихъ выраженіяхъ. Царь вышелъ изъ терпѣнія: „Умри, злодѣйка“, закричалъ онъ, бросившись на нее съ мечемъ. Въ это мгновеніе служанка царевны, двѣнадцатилѣтняя дѣвушка, бросается къ Государю, обнимаетъ ему ноги и говоритъ: „Что ты дѣлаешь, Государь! Вспомни, она родная тебѣ сестра.“ Эти слова заставили Петра одуматься. Онъ простилъ сестру, а заступницу ея поцѣловалъ въ голову и сказалъ: „Спасибо, дѣвочка; я тебя не забуду“.

9.

Когда Петръ Великій объявилъ боярамъ о намѣреніи своемъ послать ихъ сыновей за границу для ученія, то встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ отцахъ противодѣйствіе, выразившееся въ такихъ рѣчахъ: „Гдѣ нашимъ ребятамъ

спознать заморскія хитрости! Ихъ разума на то не хватитъ, и потому понапрасну только великій коштъ издержанъ будетъ".

— „Какъ?" горячо возражалъ Государь, „развѣ мы не отъ одного Творца произведены и не отъ одного праотца происходимъ? Развѣ мы одни гнѣвною природою лишены разсудка и ума? Развѣ въ насъ однихъ вложены сердца грубыя и выродочныя, неспособныя къ образованію и воздѣлыванію? Развѣ мы одни исключены отъ славы мудрости человѣческія? Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣніе таковое была бы хула на Создателя и крайняя неблагодарность. Мы имѣемъ такія же руки, глаза и составъ тѣла, какіе имѣютъ и просвѣщенные народы, слѣдовательно имѣемъ равныя же съ ними и душевныя способности. Нуженъ только намъ къ тому руководитель и наше на оное согласіе, а тогда и возбудятся яко отъ сна душевныя наши дарованія".

10.

По кончинѣ перваго любимца, генералъ-адмирала Лефорта, мѣсто его заступилъ у царя Петра Алексѣевича графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особливой милости Меньшиковъ; но онъ безпокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себѣ противоборницу при его величествѣ Анну Ивановну Монсъ, которую тогда Государь любилъ и которая казалась быть владычицею сердца младаго Монарха. Сего ради Меньшиковъ предпріялъ и всячески старался о томъ, какимъ бы образомъ ее привесть въ немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монсъ была дочь Лифляндскаго купца, торговавшаго винами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожъ посредственной остроты и разума, что̀ слѣдующее происшествіе доказываетъ. Не смотря на то, что Государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ имѣлъ и безмѣрно обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложеніе Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благоволеніе. Представьте себѣ, не сумасшествіе-ли это? Предпочесть двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному Государю чужестранца, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь скажутъ мнѣ, что любовь слѣпа. Подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благополучія дѣвицу сію нелѣпой и необузданной страсти покорила. Къ исполненію такого намѣренія положила она посовѣтывать о томъ съ Меншиковымъ и просила его, чтобы онъ у Государя имъ споспѣшествовалъ. Кейзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренне сему радовался, изъ лукавства оказывалъ ему свое доброхотство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣплялъ, изъясняя ему, что Государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но что, прежде нежели будетъ онъ о семъ дѣлѣ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея и письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кейзерлин-

томъ. Для сего послалъ онъ къ ней вѣрную ея подругу Вейдель, чтобы она съ нею обо всемъ переговорила, которой призналась Монсъ чистосердечно, что лучше бы хотѣла выйти за Кейзерлинга, котораго любитъ, нежели за иного, когда Государь позволитъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустилъ самъ видѣться съ сею дѣвицею и отобрать подлинно не только мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получилъ онъ такое отъ нея прошеніе, немедленно пошелъ къ Государю и хитрымъ образомъ сказывалъ ему такъ: „Ну, всемилостивѣйшій Государь! Ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монсъ васъ паче всего на свѣтѣ любитъ. Но что скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?“ Перестань, Александръ, врать, отвѣчалъ Государь: я знаю вѣрно, что она одного меня любитъ, и никто инако меня не увѣритъ, развѣ скажетъ она то мнѣ сама.“

При семъ Меншиковъ вынулъ изъ кармана своеручное ея письмо и поднесъ Государю. Монархъ, увидя въ ономъ такую неожидаемую переписку, хотя и прогнѣвался, однако не совсѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вяще въ дѣлѣ семъ удовлетвориться, то его величество, посѣтивъ ее въ этотъ же день, разсказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея принесъ. Она въ томъ не отрицалась. Итакъ Государь, изобличивъ ее невѣрностію и дурачествомъ, взялъ отъ нея алмазами украшенный свой портретъ, который она носила, и притомъ сказалъ: „Любить царя—надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было. И когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрною стала, такъ не для чего тебѣ уже имѣть мой портретъ“. Но онъ былъ такъ великодушенъ, что всѣ уборы, драгоцѣнныя вещи и все пожалованное оставилъ ей для того, чтобы она, пользуясь оными, со временемъ почувствовала угрызенія совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кейзерлинга, но, опомнясь о неоцѣненной потерѣ, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно такъ, что получила болѣзнь, отъ которой въ томъ же году умерла.

Такою-то хитростію и лукавствомъ генералъ-маіоръ Меншиковъ, свергнувъ съ себя опасное иго, сдѣлался потомъ игралищемъ всякаго счастія и былъ первымъ государскимъ любимцемъ, ибо при ней таковымъ еще не былъ. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣлъ, а избралъ своею супругою Екатерину Алексѣевну, которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

11.

Одинъ изъ многочисленныхъ заговоровъ на жизнь Петра Великаго былъ открытъ имъ совершенно случайно. Заговорщики тайно собрались вечеромъ въ одномъ домѣ. Государь, по своему обыкновенію, поѣхалъ ночью кататься въ саняхъ въ сопровожденіи деньщика Духнова. Пріѣхавъ къ Арбатскимъ воротамъ, онъ остановилъ лошадь и глубоко задумался. Прошло съ

четверть часа. Наконецъ, деньщикъ рѣшился спросить: „Долголь, Государь, стоять намъ здѣсь?“ Петръ, какъ бы очнувшись отъ этого вопроса, произнесъ въ раздумьи: „Поѣхалъ было я; да надобно заѣхать не туда“.

Затѣмъ онъ поворотилъ лошадь, въѣхалъ въ Хлѣбный переулокъ и, остановясь у одного дома, вышелъ изъ саней, а деньщика послалъ къ караульному офицеру съ приказаніемъ, чтобы онъ съ двѣнадцатью гренадерами немедленно пришелъ въ этотъ домъ. Войдя въ домъ, онъ засталъ тамъ четырехъ стрѣльцовъ, пившихъ пиво.

— Что вы дѣлаете здѣсь, ребята? сказалъ Государь.

Можно себѣ представить, какъ смутило заговорщиковъ столь неожиданное посѣщеніе; они даже не могли произнести ни слова въ отвѣтъ на вопросъ Государя. Но послѣдній вывелъ ихъ самъ изъ затрудненія, сказавъ, что онъ, ѣздя по Москвѣ въ саняхъ, прозябъ и, видя огонь, заѣхалъ обогрѣться и очень радъ, что нашелъ здѣсь знакомыхъ. Ободренные милостивымъ обращеніемъ, они сказали, что званы хозяиномъ на пиво, что подтвердилъ и вошедшій въ это время хозяинъ. Послѣдній, наливъ стаканъ пива, поднесъ его Государю. Петръ выпилъ и продолжалъ бесѣдовать съ ними о разныхъ незначительныхъ предметахъ до самого того времени, когда, по его разсчету, долженъ былъ подойти караульный офицеръ съ командою. Тогда Государь сказалъ имъ, что обогрѣлся, и пошелъ изъ комнаты. Стрѣльцы хотѣли его проводить, но онъ затворилъ двери за собою.

Офицеръ съ командою былъ уже у воротъ. Государь приказалъ ему забрать гостей и привести ихъ въ Преображенскъ, а хозяину сказать, чтобы онъ и домашніе его подъ страхомъ смертной казни не смѣли никому разсказывать объ этомъ происшествіи.

На допросѣ они сознались въ умыслѣ на жизнь Государя.

12.

Въ глазахъ ревнителей закоснѣлой старины Петръ Великій былъ еретикомъ и разорителемъ старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, которыхъ изувѣры не отличали отъ сущности самой вѣры. Одинъ изъ такихъ фанатическихъ приверженцевъ старины задумалъ убить Государя. По нѣкоторымъ извѣстіямъ это былъ Кикинъ, по другимъ кто-то изъ деньщиковъ государевыхъ. Въ числѣ другихъ лицъ онъ имѣлъ свободный входъ къ особѣ Государя. Нерѣдко эти люди оставались въ спальнѣ Государя до того времени, какъ онъ заснетъ, и тогда уже выходили изъ нея. Вотъ этотъ-то моментъ и былъ выбранъ злоумышленникомъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе. Когда Петръ заснулъ, онъ вынулъ заранѣе приготовленный пистолетъ и направилъ прямо въ сердце спящаго. Но произошла осѣчка, и злодѣй ушелъ, не возбудивъ ничьего подозрѣнія.

Чрезъ нѣсколько времени онъ дѣлаетъ вторичную попытку на цареубійство. Онъ перемѣняетъ кремень, тщательно удостовѣряется въ исправности курка и является къ Государю. Послѣдній опять оставляетъ его въ

своей спальнѣ. Когда Государь уснулъ, злодѣй снова стрѣляетъ въ него, и снова осѣчка.

Это до такой степени поразило злоумышленника, что онъ увидѣлъ здѣсь явное дѣйствіе Промысла Божія; ему показалось, что если онъ сей же часъ не покается въ своемъ умыслѣ, то Правосудіе небесное немедленно покараетъ его. Онъ будитъ Государя.

— „Что сдѣлалось?“ былъ первый вопросъ Петра.

„Государь! Я посланъ тебѣ отъ Бога возвѣстить, что Онъ содержитъ тебя въ Своемъ покровительствѣ, и что никакая вражья сила, никакая адская злоба не сильны погубить, ни повредить тебѣ. Посмотри, Государь, продолжалъ злодѣй, показывая пистолетъ: сколь онъ хорошъ и никогда не осѣкался; но два раза мною, извергомъ, направляемъ былъ на отнятіе жизни твоей и въ оба раза осѣкался. Видя толь явное покровительство Божіе, спасающее тебя, рѣшился я возвѣстить тебѣ, не отлагая ни мгновенія. Теперь голова моя въ твоей волѣ, и я недостоинъ болѣе отяготить собою землю“.

Петръ, выслушавъ это, всталъ съ постели и сталъ ходить по комнатѣ, не говоря ни слова. Наконецъ, онъ остановился и сказалъ:

„Пословъ не сѣкутъ, ни рубятъ. Покровительство Божіе раскаяніемъ твоимъ болѣе еще ощущаю. Богъ тебя проститъ“.

И послѣ этого Государь не лишилъ его своей милости.

13.

Извѣстно, что Петръ Великій былъ врагъ суевѣрій, старался при всякомъ удобномъ случаѣ разоблачать мнимыя чудеса и строго наказывалъ обманщиковъ. Не разъ ему приходилось принимать мѣры и противъ нелѣпаго толкованія естественныхъ явленій природы, какъ напримѣръ затмѣніе солнца. Въ 1705 году, во время великой Сѣверной войны случилось солнечное затмѣніе. Государь зналъ объ этомъ заранѣе и счелъ нужнымъ принять свои мѣры противъ злоумышленныхъ толкованій въ смыслѣ предвѣщанія военныхъ неудачъ. Съ этою цѣлію онъ разослалъ письма къ разнымъ лицамъ: адмиралу Ѳ. А. Головину, князю Ромадановскому, Нарышкину, ученымъ архіереямъ и друг., чтобы они старались распространить въ народѣ здравыя понятія о предстоящемъ явленіи. Такъ онъ писалъ Головину:

„Господинъ адмиралъ! Будущаго мѣсяца въ первый день будетъ великое солнечное затмѣніе; того ради изволь сіе поразгласить въ нашихъ людяхъ, что оное будетъ, дабы въ чудо не поставили; понеже когда люди про то вѣдаютъ прежде, то не есть уже чудо“.

Такія же предосторожности бралъ Петръ и при затмѣніи, которое случилось незадолго до Полтавской битвы.

14.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми Польскими магнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особливо кардинала и примаса Родзіевскаго интриги и къ королю Шведскому наклонность, и Государю по дружеской привязанности многое открывала. Старостина, зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ Польскими красавицами, пригласила къ себѣ нѣсколько госпожъ, женъ Польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечернимъ столомъ при огромной музыкѣ утощала. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявшемъ вступить съ войсками черезъ Польшу въ Украинскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, слѣдовательно и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королемъ въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обоихъ монарховъ нѣчто острое сказала, то Государь, обратясь къ ней, говорилъ: „Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ; такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ“. Сія экивочная рѣчь въ такое привела ее смятеніе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но Государь умѣлъ такъ сію загадку переворотить, смягчить и обласкать сію госпожу, что въ самомъ дѣлѣ былъ съ нею наединѣ, и послѣ имѣлъ ее своею пріятельницею.

15.

Вооружаясь противъ суевѣрія, осмѣивая и наказывая ханжей и обманщиковъ, Петръ Великій отличался набожностью и выражалъ ее всенародно. Нерѣдко случалось, что Государь по дорогѣ въ присутственное мѣсто, на работы, на ученье, на биржу и т. п., встрѣчалъ священника, несущаго Св. Дары больному. Петръ въ такихъ случаяхъ всегда сходилъ съ своей одноколки или саней и преклонялся предъ святыней. Какое бы дѣло ни было у него, онъ оставлялъ его, подходилъ къ священнику, бралъ его подъ руку и велъ къ больному. Народъ, по словамъ Штелина, слышавшаго объ этомъ отъ адмирала Головина, „при видѣ сего, поражался благочестивою набожностью Государя, проливалъ радостныя слезы и сопровождалъ его“. По совершеніи таинства, Царь подходилъ къ больному, поздравлялъ его и говорилъ, что если онъ принялъ причастіе съ истинною вѣрою, то Богъ изцѣлитъ его отъ болѣзни душевной и тѣлесной. „И я“, прибавилъ Государь, „не сомнѣваюсь увидѣть тебя въ скорости оздоровѣвшимъ и при должности.“

Великодушіе Монарха производило благодѣтельное волненіе въ больномъ, который дѣйствительно выздоравливалъ. Петръ присылалъ ежедневно навѣдываться къ больному и, если нужно, помогалъ деньгами, присылалъ своего врача, лѣкарства и т. п. Народъ такъ привыкъ вѣрить въ благодѣтельное вліяніе Государя, что говорилъ про такого больнаго: „онъ не умретъ, Государь его посѣщалъ“.

16.

При всѣхъ трудахъ и заботахъ государственныхъ, Государь иногда любилъ побесѣдовать и съ красавицею, только не болѣе получаса. Правда, любилъ его величество женскій полъ, однакожъ страстно ни къ какой женщинѣ не прилѣплялся и утишалъ любовный пламень скоро, говоря: „Солдату утопать въ роскоши не надлежитъ; забывать службу ради женщины непростительно; быть плѣнникомъ любовницы хуже, нежели быть плѣнникомъ на войнѣ: у непріятеля скорая можетъ быть свобода, а у женщины оковы долговременны.“ Онъ посѣщалъ ту, которая ему встрѣтилась и нравилась, но всегда съ согласія ея и безъ принужденія; впрочемъ имѣлъ такія молодецкія ухватки и такъ пріятно умѣлъ обходиться съ женскимъ поломъ, что рѣдкая отказать бы ему могла. Видали мы сіе не токмо дома, но и въ чужихъ государствахъ, а особливо въ Польшѣ, когда онъ на такую охоту съ Августомъ ѣзжалъ.

Нечаянно случилось его величеству увидѣть одну дѣвушку пріятнаго и красиваго лица, Нарвскую урожденку, лѣтъ двадцати, которая жила во дворцѣ у надзирательницы царскаго бѣлья и должность бѣлошвейки отправляла. А какъ она по красотѣ одарена была и умомъ, то Государь, познакомясь съ нею, нерѣдко ее у себя имѣлъ. Сколь скрыто сіе ни дѣлалось, однако какимъ-то образомъ провѣдала о семъ Императрица. Сего ради, желая отличить отъ прочихъ сію фаворитку, вдругъ взяла ее къ себѣ въ верхъ и опредѣлила ее своею камеръ-юнферою, да и наряжала ее лучше прочихъ. Его величество о такомъ происшествіи ничего не зналъ, ибо вскорѣ послѣ такой перемѣны случилось ему зайти въ комнаты своей супруги, гдѣ нечаянно и увидѣлъ свою знакомку. Такая незапная встрѣча удивила Монарха и внутренно была непріятна. Онъ не смотрѣлъ на нее и оборотился прочь. Государыня, примѣтя сіе, старалась его развеселить и съ видомъ благопріятнымъ доносила ему такъ: „Хотя эта дѣвушка вашему величеству и незнакома, и я не имѣла прежде времени ее вамъ представить; однако, находя ее для себя надобною, приняла въ камеръ-юнферы. Я думаю, Государь, вы выборъ мой милостиво примете и не похулите: я около себя дурныхъ держать не люблю, а она хороша и умна“. Государю представленіе такое было совѣстно, ибо Императрица сіе съ такою нѣжностію, ласкою и повиновеніемъ дѣлала, что онъ, не сказавъ на сіе ни слова, улыбнувшись, вышелъ вонъ (понеже онъ такую тонкость вмигъ понялъ); а послѣ сію дѣвушку никогда къ себѣ не зывалъ, да и вскорѣ послѣ того выдалъ ее за чиновнаго и богатаго Лифляндскаго дворянина, чтобъ тѣмъ доказать супругѣ своей, что камеръ-юнфера ея не есть его такая любовница, къ которой бы онъ горячо былъ привязанъ.

17.

Члены Воронежскаго магистрата, отказавшіе Петру Великому въ кислой капустѣ, рѣшительно считали смертнымъ грѣхомъ брить бороду и перемѣнить покрой платья. Они соглашались лучше платить штрафъ и нести гнѣвъ царскій, нежели совершить такое преступленіе. Государь никакъ не могъ уговорить ихъ къ тому и, не желая употреблять силу, предоставилъ дѣло времени и воспитанію молодаго поколѣнія.

Меншиковъ, желая угодить государю, велѣлъ приготовить для всѣхъ членовъ магистрата Нѣмецкое платье и наканунѣ Пасхи, передъ самою заутренею, призвавъ ихъ всѣхъ къ себѣ, объявилъ будто бы именной его величества указъ, чтобъ они тотчасъ же обрили бороды и одѣлись въ Нѣмецкое платье или же готовились въ ссылку, въ Сибирь. Тутъ же стояли и готовыя подводы, и Меншиковъ грозилъ немедленно отправить ихъ, не давши даже времени проститься съ женами и семействами, если они не послушаются царскаго указа.

Поднялся плачъ, бѣдняки на колѣнахъ умоляли Меншикова просить у Государя милости, говоря, что готовы сдѣлать все, но не „растлить образъ Божій“, что лучше согласны потерять головы, нежели бороды и т. п.

„Головъ вы не потеряете“, отвѣчалъ имъ Меншиковъ, „но просить Государя о перемѣнѣ его указа я тоже не смѣю, и такъ вы должны сейчасъ садиться въ кибитки“.

При этомъ словѣ вошли солдаты и готовились вести ихъ къ кибиткамъ. Предразсудокъ купцевъ былъ такъ великъ, что они съ плачемъ и рыданіемъ пошли садиться въ кибитки. Но одинъ изъ нихъ, помоложе, вспомнилъ про жену и сказавъ: „Буди воля Божія“, согласился разстаться съ бородой. Ему тотчасъ же ее обрили. Видя это, и другіе задумались и одинъ за другимъ послѣдовали примѣру товарища. Пока ихъ брили и наряжали въ Нѣмецкое платье, они ревѣли какъ дѣти, а Меншиковъ утѣшалъ ихъ, говоря, что нѣтъ никакого грѣха въ рѣзаньи волосъ; грѣхъ не исполнять заповѣди Христовы и Апостольскія, а они то и не хотѣли исполнить одну изъ нихъ, которая запрещаетъ противиться предержащей власти: „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“.

Когда все было готово, князь повелъ ихъ съ собою къ заутрени. Государь прибылъ раньше и не замѣтилъ вошедшихъ, но, нечаянно оглянувшись, увидѣлъ множество людей въ Нѣмецкихъ кафтанахъ. Онъ не узналъ ихъ и, подозвавъ Меншикова, спросилъ: „Что это за люди?“

— „Это члены здѣшняго магистрата, ваше величество.“

Государь такъ обрадовался, что тотчасъ же сошелъ съ крылоса и сталъ цѣловаться съ каждымъ изъ нихъ, говоря прежде времени: „Христосъ Воскресе“; благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ его обрадовали и, оборачивая каждаго изъ нихъ, говорилъ: „Ахъ какіе молодцы! Посмотрите, пожалуйте, тѣ ли вы стали, какіе были прежде?“ А на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу и пилъ ихъ здоровье.

Штелинъ заключаетъ этотъ анекдотъ слѣдующими словами: „Примѣръ сей доволенъ къ доказательству какъ того, что одинакое чувствованіе было у жителей и всѣхъ другихъ отдаленныхъ отъ столицы городовъ, такъ и того, колико желалъ Монархъ ихъ просвѣщенія“.

18.

О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, Государь Толстому говоритъ такъ: „Когда бъ не монахини и не монахи, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы. Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ—сердцевидѣцъ и судія вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мнѣ противникъ“.

На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ: „Кающемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху.“

На это повторилъ его величество: „Не будутъ летать скоро, скоро!“ И потомъ, взмахнувъ головой къ верху и въ горести пожавъ плечами, велѣлъ позвать Ушакова и Румянцова, которымъ далъ по особой бумагѣ.

19.

Корабельные мастера подъ предводительствомъ баса Ивана Михайловича Головина сдѣлали пирушку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывшій прежде стрѣлецкимъ головою и нѣсколько замѣшанъ въ ихъ бунтахъ, но чистосердечнымъ раскаяніемъ получилъ прощеніе, и потомъ за долговременную службу и особенно оказанныя услуги, обрѣлъ у его величества милость, а по отличному уму—любовь, и употребляемъ былъ въ важныя дѣла. На той пирушкѣ послѣ обѣда гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношеніемъ стаканъ за стаканомъ потчивали; то выше упомянутый человѣкъ, уклоняясь отъ хмѣля, сѣлъ противъ комелька и притворялся пьянымъ, дремлющимъ: шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ, въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно Государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темю раза два и сказалъ: „притворство, господинъ N.“ Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: „Эта голова ходила прежде за иною головою. Повисла; боюсь, чтобъ не свалилась съ плечъ.“ А притворщикъ, очнувшись и взглянувъ на Государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: „Не опасайтесь, ваше величество! Она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что было прежде, не то послѣ, теперь и впредъ.“—„Видите, сказалъ Государь: онъ притворялся, а не пьянъ. Поднесите ему стакана три добраго флина [1]), такъ онъ поравняется съ нами и будетъ такъ же сорочить“ [2]).

[1]) Флинъ—грѣтое пиво съ коньякомъ, съ ледянцомъ и съ лимоннымъ сокомъ.

[2]) Сорочить, т. е. болтать какъ сорока.

20.

Генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному не вѣрилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетлѣніе чрезъ Божескую благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву, а въ проѣздъ черезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и, показывая оныя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ нетлѣнія ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе къ климату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлесъ и къ воздержной жизни и къ сухояденію или пощенію, то Петръ Великій, приступя, наконецъ, къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, паки сложивъ ихъ, положилъ; потомъ спросилъ: „Что скажешь теперь, Яковъ Вилимовичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что сгибы костей такъ движутся, якобы у живаго, и не разрушаются, и что видъ лица его аки бы недавно скончавшагося?“ Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: „Не знаю сего; а вѣдаю то, что Богъ всемогущъ и премудръ“. На сіе Государь сказалъ ему: „Сему-то вѣрю и я, и вижу, что свѣтскія науки далеко еще отстоятъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, Котораго молю, да вразумитъ меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Вилимовичъ, такъ привязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться“.

21.

Вотъ какъ записанъ у Штелина извѣстный разсказъ о столкновеніи Петра съ патріархомъ, рѣшившимся печаловаться за опальнаго.

Бояринъ, родственникъ царицы, имѣлъ вотчину въ смежности съ деревнями, принадлежавшими Московскому Архангельскому собору. Крестьяне его, избалованные потворствомъ своего сильнаго господина, всегда обижали соборныхъ, вслѣдствіе чего между ними происходили частыя ссоры; жалобы потерпѣвшихъ оставались безъ вниманія. Однажды, послѣ такой ссоры, бояринъ, не входя въ разбирательство или, что еще вѣрнѣе, обманутый своимъ управителемъ, приказалъ, въ случаѣ сопротивленія соборныхъ крестьянъ, бить ихъ на смерть. Уполномоченный такимъ образомъ управитель еще болѣе сталъ притѣснять соборныхъ; произошла драка, на мѣстѣ которой осталось до десяти человѣкъ убитыхъ соборныхъ.

Въ это самое время Петръ Великій возвратился въ Москву изъ перваго своего заграничнаго путешествія. Соборяне, зная, что онъ прибудетъ въ соборъ для поклоненія гробу родителя своего и совершенія панихиды, заготовили челобитную и привезли тѣла убитыхъ крестьянъ въ Москву.

Государь, дѣйствительно, прибылъ въ соборъ и послѣ панихиды, по обыкновенію, подошелъ къ гробницѣ для поклоненія. Увидя на ней бумагу, онъ спросилъ у протопопа:

„Что это за бумага?“

— „Отецъ твой“, отвѣчалъ протопопъ: „проситъ тебя, Великій Государь, защитить отъ обидъ соборную церковь. Бояринъ твой убиваетъ до смерти крестьянъ, принадлежащихъ оной, и суда на него нѣтъ“.

Государь беретъ бумагу и читаетъ. Доказательство на лицо: крестьяне приложили къ челобитной копію съ того письма, въ которомъ бояринъ приказывалъ своему управителю бить ихъ до смерти въ свою голову. Между тѣмъ, въ продолженіе панихиды и самыя тѣла убитыхъ были подвезены къ собору, чтобы Государь по выходѣ изъ него могъ увидѣть ихъ. Излишне было бы говорить, какъ это убійство и насиліе могло разгнѣвать Государя, особенно въ такое время, когда происходили розыски о стрѣлецкомъ бунтѣ и казни стрѣльцевъ. Петръ выходитъ изъ собора. Протопопъ указываетъ ему на тѣла убитыхъ. Видъ ихъ еще болѣе раздражаетъ Государя, и онъ тотчасъ же повелѣваетъ послать въ боярскую вотчину, которая была недалеко отъ Москвы, и привезти управителя ея со всѣми его бумагами. Самъ Государь отправляется прямо въ Константиновскую башню, въ которой производились розыски, и приказываетъ привести туда и боярина, на котораго жаловались крестьяне. Послѣднему между тѣмъ уже успѣли дать знать о томъ, что происходило въ соборѣ, и онъ уже повидался съ патріархомъ и упросилъ его ходатайствовать за себя. Когда бояринъ былъ приведенъ въ башню, Царь гнѣвно сталъ его допрашивать. Бояринъ не могъ оправдаться, и никто не осмѣлился просить за него. Одинъ лишь патріархъ отважился на это. Онъ взялъ образъ Богоматери, писанный св. Петромъ митрополитомъ и, войдя съ нимъ въ башню, возгласилъ:

„Сама Владычица Небесная ходатайствуетъ за несчастнаго“.

Государь, еще болѣе раздраженный этимъ, сказалъ:

„Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ иконою? Какое тебѣ здѣсь дѣло? Поди отсюда скорѣй и поставь сей святой образъ въ подобающее оному мѣсто. Вѣдай, что я боюся Бога и чту Пресвятую Его Матерь, можетъ быть, больше тебя и знаю, что воля Ея не различается отъ воли Сына Ея и Бога, Который, давъ мнѣ скипетръ, требуетъ отъ меня провосудія и защищенія ввѣреннаго мнѣ народа. Поди и знай лучше свою должность!“

22.

Государь пожаловалъ Нартову деревянный домъ близъ дворца, на углу Милліонной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, захаживалъ къ нему часто, бесѣдовалъ у него съ художниками, разсматривалъ тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарномъ станкѣ тачивалъ, говоря: „Я долженъ у моего механика и токарнаго мастера урокъ свой кончить“. А какъ его величество любилъ мыльню, то, указавъ на дворѣ его построить баню, нерѣдко въ оную съ деньщиками хаживалъ; для тренія и

паренія употреблялъ токарнаго ученика Левонтьева, который былъ мужикъ дюжій. Нѣкогда Левонтьевъ поддалъ на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнемъ полку, смѣючись, закричалъ ему: „Слушай, Левонтьевъ! Не зажарь насъ живыхъ, чтобы не сдѣлать насъ банными мучениками“.—Не бось, Государь, отвѣчалъ деньщикъ: насъ старцы не любятъ.—„Ты отгадалъ, сказалъ Монархъ; однако не сдѣлай изъ насъ для нихъ копченой ряпухи.“

23.

Въ древней Руси табакъ считался проклятымъ и богомерзкимъ зельемъ, употребленіе котораго было запрещено патріархомъ. Это запрещеніе было подтверждено указомъ царя Михаила Ѳедоровича въ 1634 г., съ угрозою строгаго наказанія. Потомъ этотъ указъ безъ измѣненія былъ внесенъ и въ Уложеніе. Петръ Великій, позволяя Англичанамъ ввозить табакъ въ Россію, не отмѣнилъ закона своего отца, но не приводилъ его въ исполненіе, такъ что табакъ мало по малу вошелъ во всеобщее употребленіе. Видя это, патріархъ возобновилъ древнее запрещеніе, но отъ этого привычка къ табаку не уменьшилась. Когда же Петръ отдалъ продажу табака на откупъ одному купцу за 15000 р., въ годъ, то патріархъ отлучилъ купца отъ церкви. Какъ же поступилъ Петръ? Не употребляя силы своей власти, не отмѣняя закона отца своего, онъ уговорилъ патріарха отмѣнить распоряженіе, представляя ему при этомъ, что употребленіе табаку въ Россіи позволено для иностранцевъ, пріѣзжающихъ и живущихъ въ ней, что остановить ихъ нельзя, а привычка у нихъ къ табаку такъ велика, что запретить имъ его употребленіе значило бы не пускать въ Россію. Патріархъ согласился снять отлученіе съ откупщика.

24.

Петръ Великій, устроивъ въ Воронежѣ корабельную верфь, часто пріѣзжалъ въ этотъ городъ. Однажды, въ великій постъ, бывши здѣсь, онъ потребовалъ кислой капусты. Тотчасъ было послано къ членамъ магистрата, состоявшаго изъ тамошнихъ купцевъ. Послѣдніе были въ собраніи и, посовѣтовавшись по этому поводу, рѣшили, что если одинъ разъ они дадутъ капусты, то ужъ и всегда не только Государю, но и всѣмъ, при немъ состоящимъ, придется отпускать ее, а тогда и у нихъ самихъ не хватитъ капусты. Вслѣдствіе этого они рѣшили отказать подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ капусты. Государь послалъ одного изъ своихъ деньщиковъ осмотрѣть у нихъ погреба, и посланный нашелъ тамъ цѣлые чаны капусты. Петръ, призвавши членовъ магистрата къ себѣ, отечески попенялъ имъ за ихъ грубость и глупость, что они своему Государю, пекущемуся о ихъ благосостояніи, отказываютъ въ такой малости. Упавъ къ ногамъ его, они молили Царя простить имъ этотъ проступокъ. Государь милостиво простилъ ихъ, пригрозивъ однако, что если они впредъ сдѣлаютъ что-либо подобное, то страшились бы его гнѣва.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

X *).

Въ концѣ 1839 года въ Персію прибыла Французская миссія.

Во главѣ этой миссіи находился графъ Сереси (Seresy). Она была очень многочисленна, и я никогда не могъ понять поводовъ, вызвавшихъ ея прибытіе, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Франція не имѣетъ въ Персіи ни политическихъ, ни торговыхъ интересовъ. Я даже склоняюсь къ тому мнѣнію, что для правительства его величества Лудовика-Филиппа это служило лишь удовлетвореніемъ самолюбію, давая ему возможность утверждать, что Франція имѣетъ своихъ представителей повсюду и что нигдѣ во всемъ мірѣ ничего не дѣлается помимо ея вліянія.

Но отложивъ сторону эти соображенія, я долженъ сознаться, что прибытіе Французской миссіи прервало однообразіе нашего существованія и было въ нашей ссылкѣ настоящимъ даромъ фортуны. Эта миссія была сформирована съ большимъ тщаніемъ, и въ составѣ ея находилось нѣсколько молодыхъ людей съ несомнѣнными достоинствами и изящнымъ воспитаніемъ. Мы провели много пріятныхъ минутъ въ ихъ обществѣ, а я старался оказывать имъ самый любезный пріемъ и быть имъ полезенъ, всякій разъ какъ представлялся къ тому случай. Совѣтникомъ посольства былъ г-нъ де-Лавалеттъ, который въ послѣдствіи былъ посланникомъ въ Римѣ и который въ настоящее время управляетъ во Франціи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ военныхъ состоялъ при посольствѣ капитанъ главнаго штаба Бофоръ д'Отпуль (Beaufort d'Hautpoul), тотъ самый, который командовалъ Французскими войсками во время вмѣшательства въ Сирійскія дѣла, вызваннаго избіеніемъ Маронитовъ. Виконтъ д'Аршіакъ (d'Archiac) и г. Жераръ (Gerard), сынъ маршала того же имени, занимали должности секретарей; Де-ла-Гранжъ и одинъ Полякъ, по имени Казимирскій, исполняли обязанности драгомановъ; Фланденъ (Flandin) и Костъ (Coste) были прикомандированы къ миссіи, одинъ въ качествѣ живописца, а другой въ качествѣ архитектора; наконецъ, Евгеній Борэ (Eugène Boré) преслѣдовалъ исключительно религіозную цѣль; въ послѣдствіи онъ вступилъ въ орденъ Лазаристовъ.

Весной 1840 года шахъ отправился въ Испагань и, по установленному обыкновенію, я послѣдовалъ туда же въ сопровожденіи

---

*) См. выше стр. 82.

всей миссіи. Впрочемъ я охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть древнюю столицу Персіи, хотя и утратившую прежнее великолѣпіе, но все еще во многихъ отношеніяхъ любопытную.

Поѣздка шаха въ сопровожденіи всего двора была вызвана не столько желаніемъ вникнуть въ положеніе, въ которомъ находились отдаленныя отъ центра его владычества провинціи, сколько намѣреніемъ ускорить взносъ податей или, другими словами, отобрать деньги у губернаторовъ, которые устраивали свои собственныя дѣла на счетъ управляемыхъ ими провинцій и вносили въ государственную казну лишь незначительную часть собранныхъ доходовъ. Эта разорительная система во всѣ вѣка была въ употребленіи въ Персіи: такъ какъ и шахъ, и его дворъ, и сопровождающія его войска содержатся на счетъ лежащихъ на ихъ пути провинцій, то этотъ способъ взысканія недоимокъ оказывается крайне обременительнымъ для плательщиковъ податей, и нерѣдко случалось, что губернаторы, желая избавиться отъ посѣщенія его величества, спѣшили внести въ казначейство числящіяся за ними въ долгу суммы.

Я нанялъ домъ съ садомъ въ Армянскомъ предмѣстіи Джульфѣ и прожилъ тамъ почти шесть мѣсяцевъ. Нигдѣ въ мірѣ я не находилъ такихъ великолѣпныхъ фруктовъ и въ такомъ изобиліи, какъ въ Испагани, и слѣдуетъ сознаться, что Персы достигли совершенства во всемъ, что касается садоводства. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ тѣсно связано съ разведеніемъ голубей, и потому среди каждаго сада находится обширная голубятня, доставляющая необходимое удобреніе, которое, по мнѣнію опытныхъ садоводовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и самое производительное. Тамъ, какъ и въ остальной Персіи, очень хорошо умѣютъ устроивать искусственное орошеніе полей, а чтобы предотвратить слишкомъ скорое превращеніе воды въ пары, ее нерѣдко проводятъ не по верху орошаемой почвы, а подъ землею, такъ что видны только перпендикулярныя углубленія, которыя похожи на настоящіе колодцы и указываютъ направленіе подземныхъ каналовъ.

Предмѣстіе Джульфа всегда служило мѣстопребываніемъ для дипломатическаго корпуса. Широкая улица, въ настоящее время находящаяся въ запустѣніи, до сихъ поръ носитъ названіе улицы пословъ, а надъ портиками полуразрушившихся зданій до сихъ поръ видны государственные гербы Голландіи, Испаніи, Англіи и проч., свидѣтельствующіе о томъ, что тамъ жили посольства тѣхъ державъ, съ которыми Персія поддерживала дружественныя сношенія. То была блестящая эпоха царствованія монарховъ изъ династіи Софіевъ, которую Шарденъ описалъ такими живыми красками. Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, и въ какомъ очевидномъ упадкѣ находится Персія въ настоящее

время! Первый тяжелый ударъ былъ нанесенъ этой монархіи, какъ я уже имѣлъ случай ранѣе замѣтить, вторженіемъ Афганцевъ, которые все предавали огню и мечу, а вступившая послѣ того на престолъ династія Каджаровъ не дала ни одного монарха, который былъ бы способенъ залечить раны, нанесенныя странѣ Афганцами.

Помимо переговоровъ, имѣвшихъ цѣлію устранить Англо-Персидское столкновеніе, мнѣ пришлось еще много хлопотать о предотвращеніи разрыва между Персіей и Турціей.

Пограничныя дѣла служили поводомъ для непрерывныхъ пререканій между этими двумя державами, и было бы очень трудно рѣшить, кто былъ правъ, Персія или Турція. Такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что граница тянется отъ горы Арарата до Персидскаго залива, что подлѣ нея живутъ бо́льшею частію Курды и другія безпокойныя племена, занимающіяся только хищничествомъ, что вожди этихъ племенъ, сообразуясь съ своими личными выгодами, признаютъ себя вассалами то Персіи, то Турціи, но не платятъ податей ни той, ни другой. Этотъ вопросъ еще усложняется тѣмъ, что гробница имамовъ Гуссейна и Гассана, сыновей того Али, котораго Персы считаютъ единственнымъ и настоящимъ преемникомъ Магомета, устраняя Абубекра, Омара и Османа, чтимыхъ Турками за калифовъ, что эта гробница, говорю я, находится въ Кербелаи, неподалеку отъ Багдада, на землѣ, принадлежащей Оттоманской имперіи. А такъ какъ Кербелаи очень часто посѣщается молельщиками, и всѣ зажиточные Персы приказываютъ перевозить туда свой прахъ для погребенія рядомъ съ гробницей имамовъ Гуссейна и Гассана, то понятно, какъ сильно желало правительство Магомета-шаха завладѣть святилищемъ, самымъ дорогимъ для секты Шіитовъ, къ которой принадлежатъ Персы.

Чтобы устранить эти непріятныя столкновенія, Порта командировала въ Тегеранъ чрезвычайнаго посла въ лицѣ Сарыма-эфенди; но всѣ мѣры, на счетъ которыхъ удалось достигнуть соглашенія, не помогали дѣлу. Поэтому, чтобъ достигнуть окончательнаго соглашенія, кабинеты Императорскій и Сенъ-Джемскій условились отправить смѣшанную коммиссію, которая должна была не только снять точный планъ съ спорной территоріи, но также провести, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, демаркаціонную линію, которая служила бы впредъ границей для двухъ смежныхъ имперій. Эта смѣшанная коммиссія была организована лишь послѣ моего отъѣзда изъ Персіи; ея занятія продолжались нѣсколько лѣтъ, и мы обязаны ей драгоцѣнными свѣдѣніями о странахъ, которыя до тѣхъ поръ были почти вовсе намъ неизвѣстны.

Какъ бы Русскій представитель ни старался держать себя въ сторонѣ отъ внутреннихъ дѣлъ такого государства, какъ Персія, ему иногда по неволѣ приходится мѣшаться въ такія дѣла, которыя въ сущности его не касаются. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ тому, что̀ можно бы было назвать магометанскимъ духовенствомъ, которое составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ элементовъ Персидскаго общества въ его теперешнемъ положеніи. Многочисленные муллы различныхъ чиновъ составляютъ по своей организаціи тѣсно сплоченное сословіе, настоящую іерархію, во главѣ которой поставлены Муштеиды. Эти послѣдніе пользуются репутаціей людей очень ученыхъ и святыхъ. Народъ уважаетъ ихъ и считаетъ своими естественными защитниками отъ тиранiи и произвола правительственныхъ должностныхъ лицъ, а отсюда возникаютъ глухая борьба и постоянная рознь между властію свѣтской и властію духовной.

Эта непріязнь существуетъ не въ однихъ только низшихъ сферахъ. Шахъ раздѣляетъ ее вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ своихъ чиновниковъ и, не смотря на свое благочестіе, спѣшитъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы унизить муллъ и дать имъ почувствовать свое могущество. Между Персидскими городами нѣтъ ни одного, въ которомъ муллы были бы такъ многочисленны и такъ вліятельны, какъ въ Испагани, а главный Испаганьскій Муштеидъ, по имени Сеидъ-имамъ-Багиръ, можетъ считаться если не по праву, то на самомъ дѣлѣ, главою всего Магометанскаго духовенства въ Персіи. На него-то правительство и рѣшилось направить первые удары, и можно сказать, что поѣздка, предпринятая шахомъ въ 1840 году въ Испагань, имѣла главнымъ образомъ въ виду сломить однимъ разомъ духовную власть, унизивъ того, кто считалъ себя равнымъ монарху. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ нашей поѣздки въ Испагань было зрѣлище борьбы, завязавшейся съ первыхъ дней нашего прибытія между Магометомъ-шахомъ съ одной стороны и высшимъ духовнымъ лицемъ съ другой.

Во время визита, который я изъ вѣжливости сдѣлалъ Сеиду, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Я очень радъ вашему посѣщенію, такъ какъ нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ и буду дѣйствовать по вашимъ указаніямъ. Вамъ также хорошо, какъ и мнѣ самому, извѣстно все что̀ здѣсь дѣлается, и я не буду повторять то, что̀ вы уже знаете; но вы конечно повѣрите мнѣ, что мое сердце обливается кровью и что я болѣе не въ силахъ смотрѣть на бѣдственное положеніе моего народа. Я намѣренъ удалиться отсюда, навсегда покинуть Персію и искать убѣжища въ Египтѣ, гдѣ Мегеметъ-Али, безъ сомнѣнія, приметъ меня съ распростертыми объятіями. Покровительство, которое онъ

въ теченіе столькихъ лѣтъ оказываетъ Персидскимъ молельщикамъ, отправляющимся на поклоненіе гробницѣ Пророка, служитъ для меня вѣрнымъ ручательствомъ за его любовь къ справедливости, за его благочестіе и преданность дѣлу Исламизма».

Муштеидъ затронулъ чрезвычайно щекотливый вопросъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ, я отвѣчалъ ему съ дипломатической осмотрительностью: что такой профанъ, какъ я, не можетъ давать совѣтовъ и указаній столь святой особѣ, какъ Сеидъ; что онъ получаетъ вдохновенія свыше и потому самъ долженъ всего лучше знать, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ; что, впрочемъ, къ немилости, въ которой онъ находится при дворѣ, онъ долженъ относиться равнодушно, такъ какъ его вліяніе основано на уваженіи и любви, которыя питаетъ къ нему народъ, независимо отъ непрочныхъ милостей, какими могъ-бы осыпать его монархъ. Но къ этому я присовокупилъ, что по собственному опыту могу увѣрить его только въ томъ, что народъ несравненно болѣе несчастливъ и болѣе угнетенъ въ Египтѣ, чѣмъ въ Персіи и что по этой причинѣ онъ не будетъ въ выгодѣ отъ предполагаемаго промѣна.

Оттого-ли, что это соображеніе подѣйствовало на Муштеида, или оттого, что въ глубинѣ души онъ былъ радъ такому предлогу, чтобъ не приводить въ исполненіе своей угрозы, тихонько шепнувъ на ухо своимъ приближеннымъ, что Русскій посланникъ умолялъ его остаться,—онъ не тронулся съ своего мѣста и предпочелъ спокойно дожидаться конца бури или, другими словами, отъѣзда шаха въ Тегеранъ.

Вліяніе, которымъ пользуется Сеидъ-имамъ-Багиръ, безпредѣльно. Его чтятъ, какъ святаго; а вода, которую онъ употребляетъ для своихъ омовеній, тщательно сохраняется и за тѣмъ разсылается въ маленькихъ скляночкахъ отъ одного конца Персіи до другаго въ качествѣ лѣкарства и предохранительнаго средства отъ всякихъ болѣзней *). Въ особенности женщины питаютъ къ Муштеиду глубокое уваженіе и считаютъ себя предназначенными для вѣчнаго блаженства, если имѣютъ счастіе попасть въ его гаремъ. Чтобъ дать вполнѣ ясное понятіе о могуществѣ Сеида, прибавлю еще одну черту: ему предоставлено право жизни и смерти, и при немъ состоитъ нѣсколько палачей, чтобъ приводить въ исполненіе постановляемые имъ приговоры.

Отправляясь съ визитомъ къ Муштеиду, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что его домъ построенъ среди обширнаго кладбища; но мое удивленіе еще усугубилось, когда я узналъ, что всѣ лица, по-

*) Точно такъ какъ нѣкогда у насъ въ Суздалѣ и его окрестностяхъ, помои и очески скопческаго лжехриста Кондратія Селиванова. П. Б.

хороненныя на этомъ кладбищѣ, были казнены по приказанію первосвященника, и что право быть похороненнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища Сеида считается у большинства преступниковъ началомъ искупленія ихъ вины и залогомъ будущаго блаженства.

Заведя рѣчь о Магометанскомъ духовенствѣ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тѣхъ странствованіяхъ для богомолья, которыя всего болѣе въ ходу и которыя занимаютъ такое важное мѣсто въ духовныхъ дѣлахъ у Персіянъ. Эту священную обязанность исполняютъ съ особеннымъ усердіемъ женщины, главнымъ образомъ потому, что странствованія для богомолья сколько-нибудь разнообразятъ ихъ существованіе, а также потому, что они доставляютъ на нѣкоторое время возможность высвободиться изъ-подъ ярма супружеской жизни.

Четырьмя главными мѣстами богомолья служатъ для Персіянъ Мешедъ, Кумъ, Кербелаи и Мекка. Когда какое-нибудь высокопоставленное лицо захочетъ посѣтить одно изъ этихъ святилищъ, весь его домъ занимается приготовленіями къ странствованію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Покупаютъ лошадей и муловъ, нанимаютъ болѣе значительное число служителей, приготовляютъ *тахтераваны* или носилки, которыя ставятся на спины двухъ муловъ, и наконецъ, ищутъ взаймы денегъ, чтобъ кошелекъ былъ туго набитъ, такъ какъ странствованіе для богомолья требуетъ очень большихъ расходовъ. Въ особенности женщины соперничаютъ въ этихъ случаяхъ между собою и стараются затмить одна другую милостынями, которыя онѣ раздаютъ на пути, приношеніями, которыя онѣ складываютъ на гробницахъ святыхъ, многочисленностью своей свиты и пышностью, съ которой онѣ путешествуютъ. Обычай требуетъ, чтобъ всѣ нищіе, приставшіе съ минуты отъѣзда или на пути къ каравану высокопоставленнаго лица, содержались на его счетъ, а это дѣлается столько же изъ благотворительности, сколько изъ тщеславія. Поэтому не трудно составить себѣ понятіе, какую массу денегъ поглощаютъ у страны такія благочестивыя поѣздки.

Въ главномъ городѣ Хорасана, Мешедѣ, находится гробница имама Ризы,—одного изъ двѣнадцати имамовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Магомета и пользующагося большимъ почетомъ между Шіитами. Поѣздка въ Мешедъ не изъ самыхъ долгихъ и утомительныхъ; но она нерѣдко бываетъ опасна по причинѣ хищническихъ набѣговъ, которымъ подвергается Хорасанъ со стороны Туркменовъ.

Кумъ находится только въ четырехъ дняхъ пути отъ Тегерана, на дорогѣ въ Испагань, и благочестивые люди стекаются туда толпами, чтобъ помолиться на гробницѣ дочери имама Ризы, Фатьмы.

Кербелаи, находящійся неподалеку отъ Багдада, отличается въ глазахъ Персіянъ особою святостью, такъ какъ тамъ погребены смертные останки Гуссейна и Гассана,—сыновей того Али, котораго Шіиты считаютъ единственнымъ законнымъ преемникомъ Пророка.

Наконецъ, Мекка и Медина служатъ мѣстомъ благочестиваго поклоненія и цѣлью благочестивыхъ странствованій для всѣхъ мусульманъ безъ различія. Молельщики, идущіе въ Мекку, собираются въ Багдадѣ и переходятъ степь не иначе, какъ съ сильнымъ конвоемъ; но все-таки съ нихъ нерѣдко берутъ выкупъ Бедуины.

Религіозные праздники, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, менѣе часты у магометанскихъ народовъ, чѣмъ у тѣхъ, которые исповѣдываютъ Христіанство, и даже *Джумэ* или Пятница не имѣетъ такого значенія, какъ наше Воскресенье и не вызываетъ совершеннаго прекращенія работъ.

Всякому извѣстно, что во всѣхъ мусульманскихъ странахъ мѣсяцъ Рамаданъ посвящается посту, то есть, что до солнечнаго заката ничего не берутъ въ ротъ, ни даже капли воды, чтобъ утолить жажду, но когда наступитъ ночь, наѣдаются вдоволь и угощаютъ другъ друга съ самой изысканной роскошью. Въ это время самъ шахъ принимаетъ приглашенія отъ высокопоставленныхъ придворныхъ. Эта честь вовлекаетъ того, кто ея удостоился, въ значительные расходы, потому что въ такихъ случаяхъ стараются выставлять на показъ все, что̀ есть лучшаго въ домѣ. Обычай требуетъ, чтобъ шаху подносили подарокъ. На этотъ предметъ требуется 200 или 300 *томановъ*, а иногда и много больше, смотря по состоянію хозяина дома. Шахъ—единственный человѣкъ во всемъ народѣ, имѣющій право смотрѣть на неприкрытыхъ женщинъ; поэтому его вводятъ внутрь гарема, между тѣмъ какъ его свиту угощаютъ во внѣшнихъ апартаментахъ.

Немедленно вслѣдъ за окончаніемъ Рамадана, лишь только показалась новая луна, справляютъ праздникъ Байрама, который продолжается три дня и во время котораго всѣ обмѣниваются визитами точно какъ у насъ въ Новый годъ и на Пасху.

Въ первый день Байрама при дворѣ даютъ большой *Селамъ*: Я изъ любопытства однажды смотрѣлъ на это торжество изъ сосѣдняго павильона, который былъ отданъ по этому случаю въ мое распоряженіе. Ровно въ полдень, шахъ, одѣвшись въ свой самый дорогой нарядъ и весь покрытый бриліантами и жемчугомъ, садится на тронъ изъ слоновой кости, который былъ отбитъ Надиромъ-шахомъ у Великаго Могола и который предназначенъ только для такихъ торжественныхъ случаевъ. Этотъ тронъ ставится въ кіоскѣ, который закрытъ съ трехъ сторонъ, но открытъ съ четвертой стороны. Противъ

трона, на дворцовомъ дворѣ, выстраиваются на почтительномъ разстояніи и по старшинству государственные сановники, одѣтые въ свои парадныя одежды. Шахъ обращаетъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ къ тѣмъ, кого хочетъ отличить. Придворный поэтъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и читаетъ стихи въ честь шаха, написанные нарочно для этого торжества; даже слоны фигурируютъ въ *Селамѣ* и становятся на колѣна, когда имъ приходится проходить передъ шахомъ. Этикетъ требуетъ, чтобъ въ продолженіе Селама шахъ выкурилъ три кальяна, и хотя Магометъ-шахъ никогда не куритъ, онъ тѣмъ не менѣе подчиняется необходимости и подноситъ кальянъ ко рту. Послѣ этого онъ встаетъ, воздухъ оглашается выстрѣлами изъ *замбурковъ*,—маленькихъ пушекъ, поставленныхъ на спинѣ верблюдовъ, и за тѣмъ всѣ расходятся. Такая же церемонія происходитъ въ гаремѣ, гдѣ женщины подходятъ къ шаху съ поздравленіями.

Черезъ шестьдесятъ дней послѣ Байрама, справляется празднованіе Курбанъ-Байрама, или Байрама Жертвоприношеній. Въ этотъ день, посѣтившіе Мекку богомольцы приносятъ жертву на горѣ Арафатѣ, и у мусульманскихъ народовъ нѣтъ другаго болѣе великаго праздника. За нѣсколько дней впередъ водятъ по улицамъ Тегерана верблюда, украшеннаго амулетами и побрякушками, а въ самый день Курбанъ-Байрама народъ толпами сопровождаетъ верблюда до мѣста жертвоприношенія. Обыкновенно кто нибудь изъ принцевъ крови или какое-нибудь высокопоставленное лице наноситъ верблюду первый ударъ, за тѣмъ чернь въ одно мгновеніе разрываетъ верблюда на куски, и каждый старается унести съ собою хоть небольшой кусокъ отъ мяса жертвы. Въ этотъ-же день, всякій имѣющій на то средства, закалываетъ одного или нѣсколькихъ барановъ. Эти жертвоприношенія считаются дѣломъ благочестивымъ и похвальнымъ, а въ домахъ людей богатыхъ закалываютъ множество барановъ и раздаютъ ихъ мясо нищимъ. Чтобъ понять значеніе этихъ благочестивыхъ подвиговъ, надобно знать, что, по ученію Корана, мостъ, тоньше волоса и уже острія сабли, проведенъ черезъ адъ и ведетъ въ рай. При переходѣ именно черезъ этотъ мостъ, правовѣрные большею частію оступаются и падаютъ въ бездонную пропасть. А бараны, приносимые въ жертву въ день Курбанъ-Байрама, оказываютъ очень важную услугу послѣдователямъ Магомета, замѣняя для нихъ верховыхъ лошадей: Персіяне убѣждены, что, усѣвшись верхомъ на одну изъ этихъ невинныхъ жертвъ, грѣшникъ безпрепятственно переѣдетъ черезъ опасный мостъ. Упомянутые праздники одинаково священны для всѣхъ мусульманъ безъ исключенія; но тѣ, которые называются праздниками

луны Могаррема и учреждены въ воспоминаніе умерщвленія сыновей Али, Гассана и Гуссейна, справляются исключительно одними Шіитами и нигдѣ не обставлены такою пышностью, какъ въ Персіи. Это именно тѣ праздники, которые сильно возбуждаютъ религіозное рвеніе и поддерживаютъ въ народѣ фанатическую привязанность къ исповѣданію его вѣры; ставя Персіянъ въ изолированное положеніе среди всѣхъ другихъ Азіятскихъ народовъ, они придаютъ имъ совершенно особый національный отпечатокъ.

Въ первые десять дней луны Могаррема, всѣ одѣваются въ траурныя платья и присутствуютъ съ самымъ горячимъ рвеніемъ на драматико-религіозныхъ представленіяхъ, которыя даются на всѣхъ площадяхъ, на всѣхъ перекресткахъ и даже на внутреннихъ дворахъ частныхъ домовъ. Эти представленія однообразны съ одного конца Персіи до другаго и повторяются ежегодно безъ всякихъ измѣненій. Это—облеченная въ драматическую форму поэма о дѣяніяхъ святыхъ имамовъ Гассана и Гуссейна, о преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергались, и наконецъ, объ ихъ мученической кончинѣ. Хотя эта драма всегда повторяется на одинъ и тотъ-же тонъ, она тѣмъ не менѣе чрезвычайно сильно приковываетъ къ себѣ вниманіе слушателей и производитъ на народъ все болѣе и болѣе глубокое впечатлѣніе по мѣрѣ того какъ представленіе, раздѣляющееся на десять актовъ и продолжающееся десять дней, приближается къ своей развязкѣ; въ концѣ концовъ она вызываетъ такія рыданія и такія слёзы, какихъ, конечно, еще никогда не заставляла проливать ни одна трагедія. И женщины и мущины толпами стекаются на эти драматическія представленія, которыя носятъ названіе *Тазіэ* и въ которыхъ тѣ, которые ихъ устраиваютъ въ поощреніе общественнаго благочестія, соперничаютъ между собою, стараясь затмить одни другихъ.

Мнѣ случалось присутствовать на Тазіэ въ домахъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ; всѣ стѣны были обтянуты кашемировыми шалями, актеры (такъ какъ въ этихъ случаяхъ даже женскія роли исполняются мущинами) были одѣты въ очень дорогіе наряды, усыпанные самыми лучшими драгоцѣнными каменьями, а зрителей безъ различія классовъ угощали чаемъ, пилавомъ, шербетами, конфетами и разными другими лакомствами.

Намъ Европейцамъ эти представленія кажутся монотонными; въ особенности манера актеровъ декламировать на распѣвъ становится въ концѣ концовъ невыносимой; но тѣ, которые хорошо понимаютъ мѣстный языкъ, увѣряютъ, что стихи, которые читаются въ этихъ случаяхъ, чрезвычайно изящны; а такъ какъ къ этому еще примѣшивается религіозное чувство, то и понятно, почему эти драма-

тическія представленія имѣютъ великое значеніе для всего народа. Впрочемъ празднованіе Могаррема не ограничивается тѣмъ, что̀ мы разсказали о Тазіэ. Въ теченіе этого времени все населеніе находится въ возбужденномъ состояніи. Толпы дервишей ходятъ по городу, подвергая свое тѣло различнымъ истязаніямъ въ честь святыхъ имамовъ. Одни изъ нихъ бичуютъ себя самымъ безжалостнымъ образомъ до того, что изъ нихъ течетъ кровь; другіе втыкаютъ себѣ въ тѣло желѣзныя кольца, на которыя привѣшены колокольчики, произнося въ тактъ и въ теченіе цѣлыхъ часовъ имена Гассана и Гуссейна, а ихъ дикій вой оглашаетъ воздухъ даже ночью.

Во время праздниковъ Могаррема Персіяне только и занимаются тѣмъ, что публично проклинаютъ трехъ первыхъ калифовъ Абубекра, Омара и Османа, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти праздники много способствуютъ поддержанію той вражды и той ненависти, съ которыми Шіиты относятся къ Суннитамъ. Поэтому Турки, Афганцы, Бухарцы и вообще всѣ тѣ, кто принадлежитъ по своимъ вѣрованіямъ къ числу Суннитовъ, поступаютъ благоразумно, скрываясь въ теченіе Могаррема отъ глазъ народа, фанатическія страсти котораго возбуждены до крайности и который готовъ выместить на первомъ встрѣчномъ тѣ страданія, которымъ подвергались нѣкогда его высокочтимые имамы. Что касается Европейцевъ, то имъ не можетъ грозить никакая опасность въ эту пору всеобщаго возбужденія, и это, быть можетъ, потому, что въ Тазіэ одну изъ главныхъ ролей играетъ посолъ Франковъ, который вступается за Гассана и за Гуссейна и кончаетъ тѣмъ, что переходитъ въ магометанскую вѣру.

Праздники, о которыхъ я до сихъ поръ говорилъ, установлены по лунному календарю и потому справляются въ различные мѣсяцы, между тѣмъ какъ *Новрузъ* бываетъ всегда въ одинъ и тотъ-же день, а именно въ день весенняго равноденствія и соотвѣтствуетъ нашему новому году. Празднованіе этого дня перешло къ Персамъ отъ Гебровъ, а такъ какъ оно не справляется у другихъ магометанскихъ народовъ, то эти послѣдніе извлекаютъ отсюда предлогъ для обвиненія Персовъ въ идолопоклонствѣ. Поэтому, чтобъ согласовать это глубоко вкоренившееся въ странѣ обыкновеніе съ религіозными догматами, Персы придумали освятить Новрузъ тѣмъ, что стали праздновать въ этотъ день годовщину возведенія Али въ званіе калифа. Въ этотъ день родственники и друзья обмѣниваются подарками, и въ этотъ-же день, по установившемуся съ незапамятныхъ временъ обыкновенію, губернаторы провинцій и начальники племенъ присылаютъ монарху подарки звонкою монетой, кашемировыми шалями, вьючными животными, фруктами и съѣстными припасами разнаго рода, а шахъ

съ своей стороны даритъ болѣе или менѣе цѣнные халаты или почетныя одѣянія въ знакъ своего высокаго благоволенія. Подарки, которыя дѣлаются шаху въ праздникъ Новруза, служили для древнихъ Персидскихъ царей однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода, и даже во времена Фетъ-Али-шаха этотъ источникъ доставлялъ государственной казнѣ значительныя суммы. Разсказываютъ, что въ 1808 году подарокъ отъ губернатора Испагани Хаджи-Магомета-Гуссейна-хана состоялъ изъ пятидесяти пяти муловъ, изъ которыхъ каждый былъ покрытъ прекрасной кашемировой шалью и несъ на себѣ тысячу томановъ (въ то время томанъ стоилъ тоже, что 4 рубля серебромъ). Но съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна, и оттого-ли, что страна обѣднѣла или оттого, что теперешній шахъ не умѣетъ держать въ страхѣ своихъ служителей, подарки въ день Новруза становятся съ каждымъ годомъ незначительнѣе.

Наконецъ, у Персіянъ есть также много зловѣщихъ дней, находящихся въ связи съ ихъ вѣрованіями или, вѣрнѣй, съ ихъ религіозными суевѣріями. Есть такіе зловѣщіе дни, въ которые ни одинъ Персіянинъ не возмется ни за какое самое ничтожное дѣло; а есть и такіе, въ которые каждый съ разсвѣтомъ покидаетъ свое городское жилище, какъ будто оно должно обрушиться на него, и возвращается домой лишь съ наступленіемъ ночи. У Персіянъ еще есть Рузъ-и-Кадръ, роковой день, который, по ихъ убѣжденію, рѣшаетъ участь каждаго на весь годъ.

Въ Константинополѣ и въ Египтѣ, Турки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Европейцами, усвоили до нѣкоторой степени лоскъ цивилизаціи. Я съ намѣреніемъ говорю лоскъ, потому что у нихъ все ограничивается внѣшностью, не проникая въ кровь и мозгъ народной массы. Но въ Персіи нѣтъ даже такого внѣшняго лоска, и когда, наконецъ, свыкнешься съ существующими тамъ обычаями, то поневолѣ сознаешь, что попалъ въ самую глубь Азіи. Въ подтвержденіе приведу нѣсколько случаевъ изъ моего пребыванія въ Тегеранѣ.

Въ 1839 году, Гуссейнъ-ханъ былъ отправленъ въ качествѣ посланника во Францію и въ Англію. Его высокій ростъ, красивая наружность и богатый костюмъ произвели въ Лондонскихъ и Парижскихъ салонахъ нѣкоторое впечатлѣніе, и газеты часто занимали своихъ читателей подробностями объ этой личности. Хотя политическая цѣль, съ которою былъ посланъ Гуссейнъ-ханъ, нимало не была достигнута, и хотя во время своего пребыванія въ Франкистанѣ онъ дѣлалъ только глупости и долги, однако, по возвращеніи въ Персію, онъ былъ очень хорошо принятъ шахомъ и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того былъ у него въ большой милости. Каково же было наше удив-

леніе, когда намъ пришли сказать, что бывшій посланникъ Гуссейнъ-ханъ былъ наказанъ палочными ударами по пяткамъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказалось, что шахъ, подвергая своего слугу такому наказанію, не имѣлъ намѣренія наказать его за какой-нибудь важный проступокъ, прогнѣвившій монарха, а приказалъ бить его по пяткамъ только ради *тербижета*, т. е. его воспитанія. Дѣйствительно, царское благоволеніе до того вскружило Гуссейну-хану голову, что онъ сталъ держать себя высокомѣрно и задавать себѣ тонъ; поэтому шахъ, чтобы сдержать его заносчивость, счелъ нужнымъ подвергнуть его униженію. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Гуссейнъ-ханъ былъ въ немилости и не смѣлъ показываться при дворѣ. Наконецъ, шахъ послалъ ему халатъ, и это значило, что прошлое позабыто и что солнце благоволенія снова начинало блестѣть надъ его головой. Одѣвшись въ этотъ халатъ, служившій залогомъ помилованія и забвенія, Гуссейнъ-ханъ поспѣшилъ пасть ницъ у порога земнаго благополучія и вскорѣ былъ назначенъ губернаторомъ Іезда.

Такая же бѣда случилась съ мирзой-Али, сыномъ и помощникомъ мирзы Массуда. Мирза-Али, которому было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ во время продолжительнаго отсутствія своего отца, задержаннаго по дѣламъ службы въ Корасанѣ. Подобно всѣмъ Персіянамъ, занимающимъ высшія мѣста, мирза-Али сталъ жить на широкую ногу, постоянно находя недостаточнымъ число своей прислуги и своихъ лошадей. Такъ какъ его жалованье было незначительно и къ тому же уплачивалось неакуратно, то онъ скоро попалъ въ денежныя затрудненія и сталъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы добыть денегъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ присвоялъ себѣ подарки, которые были назначены другимъ лицамъ, и которые онъ, въ качествѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ отправлять по назначенію, мирза-Али попытался и успѣлъ поддѣлать подпись шаха и сталъ продавать патенты на военные чины пенсіи и жалованья. Это продолжалось почти цѣлый годъ и могло произойти только въ Персіи. Наконецъ, доносы стали дѣлаться все чаще и чаще, и въ руки шаху попали несомнѣнныя доказательства плутней его юнаго министра. Тогда его гнѣву не было границъ; сначала онъ намѣревался задушить мирзу-Али, потомъ хотѣлъ, чтобы у него отсѣкли кисть правой руки; наконецъ, по разнымъ ходатайствамъ, молодой человѣкъ отдѣлался тѣмъ, что его наказали палками и заставили возвратить присвоенныя денежныя суммы.

Впрочемъ Магометъ-шахъ не всегда выказываетъ такую снисходительность. Онъ иногда подчиняется постороннимъ вліяніямъ до та-

кой степени, что трудно его понять; но когда ему надоѣлъ какой-нибудь министръ, онъ подписываетъ его смертный приговоръ, какъ это и случилось не задолго до моего пріѣзда съ каймаканомъ, бывшимъ у него въ самой большой милости. Для такихъ характерныхъ людей, какъ Магометъ-шахъ, легче убить человѣка, чѣмъ заставить его повиноваться, такъ какъ для подписанія смертнаго приговора достаточно одной минуты гнѣвнаго раздраженія, а для того, чтобы подчинять нашей волѣ чужую волю надо постоянно упражнять способности и имѣть много энергіи.

Во время Гератской кампаніи, при шахѣ состоялъ домашнимъ секретаремъ мирза-эль-Наги, къ которому онъ очень благоволилъ, и который пользовался полнымъ его довѣріемъ. Но мирза-эль-Наги, подобно большинству Персіянъ, былъ человѣкъ продажный; онъ имѣлъ низость обмануть довѣріе своего государя и поступилъ на жалованье къ Англичанамъ. Письмо, адресованное имъ къ Англійскому министру, было перехвачено и попало въ руки шаху, который, рѣшившись погубить измѣнника, на время скрылъ свое негодованіе. Шахъ обходился еще ласковѣе прежняго съ своимъ фаворитомъ, осыпалъ его похвалами и приказалъ въ своемъ присутствіи надѣть на него почетную одежду. Мирза-эль-Наги воображалъ уже, что онъ достигъ апогея монаршей милости, какъ вдругъ шахъ позвалъ его къ себѣ, показалъ ему перехваченное письмо и спросилъ, извѣстно-ли ему имя автора. Мирза-эль-Наги поблѣднѣлъ и тщетно пытался оправдаться. Шахъ сдѣлалъ знакъ дежурнымъ феррахамъ; измѣнника задушили въ его глазахъ, а трупъ его тащили по улицамъ для того, чтобы онъ послужилъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы подражать ему.

Многоженство, какъ всякому извѣстно, существуетъ въ Персіи точно такъ же, какъ и въ другихъ магометанскихъ странахъ. Кромѣ четырехъ законныхъ женъ, дозволенныхъ Кораномъ, и кромѣ наложницъ, которыхъ можно имѣть въ неограниченномъ числѣ, въ Персіи еще существуетъ разрядъ полузаконныхъ женъ, которыя называются *сигеями* и которыхъ берутъ на опредѣленное время. Церемоніи, сопровождающія заключеніе такихъ временныхъ браковъ, до крайности просты и въ сущности заключаются въ томъ, что разламываютъ кусокъ леденца и дѣлятся имъ съ муллой, приглашеннымъ въ качествѣ свидѣтеля, между тѣмъ какъ бракосочетаніе съ законными женами совершается съ большею торжественностью.

Хотя *сигеи* не пользуются такими же правами, какъ законныя жены, и какъ кажется, не могутъ садиться въ ихъ присутствіи, однако въ названіи *сигея* нѣтъ ничего презрительнаго или укоризненнаго, и дѣти, которыя родятся отъ такихъ браковъ, считаются законными

дѣтьми и пользуются равными правами со всѣми другими. Если въ послѣдствіи они и уступаютъ первое мѣсто тѣмъ изъ своихъ братьевъ или сестеръ, которые родились отъ законныхъ женъ, то причина этого кроется не въ ихъ собственномъ происхожденіи, а въ низкомъ происхожденіи ихъ матерей, такъ какъ ни въ одной изъ Азіятскихъ странъ аристократія не пользуется такими привилегіями, какъ въ Персіи и нигдѣ такъ не цѣнятся преимущества знатнаго происхожденія. Многоженство очень распространено въ Персіи, и даже бѣдные люди, вынужденные по недостатку средствъ довольствоваться одной женой, нерѣдко разводятся съ устарѣвшей женой и женятся на молодой. Однако семьи Персидскія не многочисленнѣе нашихъ, и народонаселеніе скорѣе уменьшается, чѣмъ возрастаетъ.

Одно изъ самыхъ выдающихся исключеній составлялъ въ этомъ отношеніи покойный Фетъ-Али-шахъ, у котораго было болѣе пяти сотъ дѣтей и потомство котораго доходитъ въ настоящее время до трехъ тысячъ человѣкъ. Поэтому вовсе неудивительно, что Фетъ-Али-шахъ не зналъ ни числа, ни именъ своихъ дѣтей, и что на придворнаго шута была возложена обязанность вести списки раждавшихся и умиравшихъ дѣтей, для того, чтобы онъ всегда былъ въ состояніи доставлять своему государю нужныя свѣдѣнія. Государство, очевидно, не въ состояніи давать содержаніе столькимъ принцамъ царской крови; оттого-то многіе изъ нихъ и влачатъ самое бѣдственное существованіе.

Все, что̀ касается внутренняго устройства гаремовъ, семейной жизни Персовъ и подначальнаго положенія, въ которомъ находятся жены по отношенію къ ихъ мужьямъ, скрыто отъ глазъ посѣщающихъ Персію иностранцевъ; это такія тайны, въ которыя онъ не въ состояніи проникнуть, а прикрывающая эти отношенія занавѣса можетъ быть частію приподнята лишь тѣми Европейскими дамами, которымъ, благодаря ихъ общественному положенію, удавалось проникнуть внутрь гаремовъ высокопоставленныхъ лицъ. Оттого-то и изложенныя ниже свѣдѣнія я добылъ не самъ, а чрезъ посредство моей жены. Она въ короткое время познакомилась съ Персидскимъ языкомъ и научилась выражаться на немъ не только правильно, но даже изящно; поэтому ей было легче, чѣмъ кому-либо другому, наблюдать и изучать все, что̀ касалось общественнаго положенія Персидскихъ женщинъ. Въ составъ гаремовъ знатныхъ людей входятъ женщины четырехъ различныхъ національностей: 1) Персіянки, которыя обыкновенно берутся въ законныя жены и изъ которыхъ состоитъ любимая прислуга. 2) Грузинки, которыя славятся столько же своей красотой, сколько ограниченностью своего ума. Ихъ уже не привозятъ въ Персію съ тѣхъ поръ, какъ Грузія находится подъ Русскимъ

владычествомъ, а тѣ изъ нихъ, которыя изрѣдка встрѣчаются въ гаремахъ, всѣ принадлежатъ къ прошлому поколѣнію. 3) Абиссинки. 4) Негритянки. Женщины этихъ двухъ послѣднихъ категорій, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *черныхъ*, принадлежатъ къ разряду рабынь, и съ ними обходятся съ возмутительнымъ презрѣніемъ. На нихъ возлагаютъ самыя трудныя работы и ихъ едва относятъ къ разряду человѣческихъ существъ.

Въ проѣздъ чрезъ Таврисъ моя жена сочла долгомъ сдѣлать вѣжливый визитъ Навабъ-Алиже, первой женѣ Магомета-шаха и матери наслѣдника престола, нынѣ царствующаго подъ именемъ Нассръэдъ-Дина. Хотя эта женщина и не молода и не красива, и хотя ея супругъ не оказываетъ ей большаго вниманія, она все-таки занимаетъ первое мѣсто въ царскомъ гаремѣ, благодаря своему знатному происхожденію изъ рода Каджаровъ. Навабъ-Алиже не лишена ни ума, ни образованія. Она приняла мою жену съ безукоризненною вѣжливостью. Послѣ проведенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ часовъ, моя жена пожелала удалиться; но Навабъ-Алиже настоятельно упрашивала ее остаться. Наконецъ, чтобъ найти предлогъ для возвращенія домой, моя жена сказала ей, что уже поздно и что я жду ея къ обѣду. Какъ, воскликнула она, вы обѣдаете сегодня съ вашимъ мужемъ! Отчего вы не сказали мнѣ этого раньше? Я ни за что не стала бы васъ удерживать. Это большое счастье; отправляйтесь же какъ можно скорѣе; я также два раза въ моей жизни была такъ счастлива, что обѣдала съ *центромъ міра (киблежи-алемъ:* это одно изъ тѣхъ названій, которыми обозначаютъ Персидскаго шаха).

Узнавъ, что моя жена говоритъ по-персидски, шахъ выразилъ желаніе, чтобъ она ему представилась, и эта аудіенція была назначена на одинъ изъ слѣдующихъ дней. Это была самая свѣжая новость; поднялась бѣготня взадъ и впередъ, и переполохъ былъ общій. Наконецъ, въ полдень, первый евнухъ его величества, въ сопровожденіи десятка другихъ евнуховъ, явился къ моей женѣ съ увѣдомленіемъ, что шахъ готовъ принять ее. Она надѣла Персидскую чадру—большой кусокъ матеріи, въ который она закуталась съ ногъ до головы, чтобъ не нарушать общепринятаго обычая, и послѣдовала за евнухомъ. Во главѣ кортежа находился отрядъ гвардіи съ музыкантами впереди; за нимъ слѣдовали феррахи, пичгедметы и скороходы въ шапкахъ, украшенныхъ перьями и въ костюмахъ, на которыхъ нашиты золотыя и серебряныя монеты; вслѣдъ за тѣмъ шли *гуламъ-бетегэ*—семи и осьми-лѣтніе мальчики-пажи, конюхи, которые вели за узду лошадей, и наконецъ евнухи. Моя жена сѣла въ карету, и тогда весь этотъ кортежъ двинулся впередъ съ оглушительными криками. Фер-

рахи колотили направо и налѣво попадавшихся на пути ротозѣевъ, и такое грубое обхожденіе никого не удивляло: до такой степени оно было согласно съ установившимися въ подобныхъ случаяхъ обыкновеніями.

У входа въ андерумъ (внутренніе апартаменты) кортежъ остановился; только евнухи и пажи вошли въ дверь, которая была тотчасъ заперта вслѣдъ за ними, согласно съ установленнымъ обыкновеніемъ. Тамъ мою жену приняла и привѣтствовала сестра шаха и жена сердаря Ханъ-Баба-хана,—Русскаго подданнаго и богатаго землевладѣльца изъ Эриванской провинціи; затѣмъ она ввела мою жену въ апартаменты его величества. Тамъ мою жену ожидали мать шаха, всѣ его жены и сотня другихъ женщинъ, принадлежавшихъ къ числу родственницъ. Всѣ эти дамы приняли мою жену очень привѣтливо, а она съ своей стороны постаралась сказать каждой изъ нихъ какую-нибудь любезность. Въ числѣ ихъ находилась дочь имама Верди-мирзы, одного изъ принцевъ, укрывшихся въ Константинополѣ, у котораго сынъ былъ очень опасно боленъ. Моя жена съ участіемъ спросила о положеніи больнаго; но его мать очень холодно отвѣчала: я почему знаю; я уже давно его не видѣла; впрочемъ это—дѣло доктора и меня не касается.

Затѣмъ моя жена обратила вниманіе на очень хорошенькую пятилѣтнюю дѣвочку и обратилась къ матери шаха съ вопросомъ, кто мать этого красиваго ребенка. Когда ей указали на мать, эта послѣдняя торопливо возразила: О, нѣтъ, *астаферъ Аллахъ* (Боже сохрани), *малэ менъ нистъ*—она не моя дочь, а дочь ея величества,—и указала на мать шаха. Въ Персіи имѣютъ обыкновеніе дарить все, даже самыя дорогія свои привязанности.

Между тѣмъ какъ разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ; мою жену угощали фруктами и вкусными шербетами.

Чрезъ четверть часа поднялась сильная тревога между дежурными женщинами, и въ этотъ самый моментъ одинъ изъ маленькихъ *гуламовъ* пришелъ возвѣстить: *Киблеи алемъ тешрифъ, миберендъ инджо*, то есть центръ міра намѣренъ удостоить васъ своимъ присутствіемъ. Это увѣдомленіе произвело общій переполохъ; всѣ позабыли и о правилахъ церемоніала, и о присутствіи иностранки въ гаремѣ. Мать шаха, которая обыкновенно держитъ себя очень надменно, торопливо сошла съ своего мѣста, чтобъ все приготовить согласно съ данными свыше приказаніями, а четыре жены шаха опрометью заняли четыре угла комнаты, гдѣ оставались, въ теченіе всей аудіенціи, неподвижными, какъ мраморныя статуи, устремивъ глаза въ полъ. Остальныя лица съ такой же торопливостью скучились въ углубленіи комнаты. Моя

жена, также удалившаяся въ углубленіе подлѣ окна, очень забавлялась паническимъ страхомъ, который изображался на всѣхъ лицахъ. Наконецъ появился и центръ вселенной.

Магометъ-шаху было немного болѣе тридцати лѣтъ; онъ былъ средняго роста, скорѣе толстъ, чѣмъ худъ, и красивъ собою; у него были прекрасные глаза и большой носъ, какъ у всѣхъ Каджаровъ. Онъ былъ одѣтъ очень просто: на немъ былъ костюмъ низама изъ темно-зеленой шали; на его головѣ была Персидская шапка безъ всякихъ украшеній, а обутъ онъ былъ въ огромные ботфорты. Страдая застарѣлой подагрой, (которая и свела его, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ могилу) онъ хромалъ, но передъ тѣмъ, чтобъ войти взялъ въ руки палку и постарался казаться легкимъ на ходу. Увидѣвъ мою жену, онъ поклонился ей по-европейски и, сѣвъ въ кресло, сказалъ ей: милости просимъ, г-жа мухта (т.-е. супруга уполномоченнаго); затѣмъ онъ знакомъ пригласилъ ее сѣсть на кресло противъ него, — это была такая прерогатива, которую придворный этикетъ не допускаетъ ни для какой женщины.

Хотя моя жена очень хорошо поняла сдѣланный ей шахомъ знакъ, она не рѣшалась сѣсть, пока мать шаха стояла. Замѣтивъ это, Магометъ-шахъ сказалъ своей матери по-турецки съ явнымъ нетерпѣніемъ: *сенъ-де-утуръ*, садись же, и тогда моя жена также сѣла на указанное ей мѣсто. Сказавъ нѣсколько словъ въ мою похвалу, шахъ спросилъ, какъ я поживаю. Моя жена отвѣчала, что я непрестанно молюсь о благоденствіи его величества и что высказанныя на мой счетъ похвалы она принимаетъ за доказательство его высокаго благоволенія. Шахъ былъ, повидимому, очень удивленъ тѣмъ, что моя жена говорила съ такимъ акцентомъ и въ такихъ оборотахъ рѣчи, которые общепринятъ въ подобныхъ случаяхъ, и выразилъ это удивленіе своей матери. Я слышалъ, продолжалъ онъ, что Европейскія женщины почти также образованны, какъ мущины? Скажите же мнѣ, какъ идутъ дѣла Мегмета-Али въ Египтѣ? Моя жена разсказала ему, какимъ условіямъ четыре державы заставили подчиниться Египетскаго пашу.—Въ такомъ случаѣ, продолжалъ шахъ, вамъ также должно быть извѣстно, какъ идутъ дѣла Англичанъ въ Китаѣ?—Моя жена разсказала ему все, что́ знала, и ея разсказъ заставилъ шаха разсмѣяться.—Такъ какъ вы такъ много знаете, то скажите мнѣ, гдѣ больше жителей, въ Петербургѣ или въ Пекинѣ?—Моя жена отвѣчала ему, что о Пекинѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній, но что по словамъ тѣхъ, кто тамъ бывалъ, Пекинъ еще многолюднѣе Петербурга.—Я знаю, что вы содержите тамъ посольство изъ муллъ. Развѣ Е. В. Императоръ полагается на своихъ муллъ?—Отчего же на нихъ не полагаться? отвѣчала моя жена: вѣдь наши муллы такъ же покорны Императору,

какъ и всѣ другіе подданные, и конечно не стали бы заниматься *муллахъ-бази* — поповскими интригами. Такъ называютъ здѣсь народные мятежи, которые всегда возникаютъ по подстрекательству духовенства, составляющаго самый враждебный къ правительству классъ. Очень хорошо, сказалъ шахъ, я поступаю такъ же, какъ Русскій Императоръ—никогда не прощаю *муллахъ-бази*. Затѣмъ шахъ перенесъ разговоръ на Лондонъ, Вѣну, Парижъ, Берлинъ и въ особенности Петербургъ, засыпая мою жену распросами, на которые она отвѣчала такъ удовлетворительно, какъ могла. Затѣмъ онъ пододвинулъ свое кресло къ ея креслу и сказалъ ей въ полголоса съ коварной усмѣшкой: а что думаете вы о томъ, какъ мы обходимся съ нашими женами; при этомъ онъ указалъ на своихъ женъ, которыя стояли неподвижными и какъ бы прикованными къ стѣнѣ и не смѣли разинуть рта. Должна ли я отвѣчать вашему величеству,—сказала моя жена,—такъ, какъ отвѣчали бы у насъ или такъ, какъ отвѣчали бы здѣсь?—Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ шахъ, скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе. —Въ такомъ случаѣ,—отвѣчала моя жена,—я скажу вамъ, что ваши обычаи отвратительны и что ни одна Европейская женщина не согласилась бы подчиниться имъ. Впрочемъ,—прибавила она, чтобъ позолотить пилюлю,—то, что хорошо для одной страны, можетъ негодиться для другой, и вы, конечно, имѣете основательные доводы поступать такъ, какъ вы поступаете. — Это правда, сказалъ шахъ, здѣсь такъ поступать безусловно необходимо.

Послѣ того шахъ еще много распрашивалъ мою жену о положеніи женщинъ въ Европѣ, объ ихъ воспитаніи и объ ихъ привязанности къ мужьямъ. Разговоръ не прерывался ни на минуту, такъ какъ шахъ хотя и не отличался большимъ умомъ, но былъ очень любознателенъ и обладалъ нѣкоторыми историческими и географическими познаніями. Наконецъ, моя жена попросила *мурагасса*, т.-е. позволенія удалиться, которое было ей дано и сопровождалось всякими любезностями; тогда она удалилась изъ гарема съ такимъ же церемоніаломъ, съ какимъ была туда введена.

Много времени спустя,—за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ мы покинули Персію, чтобъ никогда болѣе туда не возвращаться,—моя жена попросила вторичной аудіенціи у шаха, чтобъ проститься съ нимъ и съ его семействомъ. Ей былъ оказанъ точно такой же пріемъ, какъ и въ первый разъ. Когда она попросила его величество дать ей на память нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, шахъ отнесся къ ея просьбѣ съ самой любезной предупредительностью. Онъ приказалъ принести бумагу и *калемданъ*, чернильницу, которую одна изъ его женъ подала ему, ставъ на колѣни, и на-

писалъ твердою рукою слѣдующія строки, которыя мы хранимъ, какъ драгоцѣнный документъ. Вотъ буквальный переводъ: «Богъ. — *Канумъ* (супруга) уполномоченнаго министра намъ очень понравилась. Жаль, что, скоро пресытившись Персіей, она уже чувствуетъ желаніе возвратиться на родину. Эти строки написаны въ знакъ памяти (съ нашей стороны). Въ мѣсяцѣ Шевалѣ 1257 (въ Ноябрѣ 1841). Написано въ Тегеранѣ».

Все вышеизложенное ясно доказываетъ, какъ ничтожна роль, которую играютъ въ Персіи даже тѣ женщины, которыя принадлежатъ къ высшимъ сферамъ общества. Однако было-бы несправедливо обвинять Коранъ въ намѣреніи унизить женщину и ея общественное положеніе. Никогда подобная мысль не входила въ голову Магомета, который и по своей натурѣ, и по тѣмъ условіямъ, среди которыхъ жилъ, питалъ страстную любовь къ женскому полу. Доказательствомъ этого служатъ и уваженіе, съ которымъ онъ отзывается въ Коранѣ о женщинахъ, и признательность, которую онъ публично выражалъ красивой и богатой вдовѣ Кадиджѣ, которой былъ обязанъ своими первыми успѣхами, и 46 женъ и одалискъ, которыхъ Пророкъ почтилъ своимъ выборомъ, и его рыцарская любовь къ Зейнебѣ, и его смерть съ головою, опущенною на колѣни дочери Абубекра Аиши, и множество другихъ подробностей изъ его жизни. Если-же въ своихъ узаконеніяхъ онъ не возвысилъ женщину до равнаго положенія съ мущиной, причиной этого было то, что ни въ исторіи, ни въ нравахъ Азіи онъ не находилъ ничего, что могло бы внушить ему мысль о такомъ нововведеніи. Въ его время, точно такъ-же, какъ и теперь, можно было услышать слѣдующія слова Перса, обращенныя къ другому Персу въ то время, какъ этотъ послѣдній билъ свою сестру: «Зачѣмъ ты ее бьешь? Развѣ Богъ недостаточно наказалъ ее, создавши женщиной?» И Евреи, законы которыхъ послужили образцемъ для законовъ Магомета, и Арабы, и даже болѣе цивилизованные Греки и Римляне смотрѣли на женщину какъ на мебель, какъ на собственность, облагаемую налогомъ, и обходились съ ней сообразно съ этимъ взглядомъ. Въ Китаѣ и въ Индіи было еще хуже. Все равно, молода она или стара,—говорится въ кодексѣ Ману,—за мужемъ она, или нѣтъ, она должна безпрекословно исполнять приказанія своего господина и не осмѣливаться что-либо предпринимать по собственному почину. Палка и веревка были-бы наказаніемъ виновной. А развѣ эти понятія не могли распространиться по Европѣ, не будь божественнаго вліянія Евангелія?

При такомъ положеніи общества, только любовь сына къ матери или причудливая привязанность господина къ любовницѣ могла облег-

чать положеніе самаго слабаго пола. Поэтому интересно прослѣдить исторію отместокъ, къ которымъ прибѣгалъ отъ времени до времени этотъ полъ, чтобъ уклониться отъ несправедливой суровости законовъ. Персія представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательный примѣръ. Случалось, что не только содержавшіяся въ гаремахъ женщины присвоивали себѣ власть своихъ повелителей и держали ихъ въ страхѣ, но даже въ менѣе знатныхъ семействахъ мало-по-малу распространялись втихомолку оппозиціонныя идеи, клонившіяся къ возстановленію равенства въ правахъ между лицами обоего пола и діаметрально противоположныя содержанію предписаній (*фахъ*), изданныхъ толкователями Корана. Въ этихъ идеяхъ, на ряду съ мусульманскими вѣрованіями, встрѣчаются остатки старыхъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ Гебровъ. Результатомъ ихъ было нѣчто въ родѣ кодекса, который представляетъ странное смѣшеніе теорій, часто безнравственныхъ, но всегда вступающихся за правое дѣло; иначе и быть не могло у такого народа, у котораго страсти и недостатокъ просвѣщенія постоянно отзываются на понятіяхъ о нравственности. Но если Персидскія женщины очень дорожатъ этимъ кодексомъ, мало-по-малу созданнымъ ими самими, то это происходитъ не только оттого, что онъ развязываетъ имъ руки наперекоръ *фаху* и ихъ мужьямъ, но въ особенности потому, что всѣ ихъ вкусы, всѣ ихъ симпатіи и даже, можно сказать, всѣ ихъ причуды, за немногими исключеніями, вписаны въ этотъ кодексъ, освящены имъ и введены въ силу, благодаря привычкамъ, столь-же древнимъ, какъ и самъ Коранъ.

Постановленія этого кодекса сначала передавались на словахъ изъ устъ въ уста, и лишь впослѣдствіи возникла мысль изложить ихъ письменно. Миръ-Дамадъ, какъ кажется, былъ первый писатель, занявшійся собираніемъ всѣхъ относящихся до этого предмета свѣдѣній въ одно цѣлое. Но преждевременная смерть не дозволила ему докончить эту работу. Тогда Фетъ-Али-шахъ, замѣтившій, какое сильное вліяніе оказываютъ тайны этого женскаго кодекса на его собственный гаремъ, приказалъ одному изъ своихъ сыновей, Магомету-мирзѣ, привести въ ясность все, что было опаснаго въ этомъ ученіи. Принцъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего отца и издалъ по этому предмету парафразу въ Персидскихъ стихахъ подъ заглавіемъ *Адабъ-унъ-нисса*. Вотъ, какъ онъ выражается въ предисловіи: «Славной памяти Миръ-Дамадъ, вознамѣрившись приподнять темную завѣсу, скрывавшую отъ глазъ нечестивыя вѣрованія и тайныя продѣлки нашихъ женъ, сталъ слѣдить за ихъ поведеніемъ и собирать о нихъ свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ пожилыхъ Испаганьскихъ сплетницъ, которыя считались самыми опытными послѣдовательницами того уче-

нія, которое онъ имѣлъ цѣлію развѣдать. Благодаря его умственнымъ усиліямъ, скоро были выведены наружу адскія хитрости и дьявольскія продѣлки нашихъ дражайшихъ половинъ,—этой гнусной расы!» Высказывая такое рѣзкое порицаніе, авторъ, вѣроятно, хотѣлъ успокоить свою совѣсть и внушить мулламъ и мужьямъ отвращеніе къ этому кодексу. *Адабъ-унъ-нисса* раздѣляется на шестнадцать главъ; это сочиненіе переведено Александромъ Ходзько, который былъ въ ту пору консуломъ въ Гиланѣ и принадлежалъ къ числу лучшихъ оріенталистовъ. Но еслибы я сталъ излагать его содержаніе во всѣхъ подробностяхъ, я вышелъ-бы изъ предположенныхъ мною рамокъ.

Многочисленныя непріятности, которыя, какъ видно изъ всего предыдущаго, мнѣ приходилось выносить въ моихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ, какъ отъ императорскаго министерства, такъ и отъ Персидскаго правительства; здоровье моей жены, которая не могла свыкнуться съ климатомъ и внушала мнѣ серьозныя опасенія; наконецъ, смерть моего отца, скончавшагося въ Петербургѣ 20 Декабря 1840 г. послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, и одиночество, въ которомъ находилась моя мать вслѣдствіе этого семейнаго несчастія,—всѣ эти поводы заставили меня просить о неотложномъ увольненіи отъ должности. На это графъ Нессельроде увѣдомилъ меня, что Императоръ соблаговолилъ изъявить согласіе на мое увольненіе, и что на мое мѣсто назначенъ графъ Медемъ. Но я конечно долженъ былъ дождаться прибытія моего преемника, которое замедлилось по различнымъ причинамъ. Тѣмъ временемъ я имѣлъ удовольствіе привѣтствовать возвращеніе Англійскаго посольства, которое прибыло въ Тегеранъ въ послѣднихъ числахъ Августа 1841 года. Я съ перваго разу сталъ въ самыя лучшія отношенія къ сэру Джону Макнилю и поддерживалъ его всѣмъ моимъ вліяніемъ въ сношенія съ Персидскими министрами о заключеніи торговаго договора.

Такъ какъ главнокомандующій Кавказской арміи счелъ нужнымъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, поставить санитарный кордонъ на Араксѣ, то, во избѣжаніе необходимости выдерживать карантинъ, я вздумалъ отплыть изъ Персидскаго залива въ Бомбей и возвратиться въ Европу переправившись черезъ Суэцъ. Британское правительство отнеслось къ этому намѣренію съ самой любезной предупредительностью и предоставило въ мое распоряженіе стоявшій въ Бендеръ-Буширѣ пароходъ, который долженъ былъ доставить меня въ Бомбей, ко времени отплытія тѣхъ пароходовъ, которые постоянно ходятъ на Суэцъ. Однако, замѣтивъ изъ писемъ, полученныхъ мною тѣмъ временемъ отъ графа Нессельроде, что мое намѣреніе ему не нравилось и что онъ (хотя и не основательно) опасался, чтобъ Британское

правительство въ Индіи не отнеслось къ моему появленію въ Бомбеѣ съ подозрѣніями и съ неудовольствіемъ, я немедленно отказался отъ моего намѣренія и рѣшился возвратиться въ Россію тѣмъ-же путемъ, какимъ пріѣхалъ. 1-го Декабря я передалъ графу Медему должность, которую занималъ при Персидскомъ дворѣ, и черезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхалъ въ Тифлисъ.

Наканунѣ моего отъѣзда, въ Тегеранѣ сталъ ходить неясный слухъ о пораженіи, нанесенномъ Англійской арміи въ Афганистанѣ. Впослѣдствіи это извѣстіе вполнѣ подтвердилось, а когда сдѣлались извѣстны всѣ ужасныя подробности отступленія Англичанъ сквозь ущелья Бейлана, для всѣхъ стало ясно, что это пораженіе приняло размѣры настоящей катастрофы.

Время года было позднее, и холодъ былъ очень силенъ въ горахъ Адербейджана. Однажды я былъ вынужденъ снять кузовъ кареты съ колесъ и спустить его, при помощи веревокъ, съ крутаго ската, покрытаго гололедицей. Еслибы меня не сопровождали шесть Донскихъ казаковъ, возвращавшихся домой по окончаніи срока своей службы при посольствѣ, то мнѣ пришлось бы бросить мой экипажъ. Вообще все это путешествіе было очень утомительно.

Мы остановились на нѣсколько недѣль въ Тифлисѣ, чтобъ отдохнуть, и я возвратился въ Петербургъ только въ Февралѣ 1842 года.

XI.

По кончинѣ батюшки, моя мать, будучи вынуждена уменьшить свои расходы, наняла маленькую квартиру на Фонтанкѣ, между мостами Аничкинымъ и Чернышовымъ, въ домѣ бывшемъ Баллина, а теперь Шварца, и прожила тамъ двадцать два года до самой смерти. Желая быть ближе къ моей матери, я, по возвращеніи въ Петербургъ, нанялъ на короткое время въ томъ же домѣ сосѣднюю съ ней квартиру, такъ какъ, прежде чѣмъ окончательно устроиться въ Петербургѣ, я намѣревался отвезти на минеральныя воды въ Германію мою жену, здоровье которой внушало мнѣ серіозныя опасенія. Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Петербургъ, я былъ принятъ въ аудіенціи Его Величествомъ Императоромъ, и вотъ слово въ слово происходившій 19-го Февраля 1842 года разговоръ, которымъ почтилъ меня Его Величество.

Императоръ.—Здравствуйте, любезный генералъ; я прежде всего долженъ поблагодарить васъ за то, что вы такъ хорошо исполняли ваши обязанности въ Персіи. Вы очень хорошо поняли и исполнили

мои желанія. Я читалъ всѣ ваши донесенія и былъ ими какъ нельзя болѣе доволенъ. Изъ всего, что вы намъ сообщали, можно заключить, что Персія находится въ сильномъ упадкѣ.

Я.—Управленіе тамъ отвратительное; губернаторы провинцій дѣлаютъ, что хотятъ; деньги не поступаютъ въ казну; но самое большое несчастіе для страны заключается въ томъ, что главный министръ шаха настоящій глупецъ.

Императоръ.—Онъ глупъ или лукавъ?

Я.—Онъ и то и другое. Это человѣкъ, который ничего не понимаетъ въ дѣлахъ управленія, который отдаляетъ отъ шаха всѣхъ способныхъ людей и причиняетъ неисчислимый вредъ странѣ.

Императоръ.—Говорятъ, что шахъ человѣкъ болѣзненный?

Я.—Онъ сильно страдаетъ подагрой, Ваше Величество, и можно опасаться, что поднявшаяся вверхъ подагра сдѣлается причиной его внезапной смерти.

Императоръ.—Какихъ онъ лѣтъ?

Я.—Ему только 37-мь лѣтъ, но онъ страдаетъ подагрой уже болѣе десяти лѣтъ. Это—наслѣдственная болѣзнь въ его семействѣ.

Императоръ.—А что дѣлаетъ наслѣдникъ престола, тотъ изъ его сыновей, который пріѣзжалъ ко мнѣ на встрѣчу въ Эривань?

Я.—Онъ хорошенькій мальчикъ, но съ виду слабъ здоровьемъ.

Императоръ.—Какъ его воспитываютъ?

Я.—Не хорошо. Онъ находится на попеченіи муллы, который учитъ его писать и читать, и болѣе ничему. Мать шаха никогда не дозволяла учить его иностраннымъ языкамъ, и я полагаю, что когда онъ сдѣлается мущиной, онъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ походить на своихъ предмѣстниковъ.

Императоръ.—Нельзя не сказать, чтобы для насъ это не было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно.

Я.—Я полагаю, Ваше Величество, что Персія еще долго не будетъ страшной для Россіи и что намъ слѣдуетъ опасаться только одного, чтобы, вслѣдствіе слабости правительства, въ Персіи не воцарилась анархія.

Императоръ.—Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Я всего болѣе опасаюсь анархіи въ Персіи, потому что такой порядокъ вещей непремѣнно отразился бы на всемъ пространствѣ нашихъ Закавказскихъ провинцій. Какъ сильна Персидская армія?

Я.—На бумагѣ она состоитъ изъ 108 тысячъ человѣкъ; но, вслѣдствіе бѣдности государственной казны, правительство могло бы съ трудомъ собрать даже четвертую часть этой цифры.

Императоръ.—Все-ли это регулярныя войска?

Я.—Да, Ваше Величество; это до нѣкоторой степени регулярныя войска, хотя ихъ рѣдко заставляютъ упражняться и хотя шахъ вообще очень мало ими занимается. Впрочемъ солдаты очень красивые мущины и, по примѣру организаціи Англійской арміи, каждый полкъ состоитъ только изъ одного батальона. Уже два года, какъ на службѣ у Персидскаго правительства состоятъ Французскіе инструкторы, и хотя имъ, къ моему крайнему удивленію, до сихъ поръ акуратно выплачивали жалованье, они еще ни разу не были приглашены приступить къ обученію хоть одного батальона.

Императоръ.—Не происходитъ ли это отъ недовѣрія?

Я.—Я полагаю, что это происходитъ отъ неумѣнья Персовъ пользоваться услугами Европейцевъ. Ваше Величество изволили прислать имъ нѣсколькихъ рабочихъ изъ Петербургскаго арсенала, и конечно эти люди могли бы быть очень полезны; но ими также не умѣли пользоваться: оказывался недостатокъ то въ желѣзѣ, то въ деревѣ, то въ углѣ.

Императоръ.—Въ такомъ случаѣ, Тегеранскій арсеналъ долженъ находиться въ состояніи упадка?

Я.—Такъ какъ первый министръ шаха заботится болѣе всего о работахъ въ арсеналѣ и такъ какъ большая часть государственныхъ доходовъ идетъ на это заведеніе, то нельзя сказать, чтобы эта часть находилась въ рѣшительномъ упадкѣ. У Персіянъ отъ 150 до 200 пушекъ; въ этомъ числѣ есть пушки очень большаго калибра, которыя было бы трудно перевозить по дурнымъ Персидскимъ дорогамъ. Но Хаджи воображаетъ, что чѣмъ громаднѣе величина пушки, тѣмъ лучше эта пушка дѣйствуетъ, а такъ какъ онъ сверхъ того считаетъ себя Персидскимъ Неемъ, то воображаетъ, что все знаетъ лучше всякаго другаго и потому не хочетъ выслушать ничьего совѣта.

Императоръ.—Извѣстно ли вамъ, что въ Афганистанѣ совершились важныя событія? Мѣстное населеніе, какъ кажется, возстало повсюду. Англичанамъ будетъ не легко возстановить въ этой странѣ ихъ поколебленное владычество. Вѣдь я не думаю, чтобы всѣ ихъ военныя силы въ Индіи превышали сто тысячъ человѣкъ.

Я.—Я не понимаю, какъ Англійское правительство, при своей осмотрительности, могло предпринять такое завоеваніе, которое не обѣщало ему никакихъ существенныхъ выгодъ и которое заставитъ его постоянно вмѣшиваться въ Средне-азіятскія дѣла.

Императоръ.—Я полагаю, что Англичане сдѣлали это единственно изъ зависти къ намъ. Тѣмъ не менѣе я могу по совѣсти сказать, что не сдѣлалъ имъ ничего такого, въ чемъ могъ бы себя упрекнуть,

Я поступалъ въ моихъ отношеніяхъ къ Англіи вполнѣ добросовѣстно, и доказательствомъ этого могутъ служить всѣ инструкціи, которыя были даны графу Симоничу. Впрочемъ все случившееся доказываетъ, что въ здѣшнемъ мірѣ есть извѣстныя границы, которыхъ никогда не слѣдуетъ переступать.

Я.—Я не могу скрыть отъ Вашего Величества, что блестящій успѣхъ, съ которымъ сначала дѣйствовали Англичане въ Афганистанѣ, произвелъ въ этой части Азіи неблагопріятное для насъ впечатлѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что реакція вызванная неудачами Англичанъ послужитъ къ нашей пользѣ.

Императоръ.—Въ виду всего, что происходило въ Азіи въ послѣдніе три года, можно бы было просто обратиться къ этимъ народамъ со словами: Россія не приходитъ къ вамъ на помощь, потому что вы сами должны быть достаточно сильны для того, чтобы отражать иноземцевъ, нападающихъ на ваши земли. Но теперь я опасаюсь, чтобы обнаружившійся между Аѳганскими племенами духъ непокорности не перешелъ къ другимъ Азіятскимъ народамъ и въ особенности къ тѣмъ мусульманскимъ племенамъ, которыя живутъ вдоль береговъ Каспійскаго моря и давно уже ведутъ противъ насъ упорную борьбу. Проѣзжая по Закавказскимъ провинціямъ, вы вѣроятно слышали о Шамилѣ и о вліяніи, которымъ онъ пользуется въ средѣ своихъ единовѣрцевъ?

Я.—Конечно, Ваше Величество, слышалъ. Я полагаю, что мусульмане сознаютъ упадокъ своихъ религіозныхъ и общественныхъ началъ и ищутъ поддержки въ экзальтаціи фанатизма. Можно замѣтить, что точно такія же попытки дѣлаются на Востокѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Поэтому я очень желаю, чтобы намъ удалось удалить отъ шаха его перваго министра. Этотъ фанатикъ охотно принимаетъ нашихъ перебѣжчиковъ и посылаетъ эмиссаровъ въ наши Закавказскія провинціи; хотя онъ и не можетъ вызвать этимъ способомъ серіозной для насъ опасности, но онъ можетъ создать для насъ затрудненія, поддерживая среди мусульманскаго населенія безразсудныя надежды.

Императоръ.—Вы одно время намѣревались возвратиться чрезъ Индію, и я почти сожалѣлъ о томъ, что вы этого не сдѣлали, такъ какъ намъ было бы интересно знать, что тамъ дѣлается; впрочемъ, вы, можетъ быть, поступили благоразумно, отказавшись отъ этого намѣренія.

Я.—Макниль, помня, какъ его хорошо приняли во время его проѣзда чрезъ Грузію, желалъ, чтобы я возвратился этимъ путемъ и тѣмъ доставилъ бы Британскому правительству случай принять такъ же любезно посла Вашего Величества. Но я не осмѣлился предпри-

нять такое путешествіе безъ особаго на то разрѣшенія Вашего Величества.

Императоръ.—Повторяю вамъ, что вы хорошо поступили, несмотря на то, что Британское правительство отнеслось къ этому намѣренію благосклонно и изъявило готовность сдѣлать всѣ необходимыя для такого путешествія распоряженія. Впрочемъ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Макниль будетъ отозванъ?

Я.—Да, Ваше Величество, я узналъ объ этомъ по возвращеніи въ Петербургъ.

Императоръ.—Я этимъ доволенъ. Онъ такъ запуталъ дѣла, что стоилъ этого, чтобы его отозвали.

Я.—Что̀ касается меня, Ваше Величество, то я былъ съ нимъ очень хорошъ и могу увѣрить Ваше Величество, что во время моего отъѣзда изъ Тегерана между двумя посольствами существовали самыя дружественныя отношенія.

Императоръ.—Въ Англіи также стали наконецъ отдавать справедливость добросовѣстности моего образа дѣйствій. Недовѣріе, которое тамъ питали къ Россіи, совершенно исчезло; даже могу сказать, что въ Лондонѣ отношенія между двумя правительствами еще болѣе близки, чѣмъ въ Тегеранѣ. Затѣмъ, любезный генералъ, еще разъ благодарю васъ за усердіе, съ которымъ вы мнѣ служили и повторяю вамъ, что я былъ очень вами доволенъ.

*

Я ждалъ только начала весны и былъ исключительно занятъ мыслію о путешествіи; но для этого послужило препятствіемъ неожиданно сдѣланное мнѣ предложеніе отправиться съ дипломатической миссіей въ Бухарестъ.

Чтобы взвѣсить поводы этой командировки слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи Дунайскихъ княжествъ.

Нашими трактатами съ Турціей были обезпечены широкія привилегіи въ пользу Молдавіи и Валахіи, а Адріанопольскій мирный договоръ призналъ за этими княжествами право на полную административную автономію. Хотя узы вассальной зависимости и не были разорваны, но верховенство Порты сдѣлалось почти номинальнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ княжества зависѣли не столько отъ Порты, сколько отъ Россіи, благодаря протекторату, возложенному на Русскихъ консуловъ въ Яссахъ и въ Бухарестѣ. Послѣ войны съ Турціей и почти до 1835 года Молдо-Валахія очень благоразумно управлялась графомъ Киселевымъ, носившимъ титулъ уполномоченна-

го предсѣдателя диванов Молдавскаго и Валашскаго. Благодаря вѣжливости своего обхожденія, своему безкорыстію и просвѣщенной заботливости о благѣ страны, графъ Киселевъ пріобрѣлъ въ Дунайскихъ княжествахъ большую популярность и сдѣлался идоломъ всѣхъ классовъ населенія. Именно подъ его руководствомъ были составлены какъ для Валахіи, такъ и для Молдавіи, органическіе статуты, которые, какъ бы дурно ни отзывалась о нихъ враждебная Россіи партія, безъ сомнѣнія были лучше всего, что было до тѣхъ поръ сдѣлано для организаціи различныхъ отраслей администраціи въ этихъ княжествахъ. Въ силу Адріанопольскаго мирнаго договора, наши войска должны были очистить Дунайскія княжества послѣ уплаты этими послѣдними нѣкоторой доли военной контрибуціи, и затѣмъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, господарей для этихъ двухъ провинцій должно было назначить на первый разъ императорское правительство съ согласія Порты. Вслѣдствіе этого, графъ Киселевъ провозгласилъ господарями Александра Гику и Михаила Стурдзу, перваго въ Валахіи, а втораго въ Молдавіи. Послѣ этого графъ Киселевъ окончательно покинулъ княжества, оставивъ дѣла управленія въ рукахъ туземныхъ князей.

Михаилъ Стурдза, безспорно, былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ людей въ своемъ отечествѣ; ему нельзя было отказать въ замѣчательныхъ административныхъ способностяхъ; но ему ставили въ упрекъ его чрезмѣрное корыстолюбіе и давленіе, которое онъ производилъ на магистратуру, чтобы выигрывать процессы, въ которыхъ правда не всегда была на его сторонѣ.

Александръ Гика далеко уступалъ Стурдзѣ административными способностями. Онъ мало занимался дѣлами, былъ очень спѣсивъ и высокомѣренъ и, потому не былъ способенъ примирить съ своею властію различныя политическія партіи, возбуждавшія волненіе въ Валахіи. Оттого-то, въ первые же годы его управленія возникли столкновенія между нимъ и общимъ собраніемъ, которое организовалось путемъ избранія и состояло бо́льшею частію изъ бояръ.

Эти столкновенія сдѣлались чрезвычайно серіозными въ началѣ 1842 года, когда общее собраніе, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, изложило, хотя и въ почтительныхъ выраженіяхъ, настоящій обвинительный актъ противъ управленія господаря. Съ этой минуты началась борьба между законодательнымъ собраніемъ и исполнительною властью, и можно было предвидѣть, что князь Гика не будетъ въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ власть. Жалобы, выраженныя общимъ собраніемъ, были большею частію вполнѣ основательны; но не менѣе того было несомнѣнно и то, что онѣ были высказаны не

столько для того, чтобы уничтожить невыносимыя злоупотребленія, сколько для того, чтобы поколебать положеніе господаря, такъ какъ было немало честолюбцевъ, надѣявшихся замѣнить его.

Мнѣ было приказано немедленно отправиться въ Бухарестъ для того, чтобы выразить князю Гикѣ неудовольствіе, которое онъ вызвалъ со стороны императорскаго кабинета своимъ двусмысленнымъ и самовольнымъ поведеніемъ, для того, чтобы убѣдить его въ необходимости строгой провѣрки взводимыхъ на его правительство обвиненій и наконецъ для того, чтобы настоять на удаленіи нѣкоторыхъ его министровъ, обвиняемыхъ въ самыхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ.

Я выѣхалъ въ Бухарестъ въ половинѣ Мая, предварительно сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для того, чтобы моя жена могла отправиться на минеральныя воды въ Германію въ сопровожденіи моей сестры Луизы и моего брата Карла; я самъ намѣревался отправиться туда, лишь только исполню въ Валахіи возложенное на меня порученіе. Въ это время Русскимъ консульствомъ въ Яссахъ управлялъ г-нъ Коцебу, а генеральнымъ консульствомъ въ Валахіи г-нъ Дашковъ.

Я остановился въ Яссахъ только на одинъ или на два дня, такъ какъ тамъ мнѣ нечего было дѣлать, и затѣмъ отправился прямо въ Бухарестъ. Бояре, въ особенности тѣ, которые полагали, что имѣютъ одинакое съ князьями Стурдзой и Гикой право на званіе господаря, имѣли въ Петербургѣ многочисленныхъ приверженцевъ, такъ что о цѣли моей миссіи въ Бухарестѣ знали еще до моего пріѣзда. Поэтому вожди различныхъ партій стали стараться склонять меня на свою сторону и внушать мнѣ такое же нерасположеніе къ князю Гикѣ, какое они сами къ нему питали. Поднялась непрерывная суматоха; меня стали осаждать посѣтители съ утра до вечера, и я тогда узналъ, какъ велика склонность бояръ къ интригамъ, какъ они горячо гоняются за должностями и какъ въ нихъ сильно честолюбіе. За немногими исключеніями, эти бояре не внушаютъ къ себѣ уваженія, и я долженъ сознаться, что въ Молдо-Валахіи хотя женщины и отличаются легкостью поведенія, но вообще выше мущинъ. Онѣ болѣе образованы, чѣмъ мущины, и у нихъ болѣе душевнаго благородства.

Напротивъ того, я былъ очень холодно принятъ княземъ Гикою и его приближенными: онъ понималъ, что императорскій кабинетъ склонялся на сторону его политическихъ противниковъ и что его поведеніе не вызывало у насъ ничего кромѣ порицанія.

Хотя князь Гика и былъ обязанъ Россіи своимъ положеніемъ, но съ самаго вступленія на престолъ завелъ интриги противъ державы-покровительницы и искалъ сближенія то съ Франціей, то съ Англіей. Генеральные консулы этихъ двухъ державъ г-нъ Биллькокъ

(Billecoq) и г-нъ Колькгунъ (Colquhoun), вмѣсто того, чтобы отклонять его предложенія, поспѣшили воспользоваться ими, такъ какъ преобладающее вліяніе ихъ Русскаго товарища низводило ихъ на второстепенную роль, и они были бы рады возникновенію такихъ событій, которыя могли поколебать это вліяніе и въ концѣ концовъ ослабить его. Князь Гика, воображавшій, что своими тайными происками онъ выказываетъ большую политическую ловкость, достигъ только того, что г-нъ Дашковъ перешелъ на сторону оппозиціи; понятно, что съ этого времени корреспонденція нашего генеральнаго консула съ императорскимъ министерствомъ отзывалась сильнымъ нерасположеніемъ къ господарю и совершенно охладила благосклонное до того времени расположеніе императорскаго кабинета. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Дашковъ старался выставить болѣе блестящія, чѣмъ солидныя достоинства вождя оппозиціи Бибеско и этимъ расчистить путь для его возведенія на престолъ. Когда я прибылъ въ Бухарестъ, борьба уже разгорѣлась до того, что всѣ мои старанія примирить господаря съ большинствомъ бояръ, очевидно, не могли имѣть успѣха, а умѣренные совѣты, съ которыми я обращался къ той и къ другой сторонѣ, оставлялись безъ вниманія. Поэтому я ограничился добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ настоящаго положенія дѣлъ и, возвратившись чрезъ два мѣсяца въ Петербургъ, сообщилъ императорскому министерству, что, по моему глубокому убѣжденію, такъ дѣла не могутъ идти въ Валахіи и что если князь Гика не согласится на добровольное отреченіе отъ престола, необходимо войти въ соглашеніе съ Портой о его низложеніи и затѣмъ приступить къ избранію новаго князя, согласно съ органическимъ статутомъ.

Мое мнѣніе было одобрено. Порта безъ всякихъ затрудненій согласилась издать фирманъ о низложеніи князя Гики, и Бибеско, какъ и слѣдовало ожидать, былъ выбранъ господаремъ Валахіи.

*

Немедленно по возвращеніи въ Петербургъ я испросилъ годовой отпускъ для того, чтобы отправиться заграницу къ женѣ и отдохнуть отъ всѣхъ понесенныхъ трудовъ. Это было въ половинѣ Августа. Я засталъ жену въ Дрезденѣ, и такъ какъ я страдалъ завалами въ печени, то мы прежде всего отправились въ Маріенбадъ, гдѣ я пользовался водами въ теченіе четырехъ недѣль. Оттуда я направился чрезъ Прагу въ Вѣну. Изъ Вѣны я проѣхалъ въ Италію. Побывавъ въ Венеціи, Падуѣ, Болоньѣ, Флоренціи и Римѣ, я поселился на зиму въ Неаполѣ, гдѣ пробылъ три мѣсяца. Это путешествіе по Италіи оставило мнѣ неизгладимыя воспоминанія; въ особенности видъ Рима, этого вѣчнаго города, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Въ первыхъ числахъ Марта 1843 мы отплыли на пароходѣ въ Марсель и прибыли туда благополучно послѣ непродолжительныхъ остановокъ въ Ливорнѣ и въ Генуѣ.

Изъ Марсели я отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, а затѣмъ въ Эмсъ, гдѣ моя жена должна была, по совѣту докторовъ, выдержать вторичный курсъ лѣченія. Хотя срокъ моего отпуска еще не истекъ, мнѣ хотѣлось скорѣе возвратиться домой, и я направился вмѣстѣ съ женой (моя сестра и мой братъ уѣхали нѣсколько недѣль ранѣе) черезъ Дрезденъ, Берлинъ и Кенигсбергъ въ Курляндію, гдѣ мы всѣ условились съѣхаться въ имѣніи моей двоюродной сестры, баронессы Вольфъ, Юнгфернгофѣ. Тамъ получили мы извѣстіе, что матушка едва не отравилась мышьякомъ, который былъ положенъ, вѣроятно съ намѣреніемъ, въ поданный ей за обѣдомъ супъ. Она и ея горничная серьозно занемогли и спаслись отъ опасности лишь благодаря своевременно оказанной помощи; но сестра моей матери, моя тетка Шрейтерфельдъ, жившая вмѣстѣ съ нею съ той минуты, какъ овдовѣла, и также поѣвшая этого супу, умерла черезъ нѣсколько часовъ или вслѣдствіе слабости сложенія или вслѣдствіе испуга, такъ что всѣ старанія сохранить ея жизнь оказались безуспѣшными. Это заставило насъ сократить время нашего пребыванія въ Курляндіи и немедленно возвратиться въ Петербургъ. Я былъ такъ счастливъ, что засталъ матушку на пути къ выздоровленію и затѣмъ не разставался съ нею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ этой минуты для меня какъ будто началась новая эпоха въ жизни. Наше семейство было въ то время въ полномъ сборѣ. Мой братъ Сергѣй, назначенный адъютантомъ къ Великому Князю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору, жилъ въ Петербургѣ со времени своего поступленія на службу. Мой братъ Карлъ женился вскорѣ послѣ того на внучкѣ княгини Ливенъ, дѣвицѣ Фитингофъ; а братъ Лудовикъ, вышедшій въ отставку изъ военной службы, также поселился въ Петербургѣ вмѣстѣ съ своей женой, урожденной Рахмановой; наконецъ, братъ Михаилъ, возвратившійся съ Каспійскаго моря, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ командовалъ крейсеромъ въ Астрабадскомъ заливѣ, былъ назначенъ командиромъ почтоваго парохода «Владиміръ» и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ ходилъ взадъ и впередъ между Кронштадтомъ и Штетиномъ. Мы всѣ жили неподалеку другъ отъ друга, а маленькая гостиная матушки служила для всего семейства центромъ соединенія. По Воскресеньямъ и по Четвергамъ всѣ обѣдали у нея, а вечера мы почти всегда проводили тамъ же, чтобъ составлять ей партію въ ералашъ. Трудно былобы найти другой семейный кружокъ, болѣе многочисленный и болѣе

дружный, и матушка могла въ теченіе болѣе пятнадцати лѣтъ наслаждаться тѣмъ, что всѣ ея дѣти были подлѣ нея. Только гораздо позже смерть стала сокращать нашъ кружокъ, и у меня сжимается сердце, когда я вспоминаю о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ, которые уже никогда не воротятся.

Я былъ причисленъ къ генеральному штабу, но не несъ никакихъ особыхъ обязанностей, и потому имѣлъ много свободнаго времени. Я воспользовался этимъ досугомъ, чтобъ заняться политической экономіей, къ которой всегда чувствовалъ сильное влеченіе. Въ ту пору я имѣлъ случай встрѣчаться съ министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ, единственнымъ настоящимъ министромъ финансовъ, какого никогда болѣе не имѣла Россія. Я хорошо знаю, что въ настоящее время вошло въ моду не отдавать справедливости графу Канкрину, потому что онъ никогда не пускался, очертя голову, въ примѣненіе теорій о свободѣ торговли; но чтобъ убѣдиться въ томъ, что его финансовая система была лучше системы его преемниковъ, достаточно сравнить, въ какомъ положеніи находились Русскіе финансы въ его время и въ какомъ они находятся теперь. При Канкринѣ промышленность и торговля процвѣтали, общественный кредитъ достигъ своего апогея, золото и серебро находились въ обращеніи на ряду съ банковыми билетами, которые можно было всегда размѣнять на звонкую монету; наконецъ, нашъ курсъ, при переводѣ денегъ за границу, постоянно стоялъ выше *пари*. Такъ какъ нѣтъ возможности отвергать очевидную истину и цвѣтущее положеніе, въ которомъ находилась въ ту пору Россія, то многіе пытались приписывать это цвѣтущее положеніе особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ, при которыхъ графъ Канкринъ управлялъ финансами Имперіи. Но это не болѣе какъ рискованное предположеніе, неосновательное ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Въ бытность графа Канкрина министромъ, Россія выдержала войну съ Персіей, войну 1828 и 1829 съ Турціей и, наконецъ, въ 1831 войну съ Польскими мятежниками. Сверхъ того, революція 1830 года принудила Россію выставить значительныя военныя силы и заняться приготовленіями къ войнѣ; въ томъ-же году у насъ была холера, причинившая полный застой въ дѣлахъ, и наконецъ, если не ошибаюсь, въ 1833 или въ 1834 году, у насъ былъ такой повсемѣстный неурожай, какой рѣдко случался въ Россіи.

Въ чемъ-же, спрашиваю я, заключались тѣ обстоятельства, которыя, какъ нѣкоторые легкомысленно утверждали, были особенно благопріятны для графа Канкрина, и не справедливѣе-ли приписать его здравымъ политико-экономическимъ принципамъ и его практическому уму то быстрое развитіе народнаго богатства, которое произошло

подъ его управленіемъ? Графа Канкрина можно основательно упрекать только въ томъ, что онъ замѣнилъ старыя ассигнаціи кредитными билетами и принялъ серебряный рубль за основную монетную единицу; но и эта ошибка не имѣла-бы важныхъ послѣдствій, еслибы государственный Совѣтъ не настоялъ, по предложенію князя Любецкаго, на выпускѣ рублевыхъ билетовъ и не принудилъ графа Канкрина дѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ наперекоръ его собственнымъ убѣжденіямъ,—такъ какъ графъ Канкринъ постоянно противился этой мѣрѣ, утверждая, что рублевые билеты вытѣснятъ изъ обращенія звонкую монету. Къ тому-же графъ Канкринъ всегда настаивалъ на бережливости, какъ на самомъ дѣйствительномъ способѣ ввести порядокъ въ финансахъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на чрезмѣрныя траты, которыя дѣлались императоромъ Николаемъ для военныхъ силъ Имперіи. Однажды онъ даже подалъ прошеніе объ увольненіи и взялъ его назадъ только послѣ того, какъ ему было дано обѣщаніе уменьшить военные кадры. А вслѣдствіе того, что расходы постоянно превышали доходы, Канкринъ говорилъ своимъ приближеннымъ: чтобы мы ни дѣлали, а Россія всегда останется .... банкротомъ.

Когда я говорилъ ему о торговомъ балансѣ, который всѣ стали съ нѣкотораго времени называть химерою, графъ Канкринъ отвѣчалъ: Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе, что золото и серебро такой-же товаръ, какъ и всякій другой продуктъ; но во всякомъ случаѣ это самый лучшій изъ всѣхъ товаровъ, потому что онъ всегда находитъ покупателей. А когда ему говорили, что чрезмѣрно высокія охранительныя пошлины поощряютъ контрабанду, онъ постоянно возражалъ: Повѣрьте мнѣ, что о размѣрахъ контрабанды всѣ составляютъ себѣ очень преувеличенное понятіе. Кто занимается у насъ всѣхъ болѣе контрабандою?....

Точно такъ-же, какъ Наполеонъ I, при всемъ своемъ геніи, не съумѣлъ оцѣнить примѣненіе пара къ мореплаванію, и Канкринъ не понялъ, какое важное значеніе должны были пріобрѣсти желѣзныя дороги. Онъ былъ явнымъ противникомъ желѣзныхъ дорогъ, и я нѣсколько разъ слышалъ отъ него, что желѣзныя дороги годны только для того, чтобъ уничтожать капиталы *(Kapitalien todt zu schlagen)*.

Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ былъ правъ, такъ какъ въ Европѣ и въ Америкѣ желѣзныя дороги поглотили много милліардовъ и тѣмъ нарушили пропорцію, которая должна существовать между неподвижными и оборотными капиталами націй. Для всякаго очевидно, что когда слишкомъ большая часть сбереженій, составляющихъ избытокъ продуктовъ надъ потребленіемъ, находитъ постоянное помѣщеніе, доставляемое желѣзными дорогами: то для денежныхъ оборотовъ, требуемыхъ

земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, уже нѣтъ достаточныхъ средствъ. Отсюда происходятъ безденежье и дороговизна денегъ, затрудненія въ сдѣлкахъ, и наконецъ, денежные и торговые кризисы, которые въ послѣднее время такъ часто разражались на биржахъ тѣхъ странъ, въ которыхъ кредитъ утвержденъ на самомъ прочномъ фундаментѣ.

Еслибы не были изобрѣтены желѣзныя дороги, экономическое положеніе, вѣроятно, было-бы болѣе удовлетворительно. Но съ той минуты, какъ начали строить желѣзныя дороги на континентѣ, Россія не могла оставаться внѣ общаго движенія, такъ какъ иначе могла бы очутиться въ очень невыгодномъ положеніи по сравненію съ своими сосѣдями, и проживи гр. Канкринъ долѣе, онъ, я въ томъувѣренъ, самъ призналъ-бы необходимость избороздить Россію желѣзными путями.

Сочиненіе Тенгоборскаго объ Австрійскихъ финансахъ внушило мнѣ намѣреніе написать такое-же сочиненіе о Русскихъ финансахъ. Я собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалы по этому предмету, какіе только былъ въ состояніи отыскать, и въ концѣ 1844 г. представилъ Императору, чрезъ военнаго министра, сравнительный обзоръ государственныхъ доходовъ во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи и въ Россіи.

Я знаю, что Императоръ, просмотрѣвъ мою записку, сказалъ князю Чернышову: Зачѣмъ Дюгамель берется за то, что̀ его не касается? Эти слова могли только охладить мое рвеніе къ труду. Вотъ такимъ-то образомъ императоръ Николай, вмѣсто того, чтобъ поощрять ученыя изслѣдованія, дѣйствовалъ—вслѣдствіе своего недовѣрчиваго и крутаго характера,—какъ гасильникъ просвѣщенія. Сколько благородныхъ стремленій были окончательно подавлены этимъ невыносимымъ формализмомъ, никому не дозволявшимъ выходить изъ сферы своей спеціальности, сколько талантовъ изсякли въ самомъ источникѣ, оттого что имъ не давали простора для развитія! И кто-же отъ этого болѣе всѣхъ пострадалъ, какъ не самъ императоръ Николай; ибо въ концѣ его царствованія, когда настали трудныя времена, онъ очутился въ одиночествѣ, не зная, на кого возложить свое довѣріе. Старые слуги государства мало-по-малу сошли со сцены, а чтобъ ихъ замѣнить, никого не подготовили.

Эта истина всего яснѣе обнаружилась въ томъ, что̀ касалось управленія финансами. Замѣнившій графа Канкрина, *Вронченко* былъ по крайней мѣрѣ такъ благоразуменъ, что не дѣлалъ никакихъ нововведеній и неуклонно шелъ по стопамъ своего предмѣстника. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его управленія правительственная машина дѣйствовала какъ слѣдуетъ. Разстройство нашихъ финансовъ

началось въ бытность министромъ г. *Брока*, а послѣ него *Княжевичъ* и *Рейтернъ* шли тѣмъ-же путемъ и сдѣлали это разстройство непоправимымъ. Нетрудно было бы указать нѣкоторыя изъ неблаговременныхъ мѣръ, которыя были приняты этими министрами, одна вслѣдъ за другою, и которыя лишь глубже раскопали пропасть, угрожающую поглотить достояніе государства; но этимъ мы опередили бы ходъ событій, и потому я намѣреваюсь возвратиться къ этому впослѣдствіи.

Что касается моей записки, то Вронченко, управлявшій въ ту пору Министерствомъ Финансовъ, доложилъ Императору, что она есть плодъ долгой и добросовѣстной работы и наполнена интересными данными; тогда Его Величество приказалъ изъявить мнѣ признательность за эту работу.

Въ концѣ 1845 г. я окончилъ другой трудъ, носившій заглавіе: *Исторія кредита и государственнаго долга въ Россіи*; этому мемуару я предпослалъ въ качествѣ эпиграфа слѣдующія слова, которыя я прочелъ въ одномъ изъ сочиненій Канкрина: *Für den Staatskredit, diese empfindliche alte Jungfer, muss mit Sorgfalt, jedoch ohne zu grosse Aengstlichkeit gesorgt werden.* (Съ государственнымъ кредитомъ, какъ съ сентиментальной старой дѣвой, слѣдуетъ обходиться осторожно, но безъ излишней робости). Тутъ были съ большой точностью описаны наши государственные долги въ эту эпоху; но съ тѣхъ поръ было сдѣлано столько внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ, что мой трудъ уже не имѣетъ другаго интереса, кромѣ историческаго.

Семь лѣтъ подвизавшись на дипломатическомъ поприщѣ, я считалъ себя въ правѣ искать посланническаго мѣста при одномъ изъ Европейскихъ дворовъ; но чтобъ подвигаться впередъ въ дипломатической карьерѣ нужна болѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ служебномъ поприщѣ, высокая протекція. Между тѣмъ оказался вакантнымъ постъ Русскаго посланника въ Стокгольмѣ, и я былъ помѣщенъ въ списокъ кандидатовъ; но Императоръ отдалъ предпочтеніе барону Крюднеру.

Убѣдившись, что графъ Нессельроде нерасположенъ горячо поддерживать мои служебные интересы и не желая играть жалкую роль просителя, я рѣшился подать прошеніе объ отставкѣ съ намѣреніемъ жить частнымъ человѣкомъ и заняться управленіемъ большаго помѣстья, принадлежавшаго моему тестю въ Подоліи. Но Императору не угодно было принять мою отставку, и онъ приказалъ передать мнѣ, что такъ какъ для меня имѣется въ виду болѣе высокій постъ, то я долженъ дождаться его и запастись терпѣніемъ.

Этимъ мѣстомъ моего назначенія, какъ я вскорѣ узналъ, была Восточная Сибирь, гдѣ я долженъ былъ замѣнить генерала Руперта въ званіи генералъ-губернатора. Многочисленныя жалобы, поступавшія

на генерала Руперта, вызвали командировку сенатора Толстаго съ порученіемъ обревизовать управленіе этой части Имперіи, и можно было предвидѣть, что генералъ Рупертъ будетъ отставленъ. Дѣйствительно такъ и случилось. Но и на этотъ разъ я обманулся въ моемъ ожиданіи и, несмотря на формальное обѣщаніе Императора, бывшій въ ту пору министромъ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій добился того, что на предназначенное мнѣ мѣсто былъ назначенъ одинъ изъ его любимцевъ, Тульскій губернаторъ Муравьевъ. Это было чѣмъ-то въ родѣ личнаго для меня оскорбленія, и я, безспорно, имѣлъ право на какое-нибудь вознагражденіе. Поэтому я и былъ назначенъ въ концѣ 1847 года въ свиту Его Величества.

Лѣтомъ того-же года я предпринялъ вмѣстѣ съ женой поѣздку во внутреннія губерніи. Сначала мы отправились въ Полтавскую губернію, въ Линовичи, къ дядѣ моей жены съ материнской стороны, графу Бальмену, съ цѣлію отвезти туда двухъ двоюродныхъ сестеръ моей жены, дѣвицъ Сиверсъ, жившихъ у насъ въ домѣ въ теченіе почти цѣлаго года. Старшая изъ нихъ, Катерина страдала грудью, и суровый Петербургскій климатъ былъ вреденъ для ея здоровья; поэтому мы поспѣшили отвезти ее въ Малороссію, гдѣ она жила до того времени.

Изъ Линовичей мы отправились въ Зозово, въ Кіевскую губернію, къ другому дядѣ моей жены съ отцовской стороны отставному генера-Платону Козловскому.....

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ СОБЫТІЙ 1861—1864 ГОДОВЪ.

Воспоминанія современника очевидца.

III *).

Левшинская полиція и политическія убійства.

Въ первой статьѣ моей «*Самоубійство генерала Герштенцвейга*», я сказалъ, что Варшавская полиція при Левшинѣ была деморализована въ высшей степени. Вотъ тому подтвержденія.

1) Въ началѣ Сентября 1863 года, генералы Шварцъ, Краснокутскій, Треповъ и Рожновъ собрались къ начальнику штаба генералу Минквицу и настаивали, чтобы онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе у графа Берга поставить въ мужскихъ монастыряхъ военный постой для многихъ причинъ, изъ которыхъ назову двѣ: а) чтобы пресѣчь заговорщикамъ возможность собираться у ксендзовъ, и б) чтобы не допустить сбора баррикадистовъ въ монастыряхъ, на случай вспышки мятежа въ самой Варшавѣ, такъ какъ предполагалось собрать въ кляшторахъ всю уличную сволочь и начать повсемѣстный во всѣхъ костелахъ звонъ. Кажется, этихъ двухъ причинъ достаточно было, чтобы всякій вѣрноподданный Русскій согласился на предложенную мѣру. Минквицъ ухватился за эту мысль и обѣщался изготовить докладъ намѣстнику. Оберъ-полицеймейстеръ ген.-м. Левъ Ираклiевичъ Левшинъ сидѣлъ на этомъ совѣщаніи съ недовольною миною и что-то ворчалъ. Выйдя отъ Минквица, онъ тотчасъ же направился къ военному начальнику Варшавскаго отдѣла барону Корфу, гдѣ засталъ Варшавскаго коменданта князя Бебутова, не отличавшагося, также какъ и Корфъ, особенно твердою волею, и умѣлъ склонить ихъ обоихъ на свою сторону. Всѣ трое поѣхали къ намѣстнику и просили не разрѣшать

*) См. Р. Архивъ 1885, книга 1-я, стр. 103 и 416.

военнаго постоя. Левшинъ доказывалъ, что занятіе монастырей войсками будетъ вторымъ актомъ насилія надъ костелами, якобы учиненнаго графомъ Ламбертомъ 3-го Октября 1861 года, и вызоветъ въ Европѣ новую бурю, притомъ-де ксендзы живутъ такъ тѣсно, что у нихъ рѣшительно негдѣ помѣстить ни одного солдата. Графъ Бергъ ничего не обѣщалъ до представленія доклада; а получивъ докладъ, послалъ фл.-ад. Михаила Николаевича Анненкова удостовѣриться, въ какой степени ксендзы живутъ тѣсно. Анненковъ представилъ подробную дизлокацію, поскольку ротъ или взводовъ можно помѣстить въ каждомъ монастырѣ. Графъ приказалъ занять монастыри войсками, согласно росписанію, составленному Анненковымъ.

— Впрочемъ, не торопитесь этимъ размѣщеніемъ, прибавилъ намѣстникъ, но постарайтесь все устроить къ концу этой недѣли.

Слова эти были горькою ироніею для Левшина и К°, потому что были произнесены въ Четвергъ; слѣдовательно все должно было окончиться черезъ день.

Военнымъ постоемъ были заняты монастыри: *Свѣнтокршижскій*, оба *Кармелитскіе* (на Краковскомъ Предмѣстьѣ и на Лѣшнѣ), *Бернардинскій* (въ которомъ схвачены четыре жандарма-вѣшателя), *Реформатскій*, *Капуцинскій*, *Августіанскій*, *Доминиканскій*, *Паулинскій и Францисканскій*. Въ нихъ войсками открыты подземные ходы: изъ Свѣнтокршижскаго монастыря въ домъ графа Замойскаго и на разныя улицы; въ одномъ изъ этихъ ходовъ, глубоко подъ землею, оказалось нѣсколько комнатъ темныхъ и сырыхъ, а за ними одна сухая и отлично меблированная, даже съ двойною кроватью подъ пологомъ. Вѣроятно тутъ бывали засѣданія «жонда». Отъ Капуциновъ шелъ подземный ходъ въ монастырь Фелиціанокъ; отъ Бернардиновъ въ разныя мѣста. Обо всѣхъ этихъ ходахъ Левшинская полиція *не знала*. Всѣ они заперты, и къ нимъ приставлены часовые. Въ Бернардинскомъ костелѣ, кромѣ четырехъ кинжалистовъ, найдено нѣсколько мѣшковъ съ особаго рода отравленными кинжалами. Это были зазубренныя стрѣлки, вершка въ три длиною. Убійца вонзалъ въ шею своей жертвѣ такую стрѣлку, поворачивалъ ее въ ранѣ и оставлялъ въ ней, а чтобы извлечь эту стрѣлку изъ шеи, нужно было рану въ четверо больше. Стрѣлки эти были въ артиллерійскомъ арсеналѣ обращены въ ломъ; но я успѣлъ спасти двѣ изъ нихъ, и одну, по приказанію графа Берга, намѣревался отправить въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», какъ доказательство варварства террористовъ. Для этого надобно было, чтобы оберъ-полицеймейстеръ удостовѣрилъ подлинность оружія и приложилъ къ нему печать; когда я отдалъ Левшину стрѣлку, то онъ *потерялъ* ее. Но другую стрѣлку я не выпу-

стилъ изъ рукъ и лично получилъ отъ Левшина требуемое удостовѣреніе. Стрѣлка эта вызвала въ послѣдствіи въ Европейской журналистикѣ цѣлую бурю изъ-за того, что газета «Opinion Nationale» перефразировала статью «Московскихъ Вѣдомостей» и заявила, будто эти стрѣлки употребляютъ Русскіе для убійства Поляковъ, чѣмъ будто бы «Московскія Вѣдомости», какъ «оффиціальная правительственная газета», и хвастается.

2) 13-го Сентября пойманъ въ Варшавѣ предводитель шайки *Янковскій*, при которомъ найдены бланки его *воеводскаго* званія, великое число разныхъ прокламацій, порохъ и т. п. Одинъ изъ плѣнныхъ мятежниковъ показалъ, что служилъ въ шайкѣ подъ начальствомъ этого самого Янковскаго. Полицеймейстеръ гвардейскій полковникъ *Россинскій* и коммиссаръ 1-го циркула *Дроздовичъ* сняли протоколъ съ Янковскаго; но Левшинъ передопросилъ его самъ и выхлопоталъ у графа Берга дозволеніе освободить его изъ-подъ ареста, на томъ будто бы основаніи, что у него былъ не порохъ, а *молотый цикорій* и что плакаты и прочія бумаги ему *неизвѣстно кѣмъ подброшены*. Левшинъ передалъ приказаніе графа Берга Россинскому; но тотъ самъ отправился къ намѣстнику, открылъ ему истину, и графъ приказалъ посадить въ Цитадель.... не Левшина, а Янковскаго! Честный Россинскій не могъ однакоже долго служить съ Левшинымъ и просилъ о возвращеніи его въ полкъ, что̀ Левшинъ и сдѣлалъ съ величайшею радостію.

3) На предмѣстьѣ Прагѣ, на станціи Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, былъ расположенъ Московскій гренадерскій полкъ. Офицеры нерѣдко собирались по вечерамъ въ вокзалѣ и танцовали съ своими полковыми и другими приглашаемыми изъ Русскихъ дамами, Левшину, «въ виду народнаго траура», это̀ не понравилось, и онъ просилъ барона Корфа о прекращеніи «этихъ неприличныхъ оргій». Къ счастію, Корфъ на этотъ разъ не только не согласился съ Левшинымъ, но, напротивъ, самъ сталъ появляться на этихъ вечерахъ и приглашать на нихъ другихъ.

4) Для усиленія полиціи графъ Бергъ прикомандировалъ къ ней, вопреки желанію Левшина, большое число лучшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи, расположенныхъ въ Варшавѣ. Когда эти офицеры представлялись Левшину, онъ убѣждалъ ихъ «имѣть сердце» и руководствоваться сердцемъ при исполненіи возлагаемыхъ на нихъ важныхъ обязанностей. Въ тоже время упорно держались слухи, будто онъ говорилъ ксендзамъ: «Господа! Я православный; но молитесь обо мнѣ, потому что я желаю вамъ добра и дѣлаю въ вашу пользу все, что̀ отъ меня зависитъ; повѣрьте, что еслибы моя воля,

то ни одинъ волосъ не упалъ бы съ вашей головы». (Вѣроятно бритыя головы ксендзовъ въ разсчетъ не принимались).

5) Въ числѣ прикомандированныхъ къ полиціи офицеровъ былъ поручикъ гвардейской артиллеріи *Владиміръ Васильевичъ Онопріенко*, прославившійся многими чрезвычайно важными открытіями и пріобрѣтшій тогда своими высоко-патріотическими и самоотверженными трудами большую извѣстность. 7-го Октября 1863 года онъ открылъ литографію «народоваго жонда», содержимую нѣкіимъ *Каэтаномъ Строичевскимъ*. Онопріенко настигъ при этомъ хозяина вмѣстѣ съ рабочими, захватилъ камни и налитографированные на нихъ разные бланки, циркуляры и распоряженія «Жонда», «начельника мяста», «начельника полиціи народовой», фальшивые паспорты и, самое главное, авизаціи и билеты недавно наложеннаго мятежниками на край насильственнаго займа въ сорокъ милліоновъ злотыхъ (6 мил. рубл. сер.). Всего захвачено болѣе 120 разнаго наименованія формъ, отпечатанныхъ и сложенныхъ въ кипы, или готовыхъ къ тисненію. Бумаги, относившіяся до займа, не успѣли еще выйти изъ литографіи и захвачены всѣ до одной. Свѣдавъ объ этомъ, Левшинъ страшно возмутился, захотѣлъ придать этому подвигу Онопріенки видъ *ночнаго дебоширства*, поѣхалъ къ графу Бергу и нажаловался, будто Онопріенко, «въ пьяномъ видѣ и съ пьяною компаніею», безъ всякаго разрѣшенія и безъ участія полиціи, совершилъ ночное нападеніе на домъ и всполошилъ весь кварталъ, за что и просилъ разрѣшенія посадить виновнаго *на три дня на гауптвахту*, съ отчисленіемъ отъ полиціи. Графъ Бергъ, предупрежденный уже Рожновымъ о важности открытія Онопріенки, приказалъ Левшину выдать ему въ награду 500 рублей и прислать его къ нему. Графъ лично благодарилъ Онопріенку и сказалъ, что дѣйствіе его считаетъ наравнѣ съ военными подвигами. Левшинъ однако приказалъ Онопріенкѣ *безъ приказанія не дѣлать самовольно обысковъ* по непосредственнымъ къ нему доносамъ. За открытіе литографіи Строичевскаго, Онопріенко былъ приговоренъ «жондомъ» къ смерти и 12-го Сентября едва не поплатился жизнію, но успѣлъ схватить и обезоружить преступника въ ту минуту, какъ тотъ обнажалъ кинжалъ. Преступникъ оказался ремесленный подмастерье *Ягошевскій*, который и разстрѣлянъ на Гржибовской площади 18-го Сентября. Свѣдѣнія о подвигахъ Онопріенки были своевременно и подробно публикованы мною въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ газетахъ, за что онъ и получилъ благодарственныя телеграммы: одну отъ чиновниковъ департамента полиціи исполнительной изъ Петербурга, другую отъ «Московскихъ дамъ», съ обѣщаніемъ вышить для него коверъ, и третью

отъ нѣкоторыхъ лицъ Московскаго духовенства, съ высылкою ему Св. Евангелія *).

6) Деморализація Левшинской полиціи дошла до того, что агенты ея, 6-го Октября 1863 года, сами подожгли въ Варшавѣ зданіе такъ-называемой Ратуши, въ которой помѣщаются квартира оберъ-полицеймейстера, управленіе его, магистратъ и другія присутственныя мѣста. Огонь показался въ 12-ть часовъ полудня въ магистратскомъ архивѣ, на третьемъ этажѣ главнаго корпуса; чрезъ двадцать минутъ потомъ вспыхнулъ полицейскій архивъ, помѣщавшійся въ отдѣльномъ зданіи на другомъ дворѣ. Здѣсь пожаръ былъ непродолжителенъ, и зданіе быстро сгорѣло; но пожаръ въ главномъ корпусѣ продолжался до поздней ночи. Сгорѣли весь третій этажъ и часть бель-этажа. Только незначительная часть магистратскихъ дѣлъ и преимущественно строительные акты сдѣлались жертвою пламени; всѣ же прочія дѣла, со всѣми расчетами и казначейскими книгами магистрата, спасены. Всѣ деньги казначейства и имущество Ломбарда равномѣрно не понесли никакой потери. Изъ полицейскаго архива также уцѣлѣла значительная часть дѣлъ. Мятежники думали, что, истребя магистратъ съ его расчетами, помѣшаютъ сбору контрибуціи; но они крѣпко ошиблись: попытка не удалась и, кромѣ того, они причинили величайшій вредъ своей «ойчизнѣ» тѣмъ, что истребили много памятниковъ древности, драгоцѣнныхъ и уже незамѣнимыхъ, какъ напримѣръ грамотъ и привиллегій, жалованныхъ королями за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ. Обгорѣлые куски пергамента, съ растопленными печатями, долго валялись въ грязи. Въ поджогѣ Ратуши оказались виновными маляръ *Владиславъ Внентовскій* и подмастерье бронзовыхъ дѣлъ *Яскульскій*, повѣшенные потомъ на гласисѣ цитадели 4-го Декабря. По ихъ показанію за поджогъ этотъ они получили отъ полицейскихъ чиновниковъ по 32 рубля сер. Эти два преступника были вмѣстѣ съ тѣмъ жандармами-кинжальщиками и участниками въ покушеніи на жизнь графа Берга, а Яскульскій даже начинялъ разрывнымъ составомъ Орсиніевскія бомбы. Подозрѣніе въ подкупѣ поджигателей Ратуши сильно падало, въ числѣ прочихъ, и на двухъ любимцевъ оберъ-полицеймейстера *Салерно* и *Стычаковскаго*, которыхъ графъ Бергъ приказалъ сослать въ отдаленныя Россійскія губерніи; но Левшинъ отстоялъ обоихъ: Стычаковскій остался въ управленіи оберъ-полицеймейстера, а Салерно былъ высланъ только въ Ригу,

*) Въ настоящее время полезная дѣятельность В. В. Онопріенки забыта и способности его пропадаютъ непроизводительно въ званіи начальника Варшавской пожарной команды.

откуда въ послѣдствіи Треповъ возвратилъ его и вмѣстѣ съ Стычаковскимъ опредѣлилъ въ свое управленіе. Объ этихъ двухъ пріятеляхъ Левшина придется говорить еще неоднократно. Они что хотѣли, то и дѣлали съ толстымъ, неуклюжимъ и ни къ чему неспособнымъ Левшинымъ и никогда не скрѣпляли тѣхъ приказовъ и циркуляровъ оберъ-полицеймейстера, которыми предписывались какія-нибудь стѣснительныя мѣры, вызываемыя военнымъ положеніемъ. О Левшинѣ сложилась между Русскими даже поговорка: «плоть бодра, а духъ немощенъ».

7) Въ домѣ графа Замойскаго, изъ котораго были брошены въ графа Берга бомбы, найдено 8-го Октября 1863 года, болѣе полутора пуда боевыхъ патроновъ къ револьверамъ системы Лефоше и игольчатыхъ къ ружьямъ большаго калибра. Патроны эти найдены войсками, занявшими домъ послѣ покушенія на жизнь графа Берга. Левшинская полиція ничего объ этомъ *не знала*.

8) Полиція также ничего *не знала* о томъ, что въ печахъ пострадавшаго отъ пожара *магистратскаго архива* находилось много разнаго оружія и пороху. Левшинъ поспѣшилъ заявить намѣстнику, будто бы это оружіе есть то, которое *два года назадъ* (въ 1861 году), было отобрано при общемъ обезоруженіи жителей города Варшавы, но, *по оплошности такихъ-то покойниковъ, не было сдано въ арсеналъ своевременно*. Искусныхъ истопниковъ имѣлъ Левшинъ, если они топили въ печахъ архива *два года* и ухитрились не сжечь оружія и не воспламенить пороха!

9) Одинъ изъ политическихъ преступниковъ сдѣлалъ, 16-го Октября 1863 года, очень важныя показанія: открылъ почти весь «жондъ народовый», указалъ типографіи подпольныхъ газетъ и т. п. Предсѣдатель слѣдственной коммиссіи въ Цитадели полковникъ *Тухолко* передалъ о томъ непосредственно графу Бергу, и вслѣдствіе этого произведены большіе аресты, между прочимъ членовъ «женскаго комитета». Въ числѣ арестованныхъ оказались всѣ тѣ лица, которыя находились уже подъ военнымъ судомъ въ 1861 и 1862 годахъ, были въ ссылкѣ и прощены графомъ Лидерсомъ и Сухозанетомъ. По тому же показанію, нѣкоторые революціонные памфлеты печатались въ типографіи «Газеты Польской» (Gazeta Polska) въ Варшавѣ и—о скандалъ! *въ типографіи «Полицейской Газеты»!!*.... Архивъ «жонда» находился въ *архивѣ Варшавскаго Губернскаго Правленія*. Послѣдняя тайная типографія, по тому же указанію, была захвачена полицеймейстеромъ гвардіи полковникомъ *Косинскимъ*, вмѣстѣ съ семью типографщиками и чрезвычайно важными документами. Изъ переписки, при этомъ найденной видно, что типографія помѣщалась предъ тѣмъ въ монастырѣ Фелиціанокъ, въ комнатѣ гувернантки *Теклы Тра-*

хановской; но, наканунѣ ревизіи у нея въ кельѣ, была вынесена на мѣсто сдѣланнаго открытія. Трахановская уже тогда судилась военнымъ судомъ за то, что указывала кинжальщикамъ тѣхъ лицъ, которыхъ нужно было убить. Изъ списка приговоренныхъ къ смерти, найденнаго у нея, тринадцать человѣкъ оказались уже убитыми. Она приговорена въ каторгу на пятнадцать лѣтъ. Левшинская полиція ни о чемъ этомъ *не знала*. И все осталось бы шито и крыто, если-бы Тухолко обратился прямо въ полицію.

10) Неспособность Левшина,—чтобъ не сказать болѣе—и злорадство его Польскихъ пріятелей выражались даже въ редактированіи его «Варшавской Полицейской Газеты». По рукамъ долго ходилъ № 257 этой газеты, въ которомъ планъ расположенія статей былъ слѣдующій:

а) Постановленіе Совѣта Управленія Царства Польскаго.
б) Объявленіе *о заблудившемся поросенкѣ* (sic!)
в) Всеподданнѣйшій адресъ Тобольскаго городскаго общества.
г) О выѣхавшихъ изъ Варшавы.
д) Распоряженія намѣстника Царства.
е) Военныя извѣстія... и т. д. до *сбѣжавшей коровы*.

Объявленіе *о поросенкѣ* помѣщено подъ рубрикою: «*часть оффиціальная*». Одинъ экземпляръ этого номера я своевременно отправилъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей».

11) По требованію того-же полковника Тухолки, 22 Января 1864 г., арестованъ владѣлецъ уксусной фабрики *Генрихъ Эккертъ*, жившій на Электоральной улицѣ. При обыскѣ квартиры его обратила на себя вниманіе одна каменная стѣна со слѣдами недавней побѣлки; при постукиваніи она издавала глухой гулъ. Когда ее разбили, найденъ нишъ, въ которомъ было скрыто: 10 адскихъ машинъ, одна Орсиніевская бомба, 12 отравленныхъ кинжаловъ большаго размѣра, три заряженные револьвера, патронныя сумы, большое число разныхъ боевыхъ патроновъ и капсюлей, множество разныхъ документовъ и бумагъ революціоннаго содержанія. Кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ дома отысканы порохъ, мятежническіе мундиры и т. п. Левшинская полиція ничего объ этомъ *не знала*. Домъ Эккерта конфискованъ. Старикъ-хозяинъ едва-ли зналъ о храненіи въ домѣ его оружія; но оно принадлежало сыну его, находившемуся тогда въ шайкѣ мятежниковъ. Эккертъ, при первой женѣ, былъ уважаемъ и любимъ всѣми. Потомъ онъ женился на кухаркѣ-католичкѣ и прижилъ съ нею золото-сынка, который и погубилъ отца. Ксендзы начали дѣйствовать на эксъ-кухарку, увѣряя ее, что она погубила душу выходомъ въ замужество за лютеранина; они настояли, чтобы сынъ ея былъ крещенъ въ католичество и въ послѣднее время склонили и мать, и сына помогать

«народовому жонду», безъ чего, по словамъ ксендзовъ, спасеніе души было немыслимо. Такимъ образомъ, все что́ пріобрѣлъ старикъ тяжкими трудами цѣлой жизни погибло въ одинъ день, по милости супруги-кухарки и сына-вѣшателя. Сей послѣдній схваченъ 2 Іюля 1864 года въ Сѣдлецкомъ уѣздѣ, у помѣщика *Новаковскаго*, самимъ участковымъ военнымъ начальникомъ, при чемъ Эккертъ сильно сопротивлялся и нанесъ военному начальнику три раны ножемъ. Убійца обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что былъ, въ крестьянской одеждѣ, на именинахъ у Новаковскаго, въ компаніи *графовъ Езерскаго, Залусскаго* и другихъ знатныхъ особъ уѣзда. На слѣдствіи выяснено, что Эккертъ былъ извѣстный Варшавскій кинжальщикъ, зарѣзавшій собственноручно, для практики, двухъ человѣкъ и бросавшій въ графа Берга бомбы, вмѣстѣ съ повѣшенными: *Красунскимъ, Вжентовскимъ* и *Яскульскимъ* и помилованными *Ляндовскимъ* и *Шмидтомъ*. Графъ Бергъ даровалъ жизнь и Эккерту, замѣнивъ смерть каторгою. Помѣщики *Новаковскій* и *Вернеръ*, за укрывательство у себя долгое время Эккерта, сосланы на жительство въ отдаленныя губерніи Имперіи.

12) Въ квартирѣ трехъ сестеръ: дѣвицъ, *Юліи, Варвары* и *Эмиліи Гузовскихъ*, въ Варшавѣ, во время генералъ-полицеймейстерства Трепова, 18 Марта 1864 года, найденъ весь послѣдній архивъ «жонда»: газеты, денежныя книги, громадная корреспонденція такъ называемыхъ «департаментовъ», «финансовъ», «военнаго», «внутреннихъ дѣлъ», «иностранныхъ дѣлъ», «полиціи и прессы», «статсъ-секретаріата Царства Польскаго», «статсъ-секретаріата Руси», цѣлыя горы прокламацій, распоряженій, бланковъ и бумаги съ водяными знаками «народоваго жонда», 928 облигацій отъ «жонда» на насильственный заемъ въ 2 милліона рублей; 297 топографическихъ картъ разныхъ уѣздовъ, пять печатей съ разными надписями, совершенно свѣжая краска, приготовленная для оттиска этихъ печатей—и, наконецъ, разныя квитанціи и отчеты въ расходѣ различнаго наименованія денежныхъ суммъ. Это было открытіемъ первостепенной важности, равнымъ открытію поручикомъ Онопріенкомъ литографіи Строичевскаго. Складъ этотъ существовалъ у Гузовскихъ болѣе года; но Левшинская полиція ничего о немъ *не знала*, и при ней немыслимо было-бы подобное открытіе.

13) Вся полиція въ Варшавѣ только и держалась офицерами и солдатами, прикомандированными къ ней изъ войскъ гвардіи; собственно-же полицейскіе чины не только не приносили ни малѣйшей пользы дѣлу, но нерѣдко оказывались даже вредными. Имѣя въ виду прекрасное содержаніе, молодежъ кидалась въ штатъ полиціи и потомъ кутила, играла въ карты и развратничала. Въ Іюнѣ 1864 г. арестованъ и преданъ военному суду поручикъ мѣстной полиціи *Ощепальскій*

(католикъ), уличенный нѣкоторыми уличными убійцами въ измѣнѣ. Изъ нихъ Армянинъ *Байндуровъ*, продававшій убійцамъ кинжалы и мѣщанинъ *Бернацкій*, убившій въ Вилановѣ жандармскаго унтеръ-офицера *Покоса*, уличили Ощепальскаго въ глаза и заставили сознаться, что онъ всегда предупреждалъ ихъ о предстоявшихъ обыскахъ и обо всякихъ секретныхъ мѣрахъ полиціи. Но самымъ важнымъ открытіемъ въ Варшавѣ правительство обязано гвардейцамъ. Многіе изъ простыхъ солдатъ обладали удивительною зоркостію и были физіономистами, чуть не ясновидящими. Такъ напримѣръ, изъ двухъ идущихъ рядомъ молодыхъ людей, которые не даютъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, солдатъ задерживаетъ одного, и всегда удачно: непремѣнно при немъ что-нибудь да отыщется. 22 Января 1864 г. чиновникъ министерства путей сообщенія *Лавцевичъ*, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ порядочный, шелъ по улицѣ днемъ, какъ ходятъ тысячи человѣкъ, ничѣмъ особеннымъ не отличаясь, чтобъ обратить на себя вниманіе полиціи. Никто его не разыскивалъ. Сотни часовыхъ миновалъ онъ ежедневно, и никто не имѣлъ ни малѣйшаго повода его останавливать. Вдругъ солдатикъ—и на видъ-то невзрачный—ни съ того, ни съ сего, движимый однимъ инстинктомъ, остановилъ его вопросомъ: Куда, панъ, идешь?—Въ канцелярію.—А это что у тебя за пазухою? И съ этимъ схватилъ его за рукавъ. Солдатъ самъ потомъ сознался, что за пазухою онъ ничего не замѣтилъ и спросилъ только наугадъ, «испужается онъ или нѣтъ?» Лавцевичъ дѣйствительно «испужался» и бросился бѣжать, но ушелъ недалеко. Онъ оказался весьма важнымъ государственнымъ преступникомъ; при немъ и въ квартирѣ его найдены чрезвычайно важныя бумаги, которыя повели къ раскрытію всей революціонной организаціи послѣдняго времени. Точно также шелъ по улицѣ сынъ декана Варшавскаго университета студентъ *Дуткевичъ;* солдатъ остановилъ его, и онъ оказался революціоннымъ коммисаромъ города Варшавы, съ номинаціею (патентомъ) на это званіе въ карманѣ. Далѣе, солдатъ арестовалъ ученика *Лукашевича*, чрезъ котораго открыты «начельникъ мяста» *Богуславскій* и сынъ его «статсъ-секретарь крулевства». Солдатъ замѣтилъ въ домѣ Эккерта новую стѣну, за которою хранились адскія машины. Солдатъ замѣтилъ оружіе въ колодцѣ дома Истомина, набросанное туда со страху преслѣдуемыми убійцами. Солдатъ задержалъ ѣхавшаго на извозчикѣ студента *Новицкаго*, при которомъ также найденъ патентъ на званіе революціоннаго коммиссара города Варшавы. Поводу къ арестованію Новицкаго также не было никакого; но солдатъ, провожая его въ участокъ, смотрѣлъ за нимъ въ оба, такъ что Новицкій не успѣлъ выбросить свой патентъ. Въ участкѣ Новицкаго раздѣли до нага и ничего не нашли;

но поймщикъ не зѣвалъ:—Теперь посмотрите ту бумажку, на которую панъ наступилъ, выбросивши изъ кармана, сказалъ рядовой. Бумажка оказалась упомянутымъ патентомъ.

Между тѣмъ, Левшинъ имѣлъ въ своемъ полицейскомъ управленіи сначала не мало прекрасныхъ людей; но онъ пренебрегалъ ими и предоставилъ «народовому жонду» всѣхъ ихъ перерѣзать, какъ будетъ подробно разсказано ниже. Остался однако одинъ—слѣдственный приставъ *Сущинскій*. Это замѣчательная личность. «Жондъ» въ одномъ изъ подпольныхъ листковъ даже сопоставилъ его имя съ именемъ графа Берга, говоря, что «въ Варшавѣ свирѣпствуютъ два представителя Царя: *Сущинскій и Бергъ*». Удивительно, какъ онъ давно уже не палъ подъ кинжаломъ. Сущинскій много насолилъ «жонду», также какъ и Оноприенко, и много выловилъ его членовъ. Имя Сущинскаго было страшно для злодѣевъ: на допросахъ они высказывали ему всю подноготную. Чѣмъ болѣе свирѣпствовалъ терроръ, тѣмъ былъ неумолимѣе для убійцъ несокрушимый духомъ и мужественный Сущинскій. Между тѣмъ онъ все время былъ *заброшенъ*, и Левшинъ держалъ его *въ черномъ тѣлѣ*. Мѣстное правительство и не знало истиннаго своего друга, честнаго и безкорыстнаго труженика, дѣятельно помогавшаго графу Бергу достигнуть миротворной цѣли. Въ концѣ концовъ Польская интрига, съ Левшинымъ во главѣ, восторжествовала и заставила само правительство наказать Сущинскаго за вѣрность ему: въ Декабрѣ 1863 года генералъ *Краснокутскій* привлекъ его къ дѣлу одной авантюристки *Леонтины Шимовой* и посадилъ въ Цитадель.

14) Лучшими уличителями Левшинской полиціи въ бездѣйствіи власти, и даже въ измѣнѣ, могутъ служить акты слѣдственной коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ полковника, а потомъ генералъ-маіора *Тухолки*. Какія громадныя открытія сдѣлалъ этотъ человѣкъ великаго ума и образованія, въ теченіи второй половины 1863 и всего 1864 годовъ! Онъ раскрылъ всю подноготную «народоваго жонда», обнаружилъ всѣхъ до одного членовъ революціонной организаціи, всѣхъ кинжальщиковъ, всѣ козни и помышленія. Кроткимъ обхожденіемъ съ арестованными и силою убѣжденія онъ доводилъ ихъ до полнаго раскаянія и указанія скрывавшихся преступниковъ. Полиція едва успѣвала арестовывать тѣхъ, на кого указывалъ Тухолко, и его неутомимой, благородной, истинно-русской дѣятельности, край обязанъ умиротвореніемъ. Тухолко указалъ полиціи на послѣдняго «начельника мяста Варшавы», студента одного изъ Русскихъ университетовъ *Вашковскаго*, который и арестованъ 10 Декабря 1864 года. Преступникъ сознался въ разныхъ злодѣяніяхъ и между прочимъ въ томъ, что собственноручно выносилъ изъ казначейства Земскаго Кре-

дитнаго Общества украденные 31 милліонъ злотыхъ (4.650,000 рубл.). Онъ повѣшенъ на гласисѣ Цитадели 5 Февраля 1865 года.

15) Января 5 дня 1864 г. графъ Бергъ принималъ представленную Левшинымъ «городскую депутацію» со всеподданнѣйшимъ адресомъ «отъ жителей города Варшавы». Со стороны Левшина вся эта комедія была продѣлана такъ глупо и неумѣло, а можетъ быть и нарочно, что возмущала всякаго Русскаго человѣка. Изъ 200 тысячъ жителей Варшавы адресъ не подписали и 10%. Подписи собирались по участкамъ (циркуламъ), куда сгоняли для этого всякую сволочь. Изъ значительныхъ обывателей и купцовъ никто не подписался. Депутація, представленная Левшинымъ въ замокъ, состояла изъ нѣсколькихъ нечесаныхъ и немытыхъ Жидюгъ и торговцевъ съ лотковъ, и эту сволочь, согнанную съ улицъ, Левшину угодно было назвать «Варшавскимъ купечествомъ». Русскіе съ негодованіемъ спрашивали его, почему онъ не пріодѣлъ и не выполоскалъ хоть въ ринштокѣ этихъ «купцовъ?» Графъ Бергъ показалъ видъ, будто вѣритъ въ эту глупѣйшую комедію и произнесъ къ депутаціи рѣчь. Ему хотѣлось только, чтобы адресъ скорѣе напечатали въ «Варшавскомъ Дневникѣ».

Вслѣдъ за этимъ Левшинъ былъ смѣненъ, и генералъ-полицеймейстеръ края *Треповъ* вызвалъ на его мѣсто командира Кіевскаго гарнизоннаго баталіона полковника *барона Фредерикса*. Левшину однако оставлено 6 т. рубл. годоваго содержанія. Польскіе полицейскіе чиновники, въ знакъ благодарности за сочувствіе его Польской «справѣ», поднесли ему серебряный вызолоченный кубокъ, которымъ онъ похвасталъ предъ намѣстникомъ. Затѣмъ онъ далъ Полякамъ обѣдъ. Въ послѣдствіи Полякамъ стало жаль большаго расхода на кубокъ, и они вознамѣрились было сдѣлать на этотъ кубокъ вычетъ изъ жалованья *Русскихъ* полицейскихъ чиновниковъ; но тѣ сильно этому воспротивились, тѣмъ болѣе, что Поляки только свои имена вырѣзали на кубкѣ.

Приступаю къ самой трудной задачѣ—описанію политическихъ убійствъ, совершенныхъ въ Варшавѣ, при участіи или вслѣдствіе преступнаго бездѣйствія Левшинской полиціи.

Начну хоть съ убійства *Вихерта*.

1. Чиновникъ *Вихертъ*, жившій на Свѣнтокршижской улицѣ, былъ приговоренъ къ смерти «жондомъ народовымъ» за то, что, при содѣйствіи сестры своей, арестовалъ и передалъ въ руки полиціи одного изъ сборщиковъ податей на «народовую справу». Исполнителями приговора, по собственному сознанію, оказались: жившій въ одномъ домѣ

съ Вихертомъ сапожникъ *Бахлинскій*, подмастерье его *Голембіовскій*, *Янковскій* и два брата *Новицкіе;* пекарный подмастерье *Коханскій* и два полицейскіе дозорцы *Островскій* и *Новицкій*. Въ заговорѣ участвовали также жена Бахлинскаго, дворникъ *Качинскій* и двѣ служанки Вихерта *Яськевичъ* и *Бринеровичъ;* всего 12 человѣкъ. Изъ нихъ бѣжали изъ Варшавы: одинъ Новицкій, Коханскій и оба полиціанта Островскій и Новицкій. Въ Іюлѣ 1863 г., шайка эта ворвалась въ квартиру Вихерта и убила его самаго, сестру его, служанку и даже собаку, которая защищала своего господина. Убійство совершено поразительно звѣрскимъ образомъ; убійца какъ будто находилъ особенное наслажденіе мучить жертву: вонзивъ ножъ, онъ вертѣлъ имъ во всѣ стороны и расширялъ рану на столько, что въ нее могла войти рука. Такихъ ранъ найдено на Вихертѣ 9, на сестрѣ его 17 и на служанкѣ 11; собака, съ распоротымъ брюхомъ и выпущеными кишками, отползла отъ кровати своего господина подъ стулъ и тамъ издохла. Въ Августѣ мѣсяцѣ повѣшены на гласисѣ Цитадели: Бахлинскій, Голембіовскій и Янковскій, а въ Сентябрѣ и Коханскій, который оказался *Матвѣемъ Вильчинскимъ*, выходцемъ изъ Галиціи. Онъ былъ въ бандахъ, попался въ плѣнъ, бѣжалъ и поступилъ въ жандармы-вѣшатели. При немъ найденъ особой конструкціи отравленный ножъ, которымъ онъ совершалъ убійства. Замѣчательно, что какъ Бахлинскій, такъ и Вельчинскій по неумѣлости палача, мучились въ петлѣ— первый 16, а второй 14 минутъ. Это произошло отъ того, что «жондъ народовый» запретилъ палачамъ, подъ страхомъ смерти, употреблять для вѣшанія веревку съ кольцемъ, которая хотя и причиняла смерть мгновенную, но служила арканомъ для ловли собакъ на улицахъ. Палачи начали употреблять веревки новыя, которыя невсегда могли плотно затягиваться на шеѣ преступника. Прочіе соучастники убійствъ въ квартирѣ Вихерта наказаны ссылкою, а четверо бѣжавшихъ не отысканы.

2. Въ началѣ Августа тогоже 1863 г., ранены кинжалами: циркуловый коммиссаръ *Дроздовичъ* и чиновникъ полицейскаго управленія *Рихтеръ*. Убійцъ Левшинская полиція схватить *не успѣла* и отыскать потомъ *не умѣла*.

3. Въ томъ же мѣсяцѣ убиты чиновники управленія оберъ-полицеймейстера: *Скавронскій* и *Босакевичъ* и дозорцы *Бялый* и *Бляу*. Изъ убійцъ схваченъ только убійца Босакевича, типографскій ученикъ *Вагнеръ*, который и повѣшенъ на гласисѣ Цитадели 5 Сентября.

4. Въ концѣ Августа тогоже года, на Маршалко́вской улицѣ, въ 6 часовъ по полудни, раненъ ударомъ кинжала въ спину, ниже лопатки, старшій врачъ 3 гвардейской артиллерійской бригады, докторъ

медицины *Мессершмидтъ*. Убійца неизвѣстенъ. Г. Мессершмидтъ раненъ, по поговоркѣ, «ни за што, ни про-што, такъ, за здорово-живешь». Онъ ничего не дѣлалъ дурнаго Полякамъ и не принималъ въ дѣлахъ ихъ ни малѣйшаго участія; убитъ по ошибкѣ кинжальщиковъ, а такихъ ошибокъ съ ихъ стороны было много.

5. Графъ Бергъ сдѣлалъ строгое распоряженіе чтобы во всей Варшавѣ, на всѣхъ улицахъ, во всякое время дня и ночи, ворота домовъ были заперты на замки, чтобы дворники находились у воротъ безотлучно и проходные дворы были совсѣмъ закрыты. Распоряженіе это поразило «жондъ» въ самое сердце, потому что пресѣкало возможность уличнымъ убійцамъ скрываться отъ преслѣдованія. «Жондъ» постановилъ отыскать составителя этого проекта и казнить его смертію. Проектъ былъ составленъ начальникомъ отдѣленія въ управленіи оберъ-полицеймейстера *Мирзою - Туганъ - Барановскимъ* (изъ Татаръ Августовской губерніи). Это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и преданнѣйшихъ правительству людей. Левшинъ не любилъ этого человѣка, именно за умъ его и вѣрность. Любимцы Левшина, Салерно и Стычаковскій, разумѣется, и подавно дышали злобою къ Барановскому. Жизнь его постоянно была въ опасности; онъ получалъ много угрожающихъ писемъ съ изображеніемъ висѣлицы и началъ серьезно побаиваться за свою жизнь, послѣ убійства начальниковъ сыскной полиціи *Фельжнера* и *Ратайскаго*. Барановскій жилъ въ цирку́лѣ извѣстнаго двуличностью циркуло́ваго коммисара *Скульскаго* (третьяго любимца Левшина) и постоянно просилъ у него казенной квартиры, хотя бы въ архивѣ, изъ одной комнаты, не смотря на то, что имѣлъ восьмерыхъ дѣтей, или же чтобы у его квартиры былъ учрежденъ полицейскій постъ. Левшинъ отказывалъ ему въ первой просьбѣ рѣшительно, а вторую откладывалъ до преобразованія полиціи; между тѣмъ, любимцевъ своихъ Салерно и Стычаковскаго онъ помѣстилъ незаконно въ зданіяхъ, занимаемыхъ полицейскими циркулами, и далъ имъ великолѣпныя квартиры. Барановскій, узнавъ о новой угрозѣ подземныхъ разбойниковъ, просилъ Левшина, чтобы проектъ его руки былъ ему возвращенъ; но Левшинъ не могъ его найти, потому что отдалъ по обыкновенію Стычаковскому и Салерно, а у тѣхъ онъ *закинулся куда-то*. 1 Сентября какой-то незнакомецъ-доброжелатель предостерегъ Барановскаго, что этимъ проектомъ онъ подписалъ себѣ смертный приговоръ. Вечеромъ Барановскій, въ кругу друзей своихъ, очень безпокоился на счетъ этого проекта и выразилъ опасеніе, что Стычаковскій и Салерно вѣроятно уже передали его «народо́вому жонду». На другой день, утромъ, какой-то подмастерье бросился за нимъ съ кинжаломъ въ отхожее мѣсто, но Барановскій захлопнулъ

дверь изнутри и погрозилъ убійцѣ револьверомъ. Незнакомецъ, увидя въ замочную скважину револьверъ, убѣжалъ. Барановскій отправился къ Левшину, опять просилъ о квартирѣ и о полиціантѣ, и въ сотый разъ получилъ отказъ. Къ вечеру однако, по настоянію генерала Рожнова, Левшинъ прислалъ къ нему одного изъ вновь назначенныхъ въ помощь полиціи солдатъ, человѣка неопытнаго и нерасторопнаго. Въ 7 часовъ вечера, того же 2 Сентября, прошелъ къ Барановскому какой-то полиціантъ, а съ нимъ еще человѣкъ пять-шесть. Солдатъ ни слова не сказалъ имъ и продолжалъ стоять въ воротахъ. Услыхавъ надъ головою своею, въ квартирѣ Барановскаго, шумъ и крикъ, часовой пошелъ дать знать объ этомъ въ циркулъ. Такъ было ему приказано. Когда изъ циркула пришли, то въ квартирѣ никого уже не застали, но нашли убитаго Барановскаго, съ собственноручнымъ проектомъ его на груди и израненныхъ жену его и 17-лѣтнюю дочь.

Дѣло было вотъ какъ. Полицейскій дозорца *Яросинскій* вошелъ къ Барановскому и вышедшей на встрѣчу женѣ его сказалъ, что присланъ отъ оберъ-полицеймейстера. Г-жа Барановская, хорошо знавшая Яросинскаго, пошла къ мужу въ кабинетъ звать его. Мужъ не хотѣлъ выходить; но жена начала уговаривать, чтобы онъ ничего не боялся, потому что пришелъ тотъ дозорца, который приходитъ къ нимъ постоянно. Несчастный вышелъ. Яросинскій, подавая ему бумагу, сказалъ: «проектъ и награда за него» — и въ тотъ же моментъ вонзилъ ему въ сердце кинжалъ по самую рукоятку. Жена и дочь бросились на помощь; но злодѣй, выхвативъ изъ ноженъ саблю, рубнулъ по головѣ одну и другую и спокойно вышелъ; товарищи ожидали его въ корридорѣ — и всѣ ушли безпрепятственно. Барановскій упалъ безъ крика и стона и въ туже минуту умеръ. Жену цѣлыя сутки нельзя было привести въ чувство; придя въ себя на мгновеніе, она тотчасъ же снова лишалась чувствъ при вспоминаніи о катастрофѣ. Она до безумія любила мужа, и когда узнала, что ему грозитъ опасность, то слѣдила за нимъ тайно до канцеляріи и обратно. Надобно же было случиться, что сама она вызвала его изъ кабинета на вѣрную смерть. Эта одна мысль убивала ее, и многіе сомнѣвались, чтобы она пережила это. Раны у матери на головѣ, а у дочери на срединѣ лба, видны и до сихъ поръ, по истеченіи почти двухъ лѣтъ. — Оберъ-полицеймейстеръ, донося объ этомъ убійствѣ графу Бергу, отъ 3 (15) Сентября № 79866, присовокупилъ, что оно совершено «неизвѣстнымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ полицейское платье, и что если убійцею былъ дѣйствительно полиціантъ Яросинскій, то онъ *уже есть отставной*».

Это, какъ видно изъ предыдущаго, уже *седьмая жертва* изъ подчиненныхъ Левшина. Между тѣмъ, Левшинъ не представлялъ къ наградамъ ни пострадавшихъ за вѣрность правительству чиновниковъ, ни осиротѣлыхъ семействъ, оставшихся послѣ убитыхъ отцовъ ихъ; но выхлопатывалъ награды орденами и деньгами любимцамъ своимъ, поименованнымъ выше, а самъ удостоился получить 30 Августа Станислава 1-й степени.

4 Сентября, въ 4 ч. по полудни, совершено погребеніе несчастнаго *Мирзы-Тулань-Барановскаго*, съ надлежащими почестями. Графъ Бергъ строго приказалъ Левшину, чтобы почести эти были непремѣнно отданы покойному. Всѣ чиновники полиціи и магистрата сопровождали гробъ. Мы всѣ Русскіе хотѣли также быть на погребеніи, чтобы почтить память этого достойнаго человѣка; но оберъ-полицеймейстеръ и тутъ выкинулъ каверзу: распустилъ слухъ, что погребеніе назначено въ Четвергъ, распорядился похоронить покойнаго днемъ раньше, въ Среду, и потому на погребеніе попали только тѣ, которые случайно увидали погребальный ходъ и примкнули къ нему. Неудовольствіе за это на Левшина было всеобщее. По принятому имъ обычаю, онъ, изъ боязни «жонда народоваго», никогда не объявлялъ ни въ «Полицейской Газетѣ», ни листками на углахъ домовъ о днѣ погребенія жертвъ уличнаго разбоя. «Варшавскій Курьеръ», объявлявшій о смерти и часѣ погребенія каждаго сапожника, еще менѣе осмѣливался объявлять о жертвахъ террора. Такимъ образомъ никто никогда не зналъ о времени погребенія этихъ жертвъ: ихъ вывозили какъ самоубійцъ, на разсвѣтѣ, подъ надзоромъ полиціи, тайно, и хоронили, не оставляя никакихъ знакокъ на могилѣ. Ни одинъ ксендзъ не хотѣлъ хоронить этихъ несчастныхъ; а если заставляли ксендза, по наряду, сопровождать тѣло, то онъ гдѣ-то впереди бѣжалъ украдкою, тщательно кутаясь въ широкій плащъ. Такъ похоронили зарѣзанныхъ: *Минишевскаго*, извѣстнаго Польскаго писателя; такъ похоронили *Вихертовъ*, чиновниковъ *Фелькнера*, *Ратайскаго*, *Босакевича*, дозорцевъ *Бѣляго* и *Бляу* и множество другихъ; только *Сковронскаго* и *Барановскаго* похоронили какъ слѣдуетъ, и то потому только, что графъ Бергъ приказалъ, хотя также безъ объявленій. Раздирающая душу картина представлялась на кладбищѣ, когда опустили тѣло Барановскаго въ могилу. Семеро сиротъ малъ-мала меньше (мать и старшая дочь остались дома раненыя), протягивали къ гробу руки съ крикомъ и рыданіями.... Не было мужчины, который бы не прослезился....

Убійца Яросинскій такъ и не отысканъ.

6. Въ ночь съ 6 на 7 Сентября, четыре человѣка, вооруженные косами, напали на военномъ плацу (plac - broni), находящемся между

Цитадѣлью и Повонзковскою заставою, на ѣхавшаго верхомъ казака и нанесли ему нѣсколько ранъ; но онъ успѣлъ отбиться и ускакать. Убійцы не отысканы.

7. 7 Сентября, въ 5 час. по полудни, при возвращеніи графа Берга съ прогулки, какой-то человѣкъ, стоя на балконѣ дома графа Замойскаго, находящагося въ самой узкой части Краковскаго Предмѣстья, махнулъ платкомъ; вслѣдъ затѣмъ раздались три штуцерныхъ выстрѣла изъ оконъ: одна пуля, какъ пущенная сверху, пробила у графа пальто сзади подъ воротникомъ, прошла около тѣла, не ранивъ и не контузивъ, и вылетѣла въ спинку экипажа; дыры сдѣланныя ею огромны. Другая пуля, пробивъ спинку экипажа, ударилась въ пружину подушки, на которой сидѣлъ адъютантъ ротмистръ *Валлъ* и увязла въ волосѣ ея. Третьей пули слѣдовъ не нашли. Вслѣдъ за выстрѣлами полетѣли изъ оконъ послѣдовательно пять Орсиніевскихъ бомбъ, которыя всѣ разорвались съ оглушительнымъ трескомъ; за бомбами были выброшены двѣ или три тарелки съ горючими матеріалами, которыя впрочемъ не причинили никакого вреда и только обсыпали экипажныхъ лошадей. Это былъ фосфоръ, который свѣтился на лошадяхъ еще въ 7 часовъ вечера. Ранены были семь казачьихъ лошадей конвоя (изъ которыхъ на другой день три пали) и обѣ экипажныя, хотя и легко. Экипажъ получилъ 17 пробоинъ. Изъ прохожихъ никто не убитъ и не раненъ, потому что ихъ совсѣмъ не было: по угламъ улицъ, пересѣкающихъ Краковское Предмѣстье, не доѣзжая дома Замойскаго, стояли жандармы-вѣшатели и съ 4-хъ часовъ по полудни направляли гуляющихъ въ боковыя улицы. Полиція этому не препятствовала и также находилась вдали отъ этого дома. — Въ одинъ моментъ домъ былъ окруженъ сначала конвойными линейцами, а потомъ пѣхотою и уланами съ Саксонской площади. Наказаніе послѣдовало жестокое, но необходимое и примѣрное: всѣ мужчины-жильцы до одного арестованы и отправлены въ Цитадель; бо́льшая часть имущества ихъ выкинута изъ оконъ на улицу и сожжена, а домъ обращенъ въ казарму. Женщинамъ дозволено взять свое бѣлье, гардеробъ и деньги и идти куда угодно. Уцѣлѣвшая мебель обращена на омеблированіе солдатскихъ квартиръ; лавки и магазины запечатаны. Этою мѣрою графъ Бергъ скорѣе открылъ всѣхъ руководителей мятежа и умиротворилъ край, нежели содѣйствіями измѣнической полиціи. — По занятіи дома войсками, въ немъ много было найдено ружей, сабель, патронныхъ сумъ съ боевыми патронами, капсюлей, разной Польской военной одежды, печать «народоваго жонда», жестяная коробка съ синею типографскою краскою и горы разныхъ бумагъ, кромѣ того, на антресоляхъ, надъ квартирою сына Замойскаго, которую занималъ онъ послѣ высылки

отца его за границу, найдена огромная лабораторія, въ которой начинялись Орсиніевскія бомбы и находились какъ разрывной составъ, такъ и капсюли одного калибра съ тѣми, которыя были на разорвавшихся бомбахъ. Въ этой лабораторіи запахъ пиротехническихъ матеріаловъ былъ слышенъ еще на десятый день по занятіи ея однимъ изъ военныхъ управленій. Самая незначительность вреда, причиненная разрывомъ такого большаго числа бомбъ, поддержанныхъ еще тремя выстрѣлами, доказываетъ, что бомбы были домашняго издѣлія, произведенія рукъ неопытныхъ школьниковъ. Сынъ Замойскаго не могъ не знать обо всемъ этомъ, такъ какъ лабораторія помѣщалась надъ его жилыми покоями. Полиція производила въ этомъ домѣ не разъ обыски, но *никогда ничего не находила*. При входѣ въ корридоръ лабораторіи висѣлъ не звонокъ, а цѣлый колоколъ, больше желѣзно-дорожныхъ платформенныхъ колоколовъ; безъ всякаго сомнѣнія, въ него звонили въ случаѣ опасности. Такіе звонки употребляются только на фабрикахъ; а какъ въ домѣ Замойскаго не было никакой фабрики, то арестованный сынъ Замойскаго и не могъ объяснить назначенія этого колокола. При обыскѣ у молодаго графа Замойскаго найдена подъ крышкою карманныхъ его часовъ сложенная въ 16 разъ тоненькая бумажечка, на которой микроскопическимъ почеркомъ была написана извѣстная «*программа революціи Людвига Мѣрославскаго*». Программа эта тогда же, по переводѣ на Русскій языкъ, была сообщена мною въ столичныя газеты. На основаніи этихъ данныхъ, сынъ Замойскаго былъ переведенъ изъ обыкновеннаго ареста въ Цитадели въ 10-й павильонъ, гдѣ содержатся политическіе преступники. Арестованные жильцы дома вскорѣ освобождены изъ Цитадели, какъ доказавшіе свою невинность. Компанію, работавшую въ означенной лабораторіи, составляли молодые люди: *Красусскій*, *Внентовскій*, *Яскульскій*, *Ляндовскій*, *Шмидтъ и Эккертъ*, изъ которыхъ первые трое повѣшены, какъ уличенные и въ другихъ убійствахъ, а послѣдніе сосланы въ рудники безъ срока, хотя Эккертъ былъ болѣе тяжкій преступникъ, нежели первые трое. На другой день послѣ разгрома, 8 Сентября, въ этомъ же домѣ изъ виннаго подвала купца *Крупецкаго* начался пожаръ: тамъ былъ зажженъ ромъ, и огонь показался изъ подвальныхъ оконъ, но прибывшею пожарною командою потушенъ безъ особеннаго вреда. Поляки, съ Левшинымъ во главѣ, доказывали, будто солдаты залѣзли въ подвалъ Крупецкаго, перепились тамъ мертвецки и въ пьяномъ видѣ зажгли ромъ. Свидѣтельство это, какъ обнаружило формальное слѣдствіе, оказалось гнуснѣйшею клеветою: солдатамъ нечего было лазить въ подвалъ, потому что они имѣли всѣ напитки въ лавкѣ на верху; но въ лавку никого не пустили, такъ какъ всѣ магазины и

лавки не были преданы разгрому, но опечатаны, и у каждой двери было поставлено по два часовыхъ, въ подвалъ же попасть нельзя иначе, какъ чрезъ лавку. Ни одного солдата ни до пожара, ни послѣ не было пьянаго; даже во время тушенія пожара лавка не была разграблена, и оказались только разбитыми пожарною стражею нѣсколько бутылокъ,—слѣдствіе неизбѣжное при тушеніи всякаго пожара. Между тѣмъ, изъ подвала, о которомъ идетъ рѣчь, открыты, незамѣченные своевременно войсками, ходы въ Свѣнтокршижскій костелъ и на разныя улицы, и найденъ огромный отворенный сундукъ, принадлежавшій графу Замойскому, сундукъ, для разломки котораго потребовалось бы десять саперовъ, и изъ него унесено все, что̀ тамъ было. Очевидно, что кто-то знакомый забрался въ подвалъ съ ключемъ, вынулъ изъ сундука что̀ нужно и, на зло Москалямъ, поджегъ ромъ, чтобы домъ не доставался имъ. Подожгли же Ратушу, а она поважнѣе дома Замойскаго!

8. Сентября 9-го, въ 8 часовъ вечера, на Краковскомъ Предмѣстьи, противъ самой гауптвахты, тяжело раненъ отравленнымъ кинжаломъ, въ спину дежурный штабъ-офицеръ 10-го округа внутренней стражи, полковникъ *Георгій Максимовичъ Любушинъ*, человѣкъ ровно ни въ чемъ невиноватый предъ Поляками, потому что дѣла съ ними не имѣлъ, знакомствъ не водилъ, языка ихъ не зналъ и, кромѣ церкви и канцеляріи своего управленія, никуда не выходилъ. Убійцу своего несчастный не успѣлъ и замѣтить. Преосвященный Варшавскій Іоанникій совершалъ погребеніе, при чемъ покойному были отданы всѣ военныя почести, и на погребеніи присутствовали всѣ Русскіе. Варшавскія газеты не хотѣли напечатать, какъ позорящія Польскій народъ, объявленія о смерти и погребеніи Любушина; не хотѣли напечатать и благодарности товарищей и друзей покойнаго Варшавскому духовенству и всѣмъ прочимъ лицамъ, удостоившимъ проводить смертные останки мученика къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Благодарность эта впослѣдствіи появилась въ Русскихъ столичныхъ газетахъ. Безчестноложивая Краковская газета «Часъ», описывая это убійство, осмѣлилась съ особымъ подобострастіемъ предъ «жондомъ», заявить, будто Любушинъ, по приговору «жонда», казненъ смертію за то, что предводительствовалъ грабежемъ при разгромѣ дома Замойскаго; но вышло, что самъ «жондъ» просилъ въ плакатѣ своемъ извиненія у вдовы Любушина въ смерти ея мужа, послѣдовавшей отъ *ошибки исполнителей*, прибавивъ, что «Польскій народъ» не питалъ къ покойному никакого враждебнаго чувства и не имѣлъ поводовъ приговаривать его къ смерти. Это было повторено и въ подпольной газетѣ «жонда». Очевидно, этотъ ударъ предназначался кому другому (впослѣдствіи ока-

залось, что мнѣ, какъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ), и Любушинъ погибъ только изъ-за сходства мундировъ. О катастрофѣ въ домѣ Замойскаго Любушинъ ровно ничего не зналъ, потому что находился тогда на другомъ концѣ города, на всенощной въ соборѣ, слѣдовательно не могъ предводительствовать войсками; да это и не его было дѣло. Убійцею его оказался подмастерье *Леонидъ Цельнеръ*, который, вслѣдствіе уликъ въ этомъ преступленіи и собственнаго сознанія, разстрѣленъ 18 Сентября на площади Св. Александра.

9. Сентября 11-го, въ 9 ч. вечера, стоявшій на полицейскомъ посту на улицѣ Лѣшнѣ, прикомандированный къ полиціи рядовой лейбъ-гвардіи Волынскаго полка *Филиппъ Ефремовъ*, раненъ неопасно въ ляжку желѣзнымъ орудіемъ насаженнымъ на древко; злодѣй успѣлъ скрыться.

10. Сентября 23-го, въ Европейской гостинницѣ, въ 7½ ч. утра, убитъ двумя неизвѣстными убійцами прибывшій изъ Штутгардта Саксонскій подданный докторъ *Бертольди-Германи*. Убійцы вошли въ ворота, сказавъ дворнику, что идутъ въ 42-й номеръ къ доктору, звать его къ трудно-больному. Войдя въ номеръ, они бросились съ отравленными кинжалами на доктора, который пилъ кофе, пробили ему черепъ, нанесли три широкія и глубокія раны—двѣ въ грудь и одну въ животъ, и бросились бѣжать. Докторъ погнался за ними, имѣлъ силы сбѣжать съ третьяго этажа и сорвать съ одного изъ нихъ пальто, но на лѣстницѣ втораго этажа упалъ и умеръ. Кельнеры и швейцаръ видѣли убійцъ, бросившихъ кинжалы въ корридорѣ; видѣли, какъ полицеймейстеръ подполковникъ *Гемпель* гнался за ними съ револьверомъ и криками: «держите! ловите!»; но они не тронулись съ мѣста и дозволили убійцамъ разбить въ нижнемъ этажѣ окно и выскочить на улицу. Неболѣе, какъ черезъ пять минутъ, войска, расположенныя близъ этой гостинницы на Саксонской площади, окружили домъ, задержали всю прислугу, а черезъ часъ уже расположились въ немъ казарменнымъ образомъ, и этотъ огромный отель обращенъ въ казну со всѣмъ его имуществомъ. Гостинница принадлежала Польскому патріоту *Вамбаху*, и подъ нее были отданы огромные капиталы многихъ важныхъ лицъ. По слухамъ, докторъ Бертольди-Германи былъ членомъ революціонной партіи, и какъ онъ былъ раза два у графа Берга, то «жондъ» приказалъ ему убить или отравить намѣстника; но когда благородный Нѣмецъ на это не согласился, то «жондъ», боясь, чтобы Германи не измѣнилъ, зарѣзалъ его. Правительство также не довѣряло ему: полиція наканунѣ производила у него обыскъ, и хотя ничего не нашла, однако приказала ему выѣхать изъ Варшавы въ 24 часа. Германи хотѣлъ уѣхать на другой день въ 11 ч. утра, но въ 7½ ча-

совъ того же утра былъ убитъ. Въ день обыска, т. е. наканунѣ убійства, за Германи слѣдилъ какой-то оборвышъ. Товарищъ Германи, докторъ *Килевейнъ* и жена его замѣтили это въ Саксонскомъ саду и обратили на преслѣдователя вниманіе Германи, который испугался, началъ выражать опасенія свои и предчувствіе и боялся идти домой. Килевейны проводили его до дверей самой гостинницы, и тогда только онъ успокоился. Изъ двухъ убійцъ доктора Бертольди-Германи пойманъ одинъ: кондиторскій прикащикъ шляхтичъ *Эмиліанъ Ходановскій*, который и повѣшенъ на площади предъ окнами Европейской гостинницы, 29 Ноября.

11. Октября 5-го, въ 2 часа по полудни, на Длугой улицѣ, среди толпы гуляющихъ, среди зѣвакъ-полиціантовъ Левшинской полиціи, начальникъ контрольнаго отдѣленія въ управленіи оберъ-полицеймейстера *Домбровскій* получилъ въ спину пять ударовъ кинжаломъ; убійца ушелъ безнаказанно. Домбровскій имѣлъ силы дойти до циркула, откуда былъ отправленъ въ больницу, гдѣ на третій день умеръ. И этотъ случай не былъ заявленъ въ мѣстныхъ газетахъ; Левшинъ, по обыкновенію, *забылъ* упомянуть о немъ въ «Полицейской Газетѣ», и даже въ суточномъ рапортѣ. Это тотъ самый Домбровскій, которому жители Калиша, въ 1861 г., устроили кошачью музыку и, выставивъ его изъ окна, заставили кричать: «Я шпіонъ! Я подлецъ!», какъ разказано мною во 2-й главѣ настоящихъ Записокъ.

12. Октября 7-го, въ 9 часовъ утра, на берегу р. Вислы найдено тѣло неизвѣстнаго званія человѣка, убитаго, по всѣмъ признакамъ, по повелѣнію подпольнаго «жонда».

13. Того же дня, въ 6 часовъ вечера, на улицѣ Александрія, раненъ 5-ю ударами кинжала стоявшій на посту рядовой л.-гв. Литовскаго полка, тремя неизвѣстными злоумышленниками. Одного изъ нихъ успѣлъ схватить старшій околоточный надзиратель *Василевичъ*; но преступникъ, нанеся ему два удара кинжаломъ въ щеку и шею, бѣжалъ.

14. Въ томъ же часу, на Маршалковской улицѣ, неизвѣстный убійца ранилъ кинжаломъ въ бокъ полицейскаго дозорцу *Гручковскаго* и бѣжалъ.

15. Октября 13-го, на углу Хмѣльной и Велькой улицъ, въ 6 ч. по полудни, обойный подмастерье *Юліанъ Хойнацкій* бросился съ кинжаломъ на стоявшаго на полицейскомъ посту рядоваго Самогитскаго гренадерскаго полка *Аѳанасія Филипова*, ранилъ его неопасно въ лице, но былъ задержанъ тутъ же рядовыми Колыванскаго пѣхотнаго полка; при слѣдствіи онъ выдалъ и остальныхъ своихъ товарищей: извощика *Франциска Тржаску*, сапожничьяго подмастерья *Петра Гур-*

скаго и кузнечнаго подмастерья *Станислава Филькевича*. Преступники сознались, что были завербованы въ кинжальщики извощикомъ Тржаскою, получили отъ него кинжалы, съ жалованьемъ по 1½ рубля въ сутки, и бросились на Филипова только «для практики и пріученія руки къ убійствамъ». Злодѣи повѣшены на Гржибовской площади 17 Октября въ 10 ч. утра.

16. Октября 15-го, въ 10 ч. утра, на Медовой улицѣ, противъ Аппелляціоннаго Суда, раненъ начальникъ ревира *Станиславъ Мацѣевскій*, 70-лѣтній старикъ, въ шею и въ лицо, тремя ударами отравленной стрѣлки, которая описана мною выше и цѣлые мѣшки которыхъ были найдены въ Бернардинскомъ костелѣ, по занятіи его войсками. Убійца не схваченъ, хотя противъ Аппелляціоннаго Суда стоялъ полицейскій часовой. Кто изъ Варшавянъ, да изъ насъ Русскихъ, не зналъ этого почтеннаго старика Мацѣевскаго, ходившаго безсознательно, какъ маятникъ, туда и обратно, вдоль Медовой улицы? Этотъ человѣкъ столько же былъ причастенъ къ дѣламъ Польши, сколько и къ дѣламъ Бирманской имперіи. Скорѣе можно было подозрѣвать его въ преданности «жонду», нежели правительству. Добродушный старикъ неспособенъ былъ сдѣлать какое-нибудь зло; его не увольняли потому, что онъ дослуживалъ послѣдніе мѣсяцы своей 40-лѣтней службы до эмеритуры, и онъ не назначался ни для чего болѣе, какъ для дежурства по улицѣ, для порядка. Невинная кровь этого несчастнаго два дня не была смыта съ тротуара и блестѣла укоромъ въ глаза Полякамъ, убивавшимъ безъ разбора изъ-за угла. Непонятно, какъ могъ уйти преступникъ? Есть основаніе полагать, что его скрылъ Аппелляціонный Судъ. Старикъ Мацѣевскій болѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и вышелъ въ отставку калѣкою. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», получивъ отъ меня вышеизложенныя свѣдѣнія, прислала 150 рублей для раздачи слѣдующимъ лицамъ, въ семействахъ зарѣзанныхъ полиціантовъ:

Станислава *Бляу* и Петра *Бялаго* по 25 рублей — 50 руб. Раненымъ: начальнику ревира *Мацѣевскому* — 50 р.; полиціантамъ: Генриху *Градовскому* и Ивану *Василевичу* по 15 руб. — 30 р.; рядовымъ: л.-гв. Волынскаго полка Филину *Ефремову* и Самогитскаго полка Аѳанасію *Филипову* по 10 руб. — 20 рублей.

17. Въ Варшавскомъ «Всеобщемъ Дневникѣ» 15 Октября появилась слѣдующая статья: «Люди злоумышленные рѣшились, въ одномъ изъ тайныхъ своихъ изданій, помѣстить статью, будто бы солдаты, расположенные въ здѣшнихъ монастыряхъ, дозволяютъ себѣ въ костелахъ, во время богослуженія, дѣлать разныя неприличія и будто бы подобный примѣръ, по ихъ словамъ, имѣлъ мѣсто въ костелѣ Августинскомъ. Какъ пріоръ этого монастыря, я считаю долгомъ совѣсти моей заявить, что означенное объявленіе было самою безчестною

ложью и клеветою, брошенною на Русскихъ солдатъ, потому что подобный случай, во все время квартированія ихъ въ этомъ монастырѣ, никогда не имѣлъ мѣста, и солдаты, входя въ костелъ, ведутъ себя самымъ благопристойнымъ образомъ, какъ подобаетъ вести себя въ храмѣ Божіемъ всякому христіанину. 14 (26) Октября 1863 года. *Ксёндзъ Д. Павловскій*». Эта статья вышла во Вторникъ, а въ Среду, 16-го Октября, пріоръ *Павловскій*, вмѣстѣ съ другимъ монахомъ того же монастыря, были отравлены «жондомъ народовымъ», и къ вечеру оба умерли.

18. Октября 21-го, совершено покушеніе на жизнь *Трепова*. Въ 9 ч. утра, когда генералъ, подъ руку съ дочерью, идя въ соборъ, вошелъ съ Театральной площади на Сенаторскую улицу, одинъ изъ молодыхъ людей, шедшихъ вслѣдъ за нимъ, нанесъ ему ударъ въ голову обоюдоострымъ топорикомъ (какой обыкновенно употребляется для колотья сахару); но топорикъ скользнулъ по галуну фуражки и только оцарапалъ лѣвое ухо. Треповъ быстро бросился на разбойника и обезоружилъ его, а когда тотъ началъ уходить, то генералъ бросилъ въ него топорикъ, который врѣзался ему въ спину, отчего преступникъ упалъ и случайно находившимся вблизи военнымъ писаремъ задержанъ, противъ обгорѣлаго зданія Ратуши. Другой разбойникъ, бросивъ кинжалъ подъ ноги дочери генерала, спасся бѣгствомъ; а третій, вбѣжавъ въ кондитерскую *Гронерта*, пропалъ на заднемъ дворѣ. При совершеніи этаго злодѣйскаго покушенія, на улицѣ, *по обыкновенію, не было ни одного полицейскаго дозорцы*. Улица какъ бы опустѣла; извощики тотчасъ же ударили по лошадямъ и пропали, такъ что крики Трепова и писаря «лови!» не принесли никакой пользы. Кондитерская запечатана за то, что имѣла открытыя на дворъ двери. Треповъ, какъ бы ничего не бывало, продолжалъ съ дочерью свой путь въ соборъ, откуда, по выслушаніи благодарственнаго молебна, тѣмъ же путемъ возвратился домой. Задержанный преступникъ назывался *Антонъ Аммеръ*, 19 лѣтъ, подмастерье кожевенной фабрики; онъ былъ тяжело раненъ и исходилъ кровью, потому что брошенный топорикъ глубоко врѣзался въ спину бездѣльника. Онъ назвалъ всѣхъ своихъ соучастниковъ, именно: 1) Кузнечнаго подмастерья *Іеронима Когутовскаго*, который былъ арестованъ на другой же день и отправленъ въ слѣдственную тюрьму, гдѣ вечеромъ удавился на ременномъ поясѣ своемъ, привязанномъ къ рѣшеткѣ окна. 2) Кузнечнаго работника *Іосифа Домбровскаго*, который вбѣжалъ въ кондитерскую Гронерта, откуда чрезъ окошко выскочилъ на дворъ, а потомъ чрезъ незапертую, вопреки приказанію, калитку выбѣжалъ на Данилевичевскую улицу, гдѣ и бросилъ свой кинжалъ; онъ также былъ арестованъ на

другой день. 3) Столярскаго челядника *Дьякевича*; и 4) рабочаго на паровой мельницѣ *Куровицкаго*. Вербовалъ ихъ въ шайку работникъ кожевеннаго завода *Юліанъ Гольцендорфъ*, который платилъ имъ ежедневно отъ 30 до 50 коп. жалованья, а въ день посягательства на жизнь Трепова далъ имъ по одному рублю. Къ присягѣ на вѣрность «жонду» приводилъ ихъ неизвѣстный ксендзъ въ каретномъ сараѣ г-жи *Нарвойнъ*. Подстерегали они генерала Трепова изъ кондитерской Гронерта. Аммеръ и Домбровскій повѣшены на Театральной площади 1 Ноября, остальные убійцы не розысканы. Палацъ Бланка, въ которомъ находилась кондитерская Гронерта, обращенъ на надобности войскъ. Въ послѣдствіи Европейская гостинница и этотъ палацъ возвращены владѣльцамъ по ходатайству генерала Трепова.

19. Ноября 22-го, въ 6 часовъ вечера, на углу Кручей улицы и Іерусалимской аллеи, трое неизвѣстныхъ убійцъ бросились на оберъ-кондуктора Варшавско-вѣнской желѣзной дороги *Николая Жиленку* (Русскаго) и нанесли ему ударъ въ голову, но уже не кинжаломъ, а простымъ топоромъ, послѣ чего, бросивъ топоръ, вскочили на извощика и быстро уѣхали. Извощикъ, вѣроятно бывшій въ заговорѣ, не хотѣлъ остановиться, не смотря на то, что стоявшій на полицейскомъ посту гвардеецъ угрожалъ лошадямъ штыкомъ. Солдатъ былъ ненаходчивъ и не хватилъ штыкомъ кучера. Однако извощикъ потомъ задержанъ по номеру экипажа, который успѣлъ замѣтить часовой. Жиленко не убитъ, но тяжело раненъ, съ поврежденіемъ лобной кости. Въ плакатѣ «жонда» «*извѣстія и распоряженія полиціи народовой*», отъ 10 Декабря н. с. было заявлено, что надъ Жиленкою «имѣлъ быть приведенъ въ исполненіе приговоръ сокращеннаго суда, за то что онъ уличенъ былъ въ измѣнѣ (Русскій!) и начальствованіи шпіонами».

20. Тотъ же плакатъ заявилъ, что 15 (27) Ноября, «на основаніи приговора Революціоннаго Трибунала, исполнена смертная казнь чрезъ повѣшеніе надъ секвестраторомъ Варшавскаго уѣзда *Прессеромъ* за то, что онъ занимался экзекуціею податей, самъ старался о полученіи мѣста секвестратора и за шпіонство, на что имѣлъ особенное письменное полномочіе отъ Москалей». Полиція тѣла Прессера отыскать не могла, хотя исчезновеніе его и подтвердилось.

21. Декабря 1-го, на улицѣ Валицовъ, въ 7 часовъ утра, найденъ убитый ударомъ кинжала въ грудь сынъ архитектора *Козубовскій*. Полиціи на мѣстѣ преступленія по обыкновенію не случилось, и тѣло лежало на тротуарѣ до полудня. Оберъ-полицеймейстеръ заявилъ, будто бы это убійство *не политическое*.

22. Декабря 3-го, на улицѣ Солецъ, подъ бревнами найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка въ нищенской одеждѣ. Донесеніе полицейское

только и говоритъ объ этомъ случаѣ, но не объясняетъ, есть ли на тѣлѣ знаки насилія или убійства. Вѣроятно и это убійство *не политическое,* и нищій самъ накатилъ на себя бревна.

23. Теперь я долженъ приступить къ самому щекотливому для меня случаю—покушенію на мою жизнь. Не подобаетъ лѣтописцу говорить о себѣ; но въ видахъ возстановленія исторической истины, я обязанъ привести этотъ случай, какъ дополняющій рядъ преступныхъ дѣйствій Левшинской полиціи.

Я пользовался въ Варшавѣ нѣкоторою извѣстностью. Когда въ Варшавѣ начались уличныя убійства, мои родные трепетали за мою жизнь, потому что я долженъ былъ ежедневно ходить съ Длугой улицы, гдѣ была моя квартира, въ канцелярію, помѣщавшуюся въ замкѣ. Не знаю, дошли ли до «Центральнаго Комитета» слухи о постоянной тревогѣ моихъ родныхъ, или по собственному почину «комитета», но въ Декабрѣ 1861 г. я нашелъ у себя на столѣ объявленіе, въ которомъ было сказано: «Гражданинъ *, маіоръ войскъ Московскихъ, можетъ быть совершенно спокоенъ: народъ его хранитъ (narod nad nim czuwa), и ни одинъ волосъ съ головы его не упадетъ». Подписано: «Центральный Комитетъ» и приложена его печать. Я не могъ доискаться, какимъ образомъ попалъ ко мнѣ этотъ плакатъ. Многіе изъ Русскихъ подозрѣвали въ этомъ ловушку, и только чрезъ два года я узналъ, что, во время борьбы «бѣлыхъ» съ «красными», меня дѣйствительно берегли «бѣлые», и каждый день по два или по три человѣка провожали меня незамѣтно до замка и обратно. Въ 1863 году, «красные» одолѣли, и вспыхнулъ мятежъ. Я былъ корреспондентомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида» и сотрудникомъ «Варшавскаго Дневника», въ которыхъ, на основаніи донесеній начальниковъ войскъ, описывалъ дѣйствительное положеніе края и исходъ каждой стычки съ мятежниками, вопреки плакатовъ «жонда», который чуть не ежедневно заявлялъ о совершенномъ истребленіи Москалей, съ потерею съ своей стороны двухъ или трехъ человѣкъ ранеными, послѣ чего «*Польская армія въ найвенкшымъ поржондку цофнулась до лясу*». Свѣдѣнія эти были діаметрально противуположны истинѣ, и ее нужно было возстановлять. Этого не могъ простить мнѣ «жондъ». Съ другой стороны, Поляки убѣждены, что Нѣмцы должны держать сторону ихъ, а отнюдь не Москалей, на томъ-де основаніи, что Поляки, подъ начальствомъ Яна Собіескаго, спасли Вѣну отъ Турокъ. Какъ носящій Нѣмецкую фамилію, я получилъ въ началѣ Сентября 1863 г. слѣдующій смертный приговоръ: «Гражданинъ *, маіоръ войскъ Московскихъ, за *измѣну* и *извращеніе фактовъ возстанія*, объявляется внѣ законовъ и приговаривается къ смертной казни. Предписывается

всѣмъ властямъ военнымъ и гражданскимъ настоящій приговоръ привести въ исполненіе, на всѣхъ земляхъ Польскихъ, въ теченіи 10 лѣтъ, способомъ, какой представится удобнымъ». Подпись: «Революціонный Трибуналъ» и печать «жонда». Графъ Бергъ, прочитавъ этотъ приговоръ, строго приказалъ мнѣ ходить не иначе, какъ въ сопровожденіи казака. Убійцы долго подкарауливали меня; зарѣзали, по ошибкѣ, по сходству нашихъ мундировъ, полковника Любушина (какъ сказано выше) и, наконецъ, подстерегли меня 10 Декабря. Былъ день морозный и снѣжная вьюга. Я шелъ, въ 11 ч. утра, по Краковскому Предмѣстью изъ дома бывшаго Замойскаго въ замокъ, закутанный въ теплое пальто и башлыкъ и въ сопровожденіи саженнаго Донскаго казака, несшаго мой портфель. Вдругъ, у воротъ дома Гродзицкаго, предъ моими глазами блеснулъ кинжалъ, и я почувствовалъ сильный ударъ въ голову. Видя предъ собою убійцу, я мгновенно схватилъ его за плеча и закричалъ казаку: «руби его!» Но казакъ испугался, растерялся и трясся какъ въ лихорадкѣ. Убійца, видя, что казакъ ему не опасенъ, нанесъ мнѣ другой ударъ въ грудь; но тутъ, не помню, я ли повернулся, кинжалъ ли скользнулъ въ рукахъ убійцы, кинжалъ, разрѣзавъ одежду и кожу на груди, уперся въ мое лѣвое плечо. Въ тоже мгновеніе я вырвалъ кинжалъ изъ рукъ убійцы, а тотъ вскочилъ въ калитку дома Гродзицкаго, которую дворникъ обязательно открылъ предъ нимъ. Я бросился вслѣдъ за нимъ и увидалъ на дворѣ прогуливавшихся какихъ-то пять-шесть пановъ. «Держите, ловите его!» закричалъ я; но паны разступились и дали ему дорогу. Я пробѣжалъ за убійцею одинъ дворъ, другой и на третьемъ замѣтилъ, что онъ вбѣжалъ въ сѣни одноэтажнаго флигеля. Казакъ слѣдовалъ за мною. На первомъ дворѣ Русскій кучеръ сенатора Фундуклея, видя меня страшно-окровавленнаго и гонящагося за убійцею, примкнулъ ко мнѣ съ бывшею у него въ рукахъ лопатою. Вбѣжавъ въ сѣни, въ которыя скрылся убійца, я увидалъ, что онъ полѣзъ на чердакъ. Я бросился за нимъ. «Ваше благородіе, не лѣзьте туда: тамъ васъ могутъ дорѣзать», замѣтилъ мнѣ кучеръ. Я не послушался предостереженія. Тогда кучеръ сказалъ казаку: «Полѣзай за офицеромъ!»—«Я боюсь,» отвѣчалъ все еще дрожавшій казакъ. Кучеръ выхватилъ у него изъ ноженъ шашку и бросился за мною. Сначала въ мракѣ чердака мы ничего не могли замѣтить; но вслѣдъ за тѣмъ увидѣли въ слуховомъ окнѣ ноги преступника, вылѣзавшаго на крышу. Мы бросились за нимъ. Убійца, видя, что онъ открытъ и на крышѣ, быстро спрыгнулъ въ садъ графа Красинскаго, въ огромную кучу листьевъ, вѣроятно нарочно для этого случая заготовленную, показалъ намъ языкъ и скрылся.

У меня позеленѣло въ глазахъ; отъ большой потери крови я почувствовалъ ужасную слабость и съ величайшимъ трудомъ, при помощи кучера, сошелъ съ крыши и чердака и прошелъ всѣ дворы. На улицѣ, по обыкновенію Левшинской полиціи, *не нашлось ни одного полицейскаго, ни одного извощика*, и потому болѣе версты я долженъ былъ идти въ замокъ пѣшкомъ, подъ руку съ казакомъ.

Едва я вошелъ въ переднюю, какъ графъ Бергъ, предупрежденный другими, самъ выбѣжалъ въ прихожую съ словами: Сколько разъ я говорилъ вамъ, чтобы вы ходили съ казакомъ!

— Я съ казакомъ и шелъ, ваше сіятельство.—Это значитъ съ тобою? обратился графъ къ казаку.—Точно такъ, ваше с—ство.—Ты видѣлъ, какъ маіора рѣзали?—Видѣлъ, ваше с—ство.—Почему же ты не защитилъ?—Я съ бумагами шелъ, ваше с—ство.—Предать его немедленно военному суду, сказалъ графъ начальнику главнаго штаба Минквицу и судить какъ за трусость въ военное время.

Въ тоже время графъ послалъ за врачемъ квартировавшаго въ замкѣ гвардейскаго баталіона, а меня взялъ въ свой кабинетъ. Немедленно явившійся врачъ раздѣлъ меня; а какъ рубаха моя была вся окровавлена, то великодушный графъ приказалъ подать собственную сорочку и помогалъ мнѣ надѣвать ее. Но покуда происходили сондированіе ранъ и промывка ихъ, и эта рубаха окровавилась; тогда подали другую сорочку графа, и въ ней, по перевязкѣ ранъ, графъ отослалъ меня въ своей каретѣ домой. Генералъ Минквицъ отправилъ кинжалъ въ аптеку Уяздовскаго военнаго госпиталя для анализированія. Кинжалъ оказался отравленнымъ. Когда моя жена приказала горничной выстирать рубаху, чтобы возвратить ее графу Бергу, горничная съ дерзостію отвѣчала: Стану я мыть эту кровь, когда ее велѣлъ пролить нашъ «Польскій жондъ». Разумѣется, горничная была немедленно разсчитана, и жена моя собственноручно вымыла сорочку; но вѣроятно на одномъ изъ пальцевъ у нея была царапина, въ которую и всосался ядъ, отчего не только палецъ, но вся рука до плеча распухла, и жена страдала ею недѣль шесть.

Между тѣмъ, ко мнѣ началъ съѣзжаться чуть не весь городъ (я говорю собственно о Русскихъ) и выказывать мнѣ сочувствіе; но ни оберъ-полицеймейстеръ, ни участковый полицеймейстеръ, ни циркуловый коммиссаръ ни разу ко мнѣ не заглянули и не спросили о примѣтахъ убійцы и вообще не приняли никакихъ мѣръ къ его обнаруженію. Въ числѣ первыхъ посѣтителей былъ знаменитый Онопріенко, который распросилъ меня подробно о примѣтахъ убійцы и сказалъ, что не заснетъ и не возметъ въ ротъ куска хлѣба, покуда не схватитъ разбойника. Онъ сдержалъ свое слово: въ тотъ же день онъ

поймалъ одного кинжалиста, который при видѣ его, бросился бѣжать; когда же Онопріенко схватилъ его и приказалъ вести въ домъ Замойскаго, въ которомъ я квартировалъ, то убійца повалился ему въ ноги и упрашивалъ не возить его въ означенный домъ. Въ тотъ день я еще былъ на ногахъ и какъ взглянулъ на приведеннаго ко мнѣ убійцу, со мною сдѣлалось дурно. Убійца оказался сапожнымъ подмастерьемъ *Шиндлеромъ*. Онъ сознался, что нападалъ на меня вмѣстѣ съ другимъ подмастерьемъ *Шафранчикомъ*, который, при видѣ борьбы моей съ нимъ, убѣжалъ. Шиндлеръ прибавилъ, что приказаніе убить меня получилъ отъ инженера Варшавско-вѣнской желѣзной дороги *Стрыцкаго*, который, снабдилъ его кинжаломъ, вынувъ таковой изъ-подъ четвертой ступени лѣстницы Варшавскаго вокзала. Подъ означенною лѣстницею Онопріенко дѣйствительно нашелъ еще шесть кинжаловъ такой же формы, какой былъ отобранъ у Шиндлера. Стрыцкій былъ немедленно арестованъ, и при немъ найдена весьма обличавшая его переписка, и въ особенности требованіе изъ-за границы *высылки на 500 рублей яду куррары для отравленія кинжаловъ*.

Къ вечеру ядъ началъ дѣйствовать. Меня уложили въ постель, въ которой я пролежалъ въ безпамятствѣ болѣе трехъ недѣль; вообще же проболѣлъ я около трехъ мѣсяцевъ. Я получилъ воспаленіе надкостной плевы на головѣ и на груди, перешедшее потомъ въ рожу; мнѣ обрили голову, которая распухла и почернѣла такъ же какъ и грудь. Три недѣли врачи не могли ручаться за мою жизнь и давали мнѣ морфинъ внутрь и снаружи. Спасенію моему, по словамъ ихъ, я обязанъ тому, что потерялъ большое количество крови, гоняясь за преступникомъ по чердакамъ и крышамъ, и долгое время оставаясь безъ перевязки. Отъ этого въ организмъ вошло относительно мало яду; иначе его дѣйствіе было бы смертельно.

Въ № 63-мъ 1864 года «Московскихъ Вѣдомостей» описаны подробно показанія нѣкоторыхъ преступниковъ, за что̀ именно я былъ приговоренъ ими къ смерти. Не считаю неудобнымъ хвалиться ими въ настоящей статьѣ. Но не могу не повторить объявленную мною тогда во всѣхъ газетахъ благодарность мою отъ 7-го Января 1864 года слѣдующаго содержанія: «Послѣ благодаренія Богу за чудесное спасеніе меня отъ смерти, при нападеніи на меня въ Варшавѣ, 10-го Декабря, убійцы и нанесеніи мнѣ двухъ ранъ отравленнымъ кинжаломъ, считаю священною обязанностію сердца заявить глубокую и искреннюю благодарность мою Русскому обществу въ Варшавѣ, которое, начиная отъ преосвященнѣйшаго архіепископа Іоанникія, поспѣшило изъявить мнѣ сочувствіе свое и навѣщало меня въ огромномъ числѣ въ теченіи всей болѣзни моей, безъ различія, былъ ли я съ кѣмъ знакомъ лично

или нѣтъ. Я не жалѣю пролитой невинно крови, потому что цѣною ея я купилъ себѣ это сочувствіе, которымъ дорожу болѣе, нежели жизнію. При этомъ заявляю также безпредѣльную благодарность мою пользовавшимъ меня врачамъ: главному доктору Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя д. с. с. *Андрею Алексѣевичу Боголюбову* и доктору штаба войскъ въ Царствѣ Польскомъ *Венедикту Петровичу Орлову*, учредителю нашей Русской школы. Наконецъ, благодарю отъ души и Русскія газеты, которыя выражали мнѣ сочувствіе свое, или прямо или передавая подробности несчастной катастрофы, сообщаемыя имъ гг. корреспондентами, благородное вниманіе которыхъ я принимаю глубоко къ сердцу. Особенно благодарю «Московскія Вѣдомости» за передовую статью ихъ обо мнѣ въ № 274 прошлаго года».

Домъ Гродзицкаго не конфискованъ однакоже, какъ было объявлено предъ тѣмъ за три дня, а только взыскано съ него контрибуціи 10 т. р. с. Сами Поляки удивлялись такой непослѣдовательности послѣ занятія домовъ Замойскаго, Европейской гостинницы и палаца Бланка. Левшинская полиція завѣдомо разстроивала всѣ распоряженія графа Берга и допустила, чтобы ворота въ домѣ Гродзицкаго были открыты для того, чтобы преступникъ могъ удобнѣе скрыться въ домѣ и вообще измѣннически смотрѣла на означенную благодѣтельную мѣру графа Берга.

Шиндлеръ повѣшенъ на гласисѣ Цитадели 31 Января 1864 г., а Шафранчикъ пойманъ и повѣшенъ почти черезъ годъ. Казака мнѣ удалось отстоять чрезъ Трепова и Минквица: графъ приговорилъ его къ 4-хъ недѣльному аресту на хлѣбѣ и водѣ.

Наконецъ, 24. На углу Вѣйской улицы и Александровской площади, 15 Декабря 1863, убитъ двумя ударами кинжаловъ въ грудь полицейскій дозорца *Галинскій*. Убійцы его: маркеръ *Броневскій* и шорный подмастерье *Фростъ* были схвачены почти черезъ годъ и повѣшены на гласисѣ Цитадели 4 Декабря 1864 г.

Это было послѣднее уличное убійство въ Варшавѣ, послѣ котораго вскорѣ Левшинъ, ко всеобщей радости Русскихъ, былъ смѣненъ.

Съ 1 Января 1864 г. сталъ твердою ногою на мятежную Польшу полицеймейстеръ Треповъ. Надъ народомъ Польскимъ стоялъ невидимый врагъ, неумолимый и кровожадный, болѣе жестокій, нежели Венеціанскій «Совѣтъ Десяти», врагъ, который, сорвавъ съ него послѣднюю рубаху, держалъ ножъ надъ его горломъ и только требовалъ: «денегъ и крови».... Врагомъ этимъ былъ насильственно навязавшійся народу «жондъ народо́вый». Край былъ покрытъ трауромъ, пепломъ и кровью. Онъ походилъ на дымящуюся окровавленную развалину. Духовенство католическое, въ которомъ народъ долженъ былъ находить

утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, разъѣзжало верхомъ впереди разбойничьихъ бандъ, съ крестомъ въ одной, съ петлею или кинжаломъ въ другой рукѣ. Оно разсѣкало собственноручно животы беременнымъ женщинамъ (ксендзы: *Бенвенуто*, *Бржоско* и др.) и благословляло,на безкровномъ жертвенникѣ Христа Спасителя, братоубійственный кинжалъ уличнаго убійцы, для того, чтобы онъ обагрялся невинною кровью человѣка-христіанина.

Бомба, брошенная въ графа Берга, растерзала *жондъ народовый*. Рукою Берга сорвана съ Польши опутывавшая ее революціонная сѣть, раздавленъ терроръ, и вырвана съ корнемъ мятежная организація. Графъ Бергъ, прогнавъ измѣнническую полицію, поставилъ во главѣ ея энергическаго дѣятеля. Польша опомнилась. Она поняла, что была только игралищемъ страстей, жертвою каверзъ дипломатіи; поняла, что она была пустымъ колоколомъ, въ которой поочередно ударяли праздным языкомъ то Наполеонъ III, то Пій IX, и хотя звукъ отъ этого и разносился по Европѣ, но какъ звукъ и погибалъ безслѣдно въ пространствѣ; поняла, что единственное спасеніе ея и благоденствіе заключаются въ могучей рукѣ ея законнаго Государя—и вотъ измученная, истерзанная собственными страстями, пала къ стопамъ своего Великаго Освободителя и молитъ о помилованіи!

Исторія слагается не въ настоящемъ, но въ далекомъ будущемъ, и слагается изъ сопоставленія очищаемыхъ критикою матеріаловъ. Я подаю для исторіи сырой матеріалъ. Если другіе очевидцы или современники волненій 1861—1864 гг. найдутъ мои замѣтки неполными или ошибочными, то да благоволятъ они принести свои матеріалы на алтарь исторіи, дабы она сама могла извлечь изъ нихъ истину во всей ея полнотѣ. Такимъ образомъ, и приговоръ обо всѣхъ поименованныхъ здѣсь личностяхъ не есть окончательный; потому что судъ о нихъ принадлежитъ отнюдь не современникамъ, но исторіи, и притомъ въ отдаленномъ будущемъ. А потому, и настоящія Записки пишутся не для современниковъ и ихъ суда, а для исторіи.

1 Мая 1865 года,
Варшава.

ДВОЙНОЙ ВѢРООТСТУПНИКЪ.

Въ Октябрѣ 1738 года пріѣзжаетъ въ Лифляндію, въ Ригу, потомъ въ цвѣтущую въ тѣ времена Митаву, окончившій образованіе и все время служившій ксендзомъ въ Венгріи, *Михаилъ Ивановичъ Торнекъ*. Проживъ въ Митавѣ довольно долго, частію вслѣдствіе болѣзни, а частію и по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ намѣревается посѣтить еще нѣкоторые Русскіе города. Для этого ему выдается епископомъ Ливонскимъ и Пильтенскимъ, номинатомъ Каменецкимъ, Венцеславомъ Гіеронимомъ Сѣраковскимъ «паспортъ», гдѣ и написанъ весьма лестный отзывъ о Торнекѣ: «Торнекъ въ нашей резиденціи священночестныхъ патеровъ, іезуитовъ Митавскихъ, благоговѣйно и порядочно, какъ священнику надлежитъ, со всѣми обходился... Онъ, вмѣстѣ съ милостію Божіею, въ тоже время пребывалъ у насъ здоровымъ и никакому худому повѣтрію неподлежащимъ и неподозрительнымъ», а потому мы «во всѣхъ государствахъ», въ какихъ бы ни пришлось ему побывать, а въ Россіи «какіе бы уѣзды ни случилось посѣтить» просимъ представителей всѣхъ властей «свободно его пропускать», и если при этомъ онъ «кому нибудь приклонится во имя христіанской всѣхъ любви, тому мы прилежно его рекомендуемъ, дабы благосклонно вездѣ его принимали». Это свидѣтельство, составленное въ родѣ рекомендательнаго письма, въ концѣ скрѣплено еще каѳедральнымъ архидіакономъ, оффиціаломъ и вице-генераломъ Ливонской епископіи Іоахимомъ Геннеромъ и королевскимъ публичнымъ нотаріусомъ Адгуномъ Геничемъ.

Заручившись такимъ свидѣтельствомъ, Торнекъ ѣдетъ въ Данію, Швецію, Польшу, а въ началѣ Іюля 1739 года появляется въ Петербургѣ. По прибытіи его въ новую столицу, тамъ быстро разносится слухъ, что пріѣхалъ какой то иностранецъ-ксендзъ для принятія Православія. И дѣйствительно, въ томъ же мѣсяцѣ приходитъ Торнекъ въ

Синодъ, преклоняетъ колѣна свои предъ портретомъ государыни Анны Іоанновны и дѣлаетъ заявленіе предсѣдавшимъ членамъ Синода, что онъ, съ своимъ искреннимъ раскаяніемъ и съ глубокой вѣрой въ силу Всевышняго, проситъ ихъ принять его въ лоно Православія. При этомъ Торнекъ подаетъ Синоду оформенное какими-то неизвѣстными лицами свое прошеніе, гдѣ излагаетъ краткую исторію своей жизни и проситъ Синодъ по возможности скорѣе дать свою резолюцію.

Изъ краткаго «экстракта» настоящаго дѣла, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, мы не можемъ подробно или буквально воспроизвести это прошеніе. По ходу дѣла видно, что подлинникъ его долженъ теперь находиться въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а копія съ этого прошенія въ Архивѣ Правительствующаго Синода. Однако и въ экстрактѣ выясняется общій смыслъ этого прошенія. Торнекъ пишетъ: «По совершеніи ученія въ моемъ отечествѣ, въ теченіи десяти лѣтъ, я сталъ исполнять обязанности проповѣдника. Пребывая тогда въ пріорствахъ и суперіорствахъ 20 лѣтъ, увидѣлъ я во всемъ монашескія страсти; поколебалась во мнѣ вѣра, появился во мнѣ рядъ сомнѣній, и я рѣшился путешествовать, безуклонно стремясь открыть истину. Такимъ образомъ объѣзжая Европу, посѣтилъ я тогда и Римъ, и другіе города. Затѣмъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль, отправился въ Россію, и прибывъ сюда, позналъ у васъ истину, данную Іисусомъ Христомъ и Его апостолами и узрѣлъ, что у васъ корень и начало всего, что все установлено по разуму Св. Отецъ, что въ вѣрѣ вашей неподвижно зиждутся священные уставы, древнѣйшіе чины и благословеніе. Вотъ почему я, пресвитеръ изъ ордена Св. Павла Перваго, *цесарійскій* подданный, пустынникъ изъ провинціи Венгерской, умоляю Св. Синодъ, принявъ меня по возможности скорѣе въ вѣру Греко-Россійскаго исповѣданія, опредѣлить на какую нибудь должность».

Синодъ на это конечно согласился и выразилъ Торнеку на столько своего благоволенія, на сколько возможно это при такомъ неслыханномъ дѣлѣ—ксендзъ-іезуитъ переходитъ въ Православіе!

Дана ли была Синодомъ какая должность Торнеку, этого въ экстрактѣ не находимъ; вѣроятнѣе, что нѣтъ. Неожиданно, чрезъ три мѣсяца, весь Петербургъ былъ поднятъ на ноги: по всѣмъ улицамъ и площадямъ его и «во всѣхъ пристойныхъ мѣстахъ», въ теченіи трехъ дней, были наклеены «листы», съ объявленіемъ: «ежели кто на ксендзѣ Торнекѣ имѣетъ долги или какія дѣла, то тѣ люди должны прибыть въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію и сдѣлать тамъ объ этомъ свои заявленія....» Какая причина такой странной, подозрительной справки о лицѣ недавно пріѣхавшемъ въ Россію съ благо-

намѣренною цѣлью? Ужь не аферистъ ли онъ какой? Рѣшеніе этого загадочнаго дѣла послѣдовало скоро. Въ концѣ третьяго мѣсяца своего пребыванія въ Петербургѣ, а именно 21 Сентября, подается Торнекомъ другое прошеніе въ Синодъ, въ которомъ онъ пишетъ: «Привыкнуть къ Россійскому языку я не могъ, принять вѣру Греческаго исповѣданія я не намѣренъ, ибо познавать ее теперь я не въ силахъ». Въ концѣ онъ проситъ Синодъ выдать ему скорѣе его паспортъ и отпустить съ нимъ за границу «по водяному пути». Такимъ прошеніемъ Синодъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Были созваны члены Синода и, послѣ долгаго совѣщанія, постановили «призвать Торнека къ себѣ» и общимъ собраніемъ «блуднаго брата» поставить на путь истины. Но ксендзъ, представъ въ назначенное время предъ полнымъ собраніемъ Синода, остался «непреклоненъ». Тутъ начинается учащенная переписка между Синодомъ, Сенатомъ, Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и Главной Полицеймейстерской Канцеляріей. Синодъ дѣлаетъ запросъ у Коллегіи, какъ нужно поступить при такихъ обстоятельствахъ съ такимъ лицомъ за подобное дѣяніе. Но Коллегія яснаго отвѣта на это не даетъ. Она не можетъ найдти статьи, по которой можно было бы, согласно нашимъ законамъ или законамъ международнымъ, наказать за подобный поступокъ. Мы знаемъ, что вообще всѣ слѣдствія у насъ производились въ тѣ времена не для *разъясненія* самаго дѣла и обстоятельствъ, а лишь для того, чтобъ открыть, *совершено ли* какое преступленіе или нѣтъ. Поэтому именно Коллегія и пишетъ: «въ такомъ человѣкѣ, который принять вѣру великую сначала пожелалъ, а затѣмъ отказался, мы находимъ много прелестности», почему и совѣтуемъ «состояніе такого ксендза сначала развѣдать, не совершено ли имъ другое преступленіе, а за симъ и совсѣмъ его изъ Россіи выпустить». Но и это, не смотря на всѣ розыски, не увѣнчалось успѣхомъ. Поэтому Синодъ рѣшается писать Сенату, что «съ подобнымъ человѣкомъ ему чинить нечего, правилъ точныхъ онъ не имѣетъ», почему и представляетъ все это дѣло на разсмотрѣніе самаго Сената. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе говорили о Торнекѣ въ Петербургѣ; замять это происшествіе не было возможности; приходилось хлопотать по этому поводу и самому Миниху. Въ добавокъ Торнекъ подаетъ еще и другое прошеніе генералъ-фельдмаршалу маркизу де-Ботта-Адорно, Цесарскому посланнику, который пишетъ докладную записку въ Сенатъ, черезъ посредство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, *о скорѣйшемъ* отправленіи означеннаго патера черезъ Ригу въ «Германію» и лично по просьбѣ самаго Торнека, чтобъ его кто нибудь сопровождалъ съ «барабаннымъ боемъ», «по кратчайшей дорогѣ», «до моря». Сенатъ, не вда-

ваясь въ подробное разсмотрѣніе этого прошенія, отправляетъ его со всѣмъ дѣломъ обратно въ Синодъ. Что́ дѣлать съ такимъ неугомоннымъ человѣкомъ, никто въ Синодѣ не придумалъ, а между прочимъ требовалось по возможности быстрѣйшее рѣшеніе разыгравшагося дѣла. Поэтому Синодъ опять дѣлаетъ запросъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, «возможно ли не исполнить такое желаніе Торнека». Въ отвѣтъ на это Коллегія уже рѣшается посовѣтовать Синоду поступить съ ксендзомъ какъ съ иностранцемъ, съ «ябедникомъ», не приносящимъ пользы своимъ политическимъ «двоедушіемъ». Приказавъ Главной Полицмейстерской Канцеляріи «учинить публикацію о долгахъ ксендза» и «что́ по публикѣ явится о томъ сообщить Синоду», Коллегія посылаетъ сему послѣднему остроумный совѣтъ: «превратнаго человѣка не токмо что отсюду должно отпустить, но и выслать подлежитъ», но не съ барабаннымъ боемъ, а «съ солдатомъ, подъ конвоемъ, до города Риги, дабы онъ болѣе здѣсь не шатался». Тогда же получается Синодомъ отвѣтъ отъ Главной Полицмейстерской Канцеляріи, «что по всей публикѣ, по объявленію о долгахъ и дѣлахъ ксендза и понынѣ никто не явился». Обрадованный этимъ Синодъ, слѣдуя совѣту Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, принимаетъ съ своей стороны мѣры, клонящіяся именно къ тому, чтобы Торнекъ былъ изгнанъ изъ Россіи «со срамомъ и стыдомъ». И дѣйствительно, 21 Декабря, за подписью государыни Анны Іоанновны, выходитъ *указъ*, по которому Торнекъ отправляется этапнымъ порядкомъ «съ провожатымъ» до города Риги и отпускается за границу безъ всякаго паспорта и отзыва....*).

Это происходило, когда въ Россіи стояли на высотѣ власти Нѣмецкіе временщики, и духовенство наше не только не было у кормила управленія, а находилось подъ гнетомъ порабощавшихъ *всѣхъ и вся* Нѣмцевъ. Герцогъ Курляндскій, вассалъ Польши, обладавшій въ Лифляндіи городомъ Венденомъ, а впослѣдствіи и регентъ Россіи, Бирономъ и его соучастники согласовались въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ своихъ съ главой Священной Римской Имперіи, императоромъ Германскимъ. Всевозможные наши договоры съ Римской куріей приносили свои плоды, и Уніатскій вопросъ расширялъ все далѣе и далѣе свое значеніе. Вообще пропаганда католической вѣры появлялась отдѣльными группами отъ вершины до подножія нашей народности, но съ своимъ преобладающимъ элементомъ скорѣе въ Малороссійскомъ и западномъ краяхъ, чѣмъ въ другихъ, иногда рѣзко проявляя всю

*) Моск. Архивъ Министер. Юстиціи „Дѣла Сената по Синоду“, кн. 28 (790), стр. 1047.

свою силу и свое терпѣніе, глубокое знаніе и единодушное стремленіе къ цѣли. И до нашихъ дней на Югѣ Россіи вы проѣзжаете рядъ селеній съ церквами построенными подъ вліяніемъ католическаго духа. И что же, именно въ тотъ годъ, когда тянулись секретные переговоры у насъ съ Римской куріей, при посредствѣ дворовъ Варшавскаго и Вѣнскаго, при помощи Версальскаго, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, именно въ тотъ городъ, въ которомъ рѣшались вопросы Польши, ксендзъ, для принятія во всеуслышаніе Православія. Въ этой комедіи самая патетическая сторона происходитъ именно, когда члены Синода «увѣщевали» Торнека не отказываться отъ своего заявленія, и Торнекъ оставался «непреклоннымъ». Какъ хотите, здѣсь непремѣнно кроется необъяснившаяся тайна. Тутъ проглядываютъ попытки Римской куріи расширить власть свою. На первыхъ строкахъ катехизиса католической пропаганды занимаетъ мѣсто ихъ заповѣдь о томъ, что должно латинизировать не только южную Русь, но и сѣверную. Изъ дѣла видно, что Торнекъ прибылъ въ Россію не incognito, что хлопоталъ за него и посланникъ, и что онъ, достаточно обладая средствами для путешествія по Европѣ, вдругъ пріѣзжаетъ именно въ Россію, гдѣ и мотивируетъ свой пріѣздъ желаніемъ найдти себѣ хлѣбъ насущный въ нашей странѣ. Если бы онъ дѣйствительно намѣревался принять Православіе, то могъ бы это сдѣлать и въ Венгріи; если бы онъ стремился въ тоже время «познать истину», то посѣтилъ бы онъ и патріарка Константинопольскаго. Отсюда невольно возникаютъ вопросы, какимъ же образомъ выдавались Торнеку рекомендательныя письма для посѣщенія разныхъ «уѣздовъ» въ Россіи? Неужели онъ, объѣзжая Европу и представляясь различнымъ властямъ и разному епархіальному начальству, излагалъ имъ мотивы и причины своего путешествія? Почему онъ, подавъ прошеніе Синоду о принятіи его въ Православіе и получивъ неуклончивый отвѣтъ, откладываетъ чуть не на три мѣсяца; и послѣ, отрѣкшись, проситъ черезъ посредство маркиза Ботты скорѣе отправить его за границу, въ Германію, «съ барабаннымъ боемъ» и т. д.?

Все вмѣстѣ взятое невольно заставляетъ думать, что причиною поѣздки Торнека не было желаніе принять Православіе, а въ его путешествіи была политическая тайна, что это былъ особаго рода замыселъ, къ которому сопричастны Римскій папа, Бирон и другіе.

Д. Сапожниковъ.

МНѢНІЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ПО ПОВОДУ НАМѢРЕНІЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ОТПРАВИТЬ НА ПАРИЖСКУЮ ВСЕМІРНУЮ ВЫСТАВКУ 1867 ГОДА ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ИЗЪ МОНАСТЫРСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ РИЗНИЦЪ И КНИГОХРАНИЛИЩЪ.

При отношеніи вашего сіятельства отъ 23 сего Мая за № 3102, препровождена ко мнѣ копія съ проэкта программы, составленной Археологическимъ Обществомъ, о предметахъ, которые предполагается назначить на Парижскую выставку, и между прочимъ о такихъ, которые находятся въ церквахъ и въ церковныхъ и монастырскихъ ризницахъ, и требуется по сему предмету отъ меня мнѣніе.

Благочестіе къ святынѣ въ православной церкви и въ православномъ народѣ выше и тверже, нежели въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Крестъ, Евангеліе, евхаристическіе сосуды, освященные и употребленные въ церковномъ богослуженіи, признаются священнымй въ такой степени, что прикасаться къ нимъ имѣютъ право токмо священнослужители. Иконы, церковныя облаченія и принадлежности алтаря, какъ предметы освященные, охраняются отъ неприличнаго для нихъ мѣста и отъ смѣшенія съ мірскими предметами. Особенно чтутся облаченія, одежды и другіе предметы, бывшіе въ употребленіи святыхъ и преподобныхъ отцевъ, и покровы мощей ихъ, которые естьли выносятся изъ церквей и ризницъ, то для возложенія на больныхъ, въ надеждѣ исцѣленія отъ святыни. Чувство благоговѣнія къ святынѣ такъ строго, что нѣкоторые, увидѣвъ иконы и кресты новые, неосвященные, выставленные въ лавкахъ, приходятъ къ архіерею и просятъ прекратить сію выставку, какъ несовмѣстную съ достоинствомъ церковныхъ предметовъ.

Но что такое выставка, частная ли или всемірная? Начальный и существенный характеръ ея есть коммерческій. Это большой рынокъ, на которомъ произведенія ремеслъ и художествъ выставлены на показъ, чтобы пріобрѣсти онымъ одобреніе для увеличенія сбыта ихъ, или чтобы ихъ продать. Уже въ программѣ для выставки нестройнымъ представляется смѣшеніе предметовъ, слишкомъ разнородныхъ: кресты, Евангелія, облаченія, панагіи, палаши, шпаги, кинжалы, чарки, разсольники, ножи и вилки. Не больше ли это тяжело будетъ для православнаго взора на самой выставкѣ? Представимъ, что православные придутъ въ праздникъ въ Успенскій соборъ, и не будетъ вынесено Евангеліе царей Іоанна и Петра; придутъ въ Синодальную ризницу, и не найдутъ облаченій святителей Петра и Фотія; придутъ въ ризницу Сергіевой Лавры, и не найдутъ древнихъ покрововъ святыхъ мощей преподобнаго Сергія. И что въ объясненіе сего отсутствія имъ скажутъ? Сіи предметы теперь въ Парижѣ на выставкѣ. Православное благочестивое чувство оскорбится симъ, какъ бы перенесеніемъ сосудовъ Іерусалимскаго храма въ Вавилонъ.

По таковымъ соображеніямъ я полагаю, что не должно назначать на Парижскую всемірную выставку древнихъ церковныхъ предметовъ. И чтобы яснѣе было, къ какимъ предметамъ относится сіе мнѣніе, для сего при семъ прилагается выписка изъ исторической программы предполагаемаго Русскаго археологическаго отдѣла на Парижской выставкѣ 1867 года, о предметахъ, которые не должны быть назначены на выставку.

Что касается до предметовъ того же рода, находящихся въ общественныхъ хранилищахъ свѣтскаго вѣдомства и въ частныхъ собраніяхъ археологическихъ предметовъ, рѣшеніе конечно зависѣть будетъ отъ начальствующихъ надъ хранилищами и отъ владѣющихъ археологическими собраніями.

Желательно, чтобы всѣ поступили по одному правилу. Не безъ заботы можно думать о томъ, если неоцѣненныя и невозвратимыя археологическія сокровища, какъ напримѣръ Остромирово Евангеліе и Изборникъ Святославовъ, исторгнутые изъ своихъ хранилищъ, понесутся по длиннымъ, разнообразнымъ дорогамъ и войдутъ въ лабиринтъ Парижской всемірной выставки.

Въ Англіи и Германіи едва-ли поступятъ съ тамошними важнѣйшими древностями такъ, какъ предполагается поступить въ Россіи. Одинъ Московскій художникъ послалъ на Лондонскую выставку мра-

морное грудное изображеніе Христа Спасителя, и оно, послѣ выставки, съ трудомъ отыскано тамъ въ подвалѣ, поврежденное.

Парижская выставка требуетъ историческихъ характерныхъ произведеній. Соотвѣтствуютъ ли сему требованію Изборникъ Святославовъ, вкладная грамота, договорная грамота и проч.? Если въ Изборникѣ Святославовомъ, находящаяся въ началѣ его, картина имѣется въ виду, какъ произведеніе древняго искусства, то это напрасно. Это уже не подлинникъ, а недавняя копія. Подлинная киртина была похищена, когда рукопись была еще въ Воскресенскомъ монастырѣ, потомъ явилась въ частныхъ рукахъ и теперь находится въ Императорской Библіотекѣ или въ Оружейной Палатѣ. По сему полагаю, что Изборникъ Святославовъ можетъ оставаться въ покоѣ въ Синодальной библіотекѣ.

Мая 30-го 1866 г.

Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.

Бывшій вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ князь Гагаринъ имѣлъ также намѣреніе выписать изъ Москвы старинные церковные предметы и образовать изъ нихъ особую выставку въ академическихъ залахъ въ Петербургѣ; но это намѣреніе не было исполнено какъ и то, противъ котораго отозвался митрополитъ Филаретъ. Благочестивое церковное чувство руководствуется конечно побужденіемъ разумнымъ, не желая отдѣлять предметъ древности отъ того, что онъ выражаетъ: древностью предмета лишь усугубляется благоговѣніе къ нему, которое не должно мѣшать живому пониманію археолога. П. Б.

ВЪ „ВѢЧНУЮ ПАМЯТЬ“ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ АЛЕКСАНДРУ, АРХІЕПИСКОПУ ЛИТОВСКОМУ И ВИЛЕНСКОМУ.

Телеграммой изъ Вильны дано знать, что въ прошлое Воскресенье, 28-го минувшаго Апрѣля, въ 6 ч. 12 м. по полудни, не стало преосвященнѣйшаго Александра, архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Кто имѣлъ большое счастіе лично и близко знать этого благодушнѣйшаго іерарха, тотъ не могъ при его жизни и не можетъ по его преставленіи не питать къ нему чувствъ благоговѣйнаго почтенія и самой глубокой, самой задушевной признательности за то доброе и благодѣтельное вліяніе, которымъ онъ духовно связывалъ съ собою на всю жизнь каждаго, сколько-нибудь приближавшагося къ нему. Онъ былъ весь олицетворенная простота, доброта, искренность, привѣтливость, любовь и нестяжательность; былъ весь безъискусственный, неподдѣльный, истинно-добрый, безкорыстно-доброжелательный и въ тоже время необыкновенно-прямой человѣкъ. И теперь живо помню, какъ во время управленія Сѣверо-западнымъ краемъ графа Э. Т. Баранова (столько же честнѣйшей и благороднѣйшей души человѣка) въ одинъ изъ проѣздовъ чрезъ Вильну покойнаго Государя, тотчасъ послѣ парадnаго обѣда, за которымъ преосвященнѣйшій Александръ, тогда еще епископъ Ковенскій, викарій Литовскій, сидѣлъ рядомъ съ Государемъ и съ обычною своею искренностію и прямотою успѣлъ сообщить ему всю правду о неустановившемся еще положеніи такъ называемаго „Русскаго дѣла“ въ краѣ,—помню, какъ послѣ этого обѣда, зайдя къ преосвященному и выслушавъ все, что успѣлъ онъ передать Государю, я былъ до изумленія пораженъ его разсказомъ и—долженъ признаться,—не могъ удержаться отъ восклицанія: „Какъ, преосвященнѣйшій! Да развѣ можно такъ говорить съ Государемъ?!“—„А, развѣ можно не говорить правды Государю? Если я не угодилъ Его Величеству, то я вѣдь монахъ: пускай прикажетъ уволить меня на покой“.

Въ небольшой замѣткѣ нельзя завѣдомыми фактами подтвердить, что всѣ выше приведенные хвалебные эпитеты почившему служатъ простымъ и правдивымъ выраженіемъ его духовной сущности и его духовнаго образа.

Кто изъ насъ, служившихъ въ то историческое время въ Ковнѣ и Вильнѣ, не скажетъ, какими для всѣхъ истинными праздниками были нечастые пріѣзды почившаго въ его Ковенскую епархію: все и вся сбиралось у него, или около него, все было ему душевно-своимъ, всѣмъ онъ былъ душевно-родной? Кто не помнитъ той прощальной литургіи, которую совершалъ преосвященнѣйшій Александръ въ Ковенскомъ Александровскомъ соборѣ, передъ отъѣздомъ своимъ на самостоятельную каѳедру епископа Минскаго, когда едва окончившій со слезами на глазахъ свое сердечное прощальное съ паствою слово іерархъ слушалъ обращенную къ нему прощальную же рѣчь соборнаго священника отца Н. А. Введенскаго на текстъ „облязи съ нами“: плакалъ слушавшій, плакалъ говорившій, плакалъ губернаторъ, плакали всѣ власти, плакалъ старъ и младъ, а дамы просто рыдали. Не меньше всѣхъ насъ плакалъ и недавно упредившій преосвященнаго Александра въ селеніяхъ праведныхъ знаменитѣйшій изъ Сѣверозападныхъ іерарховъ, сотрудникъ митрополита Іосифа (Сѣмашки), живший на покоѣ въ Пожайскомъ близъ Ковны монастырѣ, архіепископъ Антоній (Зубко).

Кстати на память потомству слѣдуетъ записать еще одну подробность. Уже здѣсь въ Петербургѣ, когда новопреставившійся былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, разсказывалъ онъ мнѣ, какъ встрѣтился онъ съ усопшимъ въ маститой старости архіепископомъ Антоніемъ, когда по назначеніи въ архіепископа Литовскаго и Виленскаго впервыя пріѣхалъ въ Пожайскій монастырь и прямо изъ соборнаго монастырскаго храма прошелъ къ старцу, который уже не могъ выходить. Спѣшно направился онъ въ келію, стремясь прямо къ его креслу, чтобы обнять любимаго старца, со словами: „Здравствуйте, ваше высокопреосвященство!“ Мгновенно старецъ поднялъ и опустилъ обѣ руки ему на плечи и, что называется, какъ ребенокъ закатился въ рыданіяхъ; у гостя градомъ полились слезы. „Да успокойтесь же, владыко“, говорилъ онъ. „Еслибы вы знали, какъ я васъ люблю“, едва могъ прошептать старецъ и сталъ несчетно цѣловать старинnаго друга.

Кому изъ людей, близко знавшихъ архіепископа Александра неизвѣстно, до чего доходила его нестяжательность? Онъ былъ безсребренникъ въ истинномъ значеніи этого слова. Могу свидѣтельствовать всѣми, его знавшими, что пока онъ жилъ въ Вильнѣ, въ санѣ епископа Ковенскаго и викарія Литовскаго, у него было такъ мало средствъ и такъ много обязательныхъ взносовъ въ кассы всѣхъ православныхъ братствъ, не считая помощи лично обращавшимся къ нему бѣднякамъ, что оставалась буквально одна праздничная, да и то довольно поношенная ряса. Когда онъ ѣздилъ по тогдашней своей Ковенской епархіи, и многіе изъ мѣстныхъ Польскихъ помѣщиковъ, вмѣсто почтовыхъ, выставляли ему лучшихъ лошадей со своихъ конюшенъ, бѣднякъ-архіерей считалъ своею обязанностію платить чужимъ кучерамъ вдвое больше противъ прогоновъ и самъ какъ-то съ глазу на глазъ признался мнѣ, что не въ шутку побаивался, какъ

ему быть, если не достанетъ у него денегъ на весь переѣздъ. Не скрою и того, что̀ слышалъ отъ почтеннѣйшихъ людей изъ духовенства Минской епархіи. Тамъ получалъ почившій сравнительно много, едва-ли не вчетверо болѣе противъ того, что̀ получалъ, будучи викаріемъ; но за то такъ много раздавалъ нуждающимся и разсылалъ своимъ бѣднымъ родственникамъ по Ярославской губерніи, что когда застигло его нежданное перемѣщеніе на каѳедру архіепископа Донскаго, ему пришлось сдѣлать заемъ на переѣздъ въ Новочеркаскъ. Въ какой нуждѣ жилось ему въ Новочеркаскѣ, свидѣтельствуетъ собственноручное его письмо ко мнѣ, для оглашенія котораго въ печати еще не настало время. Но, Боже мой! — Можно-ли умолчать о томъ, съ какимъ искреннимъ смиреніемъ, простотою и спокойствіемъ, по моей же просьбѣ, онъ передалъ мнѣ въ этомъ письмѣ скудость матеріальныхъ условій, въ какихъ приходилось ему, да и его преемникамъ приходится, жить на Донской и Новочеркаской каѳедрѣ.

Не даромъ новопреставившійся архіепископъ въ мірѣ носилъ фамилію Добрынина.

Какъ на выдающуюся черту архіерейскаго его служенія слѣдуетъ указать на то, что едва-ли кто и когда-либо изъ Всероссійскихъ іерарховъ, освятилъ столько храмовъ, сколько пришлось освящать преосвященнѣйшему Александру. Въ то время, когда онъ былъ викаріемъ Литовскимъ, началось и совершилось изумительно-быстрое движеніе католиковъ въ Православіе во всей тогдашней Литовской митрополіи. И увы!—кто не помнитъ, какими клеветами заграничная, да и не одна заграничная печать сопровождала это движеніе и клеймила позорными выдумками имена такихъ ревнителей православнаго дѣла, какъ напр. К. П. Фонъ-Кауфманъ и князь Н. Н. Хованскій?

Въ заключеніе нельзя не припомнить, что преосвященнѣйшему Александру первому выпала счастливая доля сдѣлаться возстановителемъ православныхъ братствъ въ Сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь къ слову приходится оговорить одну, такъ сказать, историческую неточность. Наша современная печать обыкновенно признаетъ первымъ изъ возстановленныхъ братствъ Виленское Свято-Духовское. Такъ еще недавно читали мы, что „по изданіи... основныхъ правилъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ, первое откликнулось Виленское Свято-Духовное братство, которое, по иниціативѣ блаженной памяти митрополита Іосифа и его достойныхъ сподвижниковъ, возобновило свою дѣятельность въ 1865 году“. *) То правда, что по „изданіи правилъ“ первое откликнулось Виленское Свято-Духовское братство, но и то неоспоримо, что раньше его въ эпоху возрожденія братствъ первымъ во всемъ Сѣверо-западномъ краю возникло и начало свою благотворную дѣятельность Ковенское Свято-Никольское братство, открытое преосвященнымъ Александромъ 6-го Декабря 1864 года. При-

*) „Мысли Бѣлорусса о братствахъ, священника Флора Сосновскаго“. *Русскій Вѣстникъ*, Мартъ 1885, стр. 241.

бавлю, что и мысль объ открытіи братства, и приведеніе ея въ исполненіе, все это было плодомъ личной „иниціативы“ нынѣ приснопоминаемаго нами добраго архипастыря.

Онъ быстро двинулъ и расширилъ дѣятельность этого дѣтища своей души при помощи друзей и энергическихъ сотрудниковъ своихъ, между которыми первое, по ревности къ дѣлу, мѣсто по всей справедливости принадлежало И. Я. Шульгину. Это былъ тогда директоръ Ковенской мужской гимназіи, а потомъ помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, вскорѣ по увольненіи изъ этой должности скончавшійся въ Москвѣ (а по настоянію членовъ Ковенскаго братства и при энергическомъ содѣйствіи тогдашняго Ковенскаго губернатора, князя М. А. Оболенскаго, похороненный на Ковенскомъ городскомъ кладбищѣ). По почину И. Я. Шульгина и по настойчивому ходатайству преосвященнаго Александра графъ М. Н. Муравьевъ отпустилъ 10 т. рубл. въ распоряженіе братства на перестройку въ православный храмъ стоявшаго впустѣ рядомъ съ гимназіей и грозившаго разрушеніемъ упраздненнаго послѣ мятежа 30-хъ годовъ подоминиканскаго костела. Быстро изъ этого костела была превосходно отстроена нынѣ составляющая украшеніе города братская церковь во имя четырехъ Московскихъ святителей и чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, отличающаяся оригинальнымъ и едва-ли не единственнымъ въ Россіи иконостасомъ. Не въ десять конечно тысячъ обошлось устройство этого храма, но эту тайну И. Я. Шульгинъ никому никогда не сообщалъ и такъ и унесъ ее съ собою въ могилу. На первыхъ порахъ всѣ городскіе братчики энергически трудились на пользу братства. Завелась братская школа съ пріютомъ для найденышей и подкидышей. Крайне нуждавшимся православнымъ бѣднякамъ осмотрительно раздавались пособія. Явилось и измѣнявшееся число постоянныхъ ежемѣсячныхъ пенсіонеровъ братства. Одинъ только мудрый и не щадившій трудовъ и средствъ своихъ безсребренникъ же, Смоленскій уроженецъ, Ковенскій старожилъ и казначей братства, давно умершій о. протоіерей Ковенскаго собора, З. П. Сухановъ въ каждомъ засѣданіи членовъ совѣта братства постоянно предупреждалъ, что ему грозитъ банкротство, потому что на его кассѣ кромѣ текущихъ расходовъ тяготѣетъ превосходящій его средства долгъ. Долгъ этотъ образовался случайно. Одинъ изъ братчиковъ, извѣстный въ Ковенской губерніи торговецъ, А. А. Аржановъ пожертвовалъ для братской церкви колоколъ въ 10 пудовъ. Въ тоже время (и также по телеграфу) и для православнаго храма въ Бобруйскѣ, если не ошибаюсь, былъ заказанъ колоколъ въ 80 пудовъ. Вдругъ, къ удивленію всѣхъ Ковенскихъ братчиковъ, на Ковенской станціи желѣзной дороги оказался колоколъ въ 80 слишкомъ пудовъ. Вскорѣ дѣло разъяснилось весьма просто: какой-то телеграфистъ гдѣ-то перепуталъ заказы. Ковенское братство подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Ковенскимъ губернаторомъ А. Г. Казначеева (теперь сенатора) рѣшилось просить А. А. Аржанова уплатить за присланный колоколъ; а стоимость лишнихъ противъ его пожертвованія семидесяти слишкомъ пу-

довъ зачислить въ безпроцентный долгъ на братствѣ, съ тѣмъ, чтобы оно по мѣрѣ своихъ средствъ покрывало его. А. А. Аржановъ безотговорочно согласился. Къ началу 1867 года средства братства оказывались до крайности скудныя. Кого можно было пригласить изъ иногородныхъ, всѣ были уже приглашены въ братчики и исправно высылали свои вклады. Вотъ гонѣли почти всѣ мы, служившіе тогда въ Ковнѣ, на Страстной. Сходимся во Вторникъ или въ Среду къ преждеосвященной обѣднѣ и видимъ, что у стѣны за правымъ клиросомъ стоитъ плащаница, сравнительно съ этою ветхою въ аршинъ съ небольшимъ, какою мы пользовались заимообразно у Ковенскаго собора, роскошная. „Откуда? Что стоитъ?“ шепчемся. „Да выписалъ А. А. Аржановъ. „Пожертвовалъ?“—„Нѣтъ, а выписалъ, зная, что въ ней есть нужда“.—„Гдѣ же взять 150 рубл.?“—„Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же взять, если въ кассѣ братства было что-то не болѣе 2 рубл., а ежемѣсячнымъ пенсіонерамъ нужно было платить 45 рубл.?“—„Неужели же откажемся отъ плащаницы?“ говоритъ тогда губернаторъ, тотъ же А. Г. Казначеевъ: „черезъ два дня она намъ нужна. Иванъ Яковлевичъ (обращаясь къ Шульгину, какъ къ церковному старостѣ) обойдите скорѣе церковь съ блюдомъ на плащаницу“. Шульгинъ обошелъ, и собрано было больше, чѣмъ нужно. Наступилъ и свѣтлый праздникъ. Отца казначея очень заботило, чѣмъ и какъ уплатить пенсіонерамъ. И вотъ отъ 30 Апрѣля 1867 года за № 184 братство получило изъ Вильны письменное предложеніе своего предсѣдателя, т.-е. преосвященнѣйшаго Александра, со вложеніемъ письма митрополита Филарета (который въ самый день открытія братства былъ избранъ нами въ почетные его члены, но одинъ изъ всѣхъ тогда же избранныхъ іерарховъ отвѣчалъ на это избраніе молчаніемъ).

Въ свое время оба эти письма были напечатаны въ годичномъ отчетѣ братства. Считаю позволительнымъ въ „вѣчную память“ обоимъ перепечатать эти письма.

Преосвященный Александръ отъ 30-го Апрѣля 1867 года, № 184, писалъ такъ:

Въ Совѣтъ Ковенскаго Свято-Никольскаго братства.

„Его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, при письмѣ своемъ отъ 15-го Апрѣля *), на мое имя препроводилъ въ распоряженіе мое и Ковенскаго братства пятьсотъ рублей въ пользу церквей, устрояемыхъ и благоустрояемыхъ братствомъ. Препровождая при семъ эти пятьсотъ рублей и копію замѣчательнаго письма въ Совѣтъ братства, позволяю думать, что братство Свято-Никольское за такое вниманіе и сочувствіе къ его дѣятельности почтитъ высокознаменитаго іерарха Русской Православной церкви соотвѣт-

*) Непонятно, почему письмо, подписанное 15-го Апрѣля, слишкомъ поздно было получено преосв. Александромъ.

ственнымъ благодарственнымъ адресомъ, а деньги (500 рубл.) употребитъ согласно съ назначеніемъ.

На подлинномъ подписано: Александръ, епископъ Ковенскій.

На копіи съ письма митрополита Филарета рукою преосв. Александра написана помѣтка: „Получ. 29 Апрѣля.“ Вотъ дословный текстъ копіи:

„Преосвященнѣйшій владыко,

„Достопочтенный о Господѣ братъ,

„Христосъ воскресе!“

„Помяните сихъ дней слово: *простимъ вся воскресеніемъ* и, простивъ мнѣ вину молчанія, примите въ мирѣ мое мирное слово.

„Христосъ воскресе! Простираю объятія и цѣлованія мира, любви и сорадованія къ вамъ и, въ лицѣ вашемъ, къ предводимому нами Ковенскому Свято-Никольскому братству. Да будетъ полна и совершенна наша радость о воскресшемъ Господѣ и какъ, по священному слову, *радость Господня есть сила наша*, то и да будетъ она дѣйствительно нашею силою къ охраненію, укрѣпленію и расширенію Православія въ области вашего дѣйствованія.

„Вашего преосвященства

„Покорнѣйшій слуга

„Филаретъ, м. Московскій“.

№ 152, 15 Апрѣля 1867.

Его преосвященству
Александру, епископу Ковенскому.

Я видѣлъ подлинное письмо. Оно писано на почтовомъ листѣ большаго формата и окончено на второй его страницѣ, а на третьей сдѣлана слѣдующая приписка:

„Представляются въ распоряженіе вашего преосвященства и братства посылаемые при семъ пятьсотъ рублей, въ пользу церквей имъ устрояемыхъ и благоустроенныхъ“.

„Въ числѣ оныхъ 200 рублей отъ благотворителя, который имѣющую получить пособіе церковь проситъ помолиться о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ Валентина и Татіаны“.

„Ф. м. М.“

Имена эти тогда же внесены въ синодикъ братства. Какъ братчикъ-учредитель и бывшій дѣлопроизводитель его, тогда же я снялъ точныя копіи съ приведенныхъ выше писемъ.

Н. Новиковъ.

С.-Петербургъ
1-го Мая 1885.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

II *).

Сеймское судоходство.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ жилъ помѣщикъ М. А. Пузановъ, считавшійся въ то время хорошимъ хозяиномъ и краснорѣчивымъ ораторомъ. На губернскихъ выборахъ въ Курскѣ въ концѣ 30-хъ годовъ онъ предложилъ проэктъ объ устройствѣ судоходства по р. Сейму, какъ извѣстно, впадающему въ Десну, а сія послѣдняя въ Днѣпръ. Рѣка Сеймъ теченіемъ своимъ захватываетъ лучшіе по хлѣбородію уѣзды Курской губерніи, которая, по неимѣнію хорошихъ путей сообщенія, затруднялась тогда сбытомъ хлѣба, вслѣдствіе чего, по избытку его, онъ былъ очень дешевъ.

Предложеніе Пузанова заключалось въ томъ, чтобы устроить по Сейму судоходство и, какъ онъ говорилъ, облагодѣтельствовать тѣмъ всю губернію; на устройство же этого судоходства требовалось, однако, по его разсчетамъ, около милліона рублей. Извѣстно, что во время крѣпостнаго права всѣ раскладки по повинностямъ съ дворянскихъ имѣній дѣлались по числу ревизскихъ душъ, считавшихся за каждымъ помѣщикомъ. Дворяне сообразили, что это не очень много на 500 тысячъ помѣщичьихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что раскладка предполагалась не разомъ, а съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ, включая при томъ въ эту сумму, кромѣ устройства судоходства, и содержаніе его въ исправности.

Дворянство увлеклось предполагаемыми выгодами отъ сбыта своихъ произведеній и поручило Пузанову хлопотать объ утвержденіи его проэкта и, при содѣйствіи бывшаго тогда Курскаго губернатора Михаила Николаевича Муравьева, хлопоты эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Проэктъ не только былъ утвержденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, но, въ снисхожденіи на просьбы дворянъ, разрѣшено именовать Сеймское судоходство «Александрійскимъ», въ честь императрицы Александры Ѳеодоровны.

---

*) См. выше, стр. 149.

Закипѣла работа по тихимъ берегамъ Сейма. Устроивались шлюзы, сносились мельницы и плотины, отводилась луговая земля по берегамъ рѣки для бичевниковъ и тому подобныхъ сооруженій. Инженеры начали работы. Графъ Клейнмихель, какъ начальникъ путей сообщенія и богатый Курскій помѣщикъ по имѣніямъ своей жены, принималъ дѣятельныя мѣры и зорко слѣдилъ за успѣхомъ инженерныхъ работъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, работы по Александрійскому судоходству окончились. Затрачено на него было болѣе милліона рублей.

Пузановъ получилъ камергера. Остановка вышла только за движеніемъ судовъ. Нужно было, чтобы суда вывозили Курскій хлѣбъ и пеньку, а привозили бы изъ-за Днѣпра лѣсъ и другія произведенія, въ которыхъ нуждалась Курская губернія. Но этого-то и не случилось. За все время существованія Александрійскаго Сеймскаго судоходства одинъ только разъ пришелъ къ Курску не то пароходъ, не то барка съ досками и тѣсомъ, и то не совсѣмъ благополучно. Тѣмъ и окончилось судоходство, отъ котораго такъ много ожидали. И вышло, что гора родила мышь.

Однако сборы на Сеймское судоходство продолжались съ дворянскихъ имѣній еще нѣсколько лѣтъ. Нужно было содержать инженеровъ, рабочихъ, исправлять шлюзы, бичевники и тому подобное. Словомъ сказать, расходы большіе, а пользы никому и никакой, кромѣ развѣ инженеровъ. Какъ быть? Дворяне обыкновенно съѣзжаются на выборы въ три года разъ, причемъ они имѣютъ право разсуждать, между прочимъ, о своихъ пользахъ и нуждахъ. Въ 1849-мъ году были выборы, и тогда-то, наконецъ, былъ возбужденъ вопросъ о совершенной безполезности и даже вредности Александрійскаго Сеймскаго судоходства.

Сначала обратились съ запросомъ къ камергеру Пузанову, почему по р. Сейму не ходятъ пароходы? Онъ отвѣчалъ, что онъ не повиненъ въ отсутствіи предпринимателей и капиталистовъ, которые бы рѣшились устроить суда для перевозки и рискнуть своими средствами на это предпріятіе; что его идея и проектъ однако осуществились, чему можетъ служить доказательствомъ устроенное судоходство; но, чтобы вполнѣ окончить это предпріятіе, нужно самимъ господамъ дворянамъ начать пользоваться судоходствомъ. Но такъ какъ для этого опять нужны были большія затраты, то господа дворяне и слышать объ этомъ не хотѣли, испытавши горькимъ опытомъ, какую выгоду принесли ихъ пожертвованія. Сдѣлано постановленіе просить объ уничтоженіи только на бумагѣ, а не на практикѣ существующаго судоходства.

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ въ Курскъ управляющій путями сообщенія графъ Клейнмихель. Губернскимъ предводителемъ былъ въ то время своякъ его Аркадій Аркадіевичъ Нелидовъ. Уѣздные предводители были по какому-то дѣлу въ сборѣ въ Курскѣ во время пріѣзда Клейнмихеля и, пользуясь его пребываніемъ, просили Нелидова узнать о судьбѣ Сеймскаго судоходства, такъ какъ уже послѣдовало представленіе о желаніи дворянства его уничтожить. Нелидовъ сообщилъ намъ, что онъ говорилъ объ этомъ графу Клейнмихелю; но тотъ ему отвѣчалъ, что по службѣ своей онъ обязанъ созидать и сооружать, а никакъ не уничтожать существующее. Тогда уѣздные предводители сами рѣшились обратиться къ графу. Онъ принялъ насъ очень любезно; но, когда мы стали объяснять ему всю ничтожность и безполезность этого судоходства, о которомъ онъ самъ, вѣроятно, хорошо зналъ, то онъ замѣтилъ: «Господа! Какъ я могу приступить къ этому? Вы забываете, какое имя носитъ это судоходство? Имя нашей обожаемой Императрицы.» — «Совершенно вѣрно, ваше сіятельство», возразилъ я; «но мы потому-то и просимъ, что несуществующее судоходство недостойно носить столь высокое имя». Графъ быстро обратился ко мнѣ и сказалъ: «Вы мнѣ дали новую идею, которой я постараюсь воспользоваться.»

Въ этотъ же вечеръ мы были приглашены къ Нелидову, у котораго остановился графъ Клейнмихель. Было большое сборище гостей. При этомъ не могу не вспомнить объ одномъ эпизодѣ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ студентъ Московскаго университета Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ съ своей хорошенькой невѣстой мамзель Хрущовой. Такъ какъ у Нелидова все происходило неиначе, какъ по программѣ, то и въ этотъ вечеръ значилось, что передъ началомъ танцевъ будетъ играть на фортепіано Рубинштейнъ, тогда едва еще начинавшій свое музыкальное поприще. Собрались гости; не всѣ однако были любителями музыки. Во время игры Рубинштейна, можетъ быть и хорошей, но слишкомъ продолжительной, слушатели видимо начали скучать. Графъ Клейнмихель, бывшій тутъ же, увидавъ меня, взялъ подъ руку и направился въ другую комнату, говоря: «Какъ это странно, что Аркадій Аркадіевичъ занимаетъ своихъ гостей бренчаньемъ какого-то мальчишки». Тогда не предполагали, конечно, въ этомъ мальчишкѣ будущей знаменитости музыкальнаго міра.

Затѣмъ разговоръ опять направился на Сеймское судоходство. «А я вамъ очень, очень благодаренъ», сказалъ графъ, «что вы высказали вашу мысль на счетъ того, что судоходство это не достойно носить имя Императрицы; иначе я бы находился въ крайнемъ затрудненіи, какъ доложить Императору, что судоходство необходимо уничтожить».

Вскорѣ послѣ этого послѣдовало высочайшее повелѣніе уничтожить всѣ сооруженія по р. Сейму и, по просьбѣ дворянъ, обратить весь оставшійся капиталъ на содержаніе воспитанниковъ изъ дворянъ въ пансіонѣ при Курской гимназіи. Всѣ дворяне были очень довольны, что перестали, наконецъ, платить на судоходство, чего нельзя было, впрочемъ, сказать объ инженерахъ, оставленныхъ за штатомъ, да Щигровскаго помѣщика Михаила Александровича Пузанова, котораго всѣ стали называть водянымъ эксъ-камергеромъ.

III.

Какъ взыскивалъ недоимки Курскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ.

Въ Курскую губернію назначенъ былъ въ концѣ 30-хъ годовъ губернаторомъ М. Н. Муравьевъ, какъ говорили тогда, для исправленія губерніи. Его предшественникъ, Павелъ Николаевичъ Демидовъ, не былъ дѣловымъ губернаторомъ, но какъ человѣкъ очень богатый, жилъ въ Курскѣ роскошно и давалъ безконечные балы и обѣды *). Разсказывали, что былъ у него метрдотель Французъ, который распоряжался его домашнимъ хозяйствомъ, и вмѣсто жалованья получалъ 10% съ затрачиваемой суммы на угощенія, причемъ Демидовымъ требовалось, чтобы гости угощались на славу. Можно себѣ представить, сколько тратилъ денегъ этотъ Французъ. Курскіе дворяне очень любили Демидова за его роскошныя угощенія; да къ тому же онъ былъ къ нимъ снисходителенъ по взысканію казенныхъ недоимокъ, которыя къ пріѣзду Муравьева достигли громадныхъ размѣровъ; ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, разсчитывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разнымъ случаямъ.

Не такъ на это дѣло посмотрѣлъ вновь прибывшій губернаторъ М. Н. Муравьевъ. Прежде всего обративъ вниманіе на взысканіе недоимокъ, онъ предписалъ полиціи дѣйствовать энергично и, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было, немедленно приступать къ продажѣ имуществъ, на основаніи законовъ, въ случаѣ же уклоненія полицейскихъ чиновниковъ и неисполненія его предписаній, отрѣшалъ ихъ отъ должности. Вѣдомости объ уплатѣ недоимокъ со всѣхъ уѣздовъ еженедѣльно поступали прямо къ Муравьеву, и по нимъ онъ могъ судить о дѣйствіяхъ полиціи.

Вотъ какъ однажды самъ М. Н. Муравьевъ поступилъ съ одной Обоянской помѣщицей, по фамиліи, кажется, Ступиной. Пріѣзжаетъ къ

*) По словамъ Кристина, П. Н. Демидовъ платилъ отъ себя большія деньги Курскимъ чиновникамъ за то, чтобы они не брали взятокъ (Р. Архивъ 1884, III, 156, въ приложеніи).

нему дама въ каретѣ, запряженной шестеркой. Губернаторъ принимаетъ ее и внимательно выслушиваетъ жалобу на исправника и становаго, которые, по ея словамъ, хотятъ разорить ее: составили опись и за недоимку приступаютъ къ продажѣ такихъ предметовъ, которые ей необходимы, какъ напр. экипажи, лошади и т. п.; чего-де никогда не бывало въ уѣздѣ. Она обѣщалась имъ уплатить всю недоимку осенью, когда продастъ хлѣбъ, но, такъ какъ ей не внемлятъ, то она и рѣшилась просить его превосходительство заступиться за нее и отмѣнить распоряженіе полиціи.

Справившись по вѣдомости, Муравьевъ увидалъ, что эта госпожа изъ тѣхъ, что̀ несомнѣнно дожидаются милостиваго манифеста, ибо она уже нѣсколько лѣтъ вовсе не платила податей. Тогда Муравьевъ попросилъ ее обождать въ гостиной, пока онъ сдѣлаетъ свои распоряженія. Затѣмъ онъ немедленно приказалъ полицеймейстеру отправиться на площадь, и тамъ съ барабаннымъ боемъ продать съ аукціона карету и лошадей г-жи Ступиной; кучера и форейтора прислать обратно къ его подъѣзду, а деньги, вырученныя отъ продажи, также доставить къ нему. Часа черезъ два полицеймейстеръ въ точности исполнилъ приказаніе губернатора и принесъ вырученныя съ аукціона деньги, по полученіи которыхъ Муравьевъ написалъ Обоянскому исправнику, что часть недоимки отъ г-жи Ступиной, на такую-то сумму, поступила въ уплату, и запечатанный пакетъ на имя исправника передалъ ожидавшей его распоряженій г-жѣ Ступиной, сказавъ ей при этомъ, что, вѣроятно, исправникъ по прочтеніи этой бумаги не будетъ такъ много взыскивать съ нея недоимки. Г-жа Ступина разсыпалась въ благодарностяхъ и направилась къ выходу вполнѣ довольная. Можно себѣ представить ея удивленіе, когда у подъѣзда она не нашла своей кареты, а кучеръ и форейторъ встрѣтили ее пѣшкомъ. При этомъ случился и полицеймейстеръ, который и сообщилъ ей о распоряженіи губернатора. Пораженная барыня хотѣла возвратиться для объясненія съ Муравьевымъ, но ея не приняли.

Послѣ этого случая и рѣшительныхъ дѣйствій полиціи многіе неплательщики, не дожидаясь милостиваго манифеста, стали уплачивать недоимку, а Муравьевъ получилъ высочайшую благодарность за успѣшное взысканіе въ Курской губерніи податей и недоимокъ.

Вообще управленіе губерніею М. Н. Муравьевымъ отличалось рѣзкостью дѣйствій, о чемъ долго послѣ вспоминали чиновники, служившіе при немъ.

Н. Рѣшетовъ.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ *).

1.

Передъ вами Бенедиктовъ, живая грамота и живая рекомендація. Сведите его съ Баратынскимъ, Хомяковымъ, Павловымъ и скажите имъ всѣмъ мой дружескій поклонъ [1]).

Сердечно васъ благодарю, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, за вашу прекрасную статью о Дмитріевѣ. Вы очень вѣрно, живо и художественно характеризовали поэта, человѣка, современника Державину и Бенедиктову,—живое столѣтіе, въ глазахъ коего Пушкинъ успѣлъ родиться, созрѣть и умереть. Жаль только, что «Московскія Вѣдомости» немногими читаются или, правильнѣе, многими не читаются. Я совѣтовалъ Краевскому перепечатать вашу статью въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», хотя и они читаются немногими, и прихожане ихъ развѣ однѣ

Набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ.

Плохо приходится намъ старожиламъ: такъ смерть и перебираетъ нашихъ. Вѣкъ Карамзина и Дмитріева смѣняется вѣкомъ Сенковскаго и Булгарина. Поляки въ Кремлѣ, и періодъ Самозванцевъ твердо и торжественно означается въ исторіи литературы нашей. Бодрствуйте и сохраняйте свято и ненарушимо преданія и вѣру предковъ, вы, поколѣніе среднее и цвѣтущее; а на насъ стариковъ не надѣйтесь: мы доживаемъ свой вѣкъ бобылями изъ милости и Христа-ради. Можемъ за васъ только молиться Богу, а помогать вамъ уже не въ силахъ [2]).

---

*) Сообщены старшимъ сыномъ Шевырева Борисомъ Степановичемъ и печатаются съ дозволенія князя Павла Петровича Вяземскаго. П. Б.

[1]) Поэтъ Бенедиктовъ въ 1835 году выступилъ съ книжкою звонкихъ стиховъ своихъ. Онъ служилъ тогда мелкимъ чиновникомъ въ Министерствѣ Финансовъ. Кн. Вяземскій (служившій тамъ же) съ неизмѣннымъ сочувствіемъ относился къ нему.

[2]) Князь Вяземскій прожилъ еще слишкомъ сорокъ лѣтъ, сохраняя неувядающее дарованіе и, напротивъ, крѣпчая и свѣжѣя въ литературной силѣ. Шевыревъ скончался 14 лѣтъ ранѣе его. Обоимъ пришлось дожить вѣкъ въ чужихъ краяхъ.

Я слышалъ, что заботливостью М. П. Погодина снята была маска по кончинѣ Дмитріева. Хорошо было бы заказать бюстъ его и поднести Московскому университету. Откройте подписку въ Москвѣ, а я стану здѣсь подбирать подписчиковъ. И въ такомъ случаѣ слѣдовало бы заказать эту работу здѣсь въ Академіи Русскому художнику.

Сдѣлайте одолженіе, спросите М. П. Погодина, получилъ ли онъ письмо мое, писанное къ нему еще лѣтомъ? Я узнаю, къ сожалѣнію моему, что онъ сердился за неисправное напечатаніе стиховъ Пушкина: «Герой». Тутъ вины моей не было: я тогда сидѣлъ безъ глазъ и поручилъ корректуру Коркунову; но и онъ, кажется, не виноватъ, а списокъ былъ неисправенъ. Присланный же изъ Москвы списокъ оставался у Жуковскаго. Неужели загробный журналъ Пушкина не означится и вашимъ именемъ? Дайте что-нибудь намъ въ «Современникъ». А я опять помышляю о своей «Старинѣ и Новизнѣ». Не кинете ли чего-нибудь и въ мою суму? Простите. Съ искреннимъ почтеніемъ вамъ душевно преданный Вяземскій.

С. Петербургъ, 29 Октября 1837.

2.

С. Петербургъ, 25 Іюня 1841.

Читаю «Москвитянинъ» съ большимъ удовольствіемъ, и вообще онъ здѣсь хорошо принятъ. Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы. Помните припѣвъ Пушкина

Не спи казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ бродитъ за рѣкой.

то-есть жандармы бродятъ за рѣкой или: Булгаринъ бродитъ за рѣкой. Ваша благонамѣренность и добросовѣстность не спасутъ васъ. Все можно перетолковывать, а толковники сыщутся. Боюсь, напримѣръ, за вашу послѣднюю статью о Христіанской Философіи. Тутъ могутъ быть для васъ опасны Чеченцы Православія. Не забывайте, что и

Монахи бродятъ за рѣкой.

Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстью, и думаете, что довольно. Ни чуть! Есть еще тысяча другихъ необходимыхъ условій. Позвольте мнѣ еще одно замѣчаніе. Въ вашей критикѣ, то-есть въ вашемъ способѣ из-

ложенія, желалъ бы я болѣе разнообразія. Все что̀ вы говорите дѣльно, умно и хорошо сказано; но вы всегда говорите съ каѳедры. На каѳедру можно иногда взбираться, но когда разбираемая книга того сто́итъ. Напримѣръ, въ критикѣ о Курдюковой vous l'avez pris trop au sérieux [3]). Сами же вы сказали, что эта фарса и прекрасно опредѣлили что̀ фарса и что̀ комедія. Но фарсою и трактуйте ее. Мятлевъ мастеръ врать стихами и прозою, и ему захотѣлось поврать о томъ о семъ, обо всемъ и о прочемъ, и онъ выбралъ Курдюкову сосудомъ вранья своего, какъ Байронъ Чайльдъ-Гарольда сосудомъ поэзіи своей. Разумѣется, Курдюковой характеръ не выдержанъ, но чортъ-ли въ ней и чортъ-ли въ ея характерѣ? Тутъ одинъ Мятлевъ на сценѣ, который почти всегда забавно и часто очень остроумно дурачится. А о планѣ, о цѣли онъ и не помышляетъ. Я ничего не пишу; но если бы когда-нибудь пробудилась рука моя, то охотно принесу вамъ дань.

3.

Умомъ и сердцемъ благодарю васъ за статью о Пушкинѣ. Читая такія статьи, перестаешь отчаяваться въ Русской литературѣ и отдыхаешь отъ падающихъ на насъ обваловъ *громадныхъ* критиковъ нашихъ. Замѣтили-ли вы выраженіе «Отечественныхъ Записокъ»: *громадный* талантъ Лермонтова? Что за пустая должно быть голова, въ которой вмѣщаются и изъ которой валятся такія громадныя нелѣпости!

Царское Село, 22 Сентября 1841.

Кстати о Лермонтовѣ. Вы были слишкомъ строги къ нему. Разумѣется, въ талантѣ его отзывались воспоминанія, впечатлѣнія чужія; но много было и того, что̀ означало сильную и коренную самобытность, которая въ послѣдствіи одолѣла бы все внѣшнее и заимствованное. Дикій поэтъ, то-есть неучъ, какъ Державинъ напримѣръ, могъ быть оригиналенъ съ перваго шага; но молодой поэтъ, образованный какимъ бы то ни было ученіемъ, воспитаніемъ и чтеніемъ, долженъ неминуемо протереться на свою дорогу по тропамъ избитымъ и сквозь рядъ нѣсколькихъ любимцевъ, которые пробудили, вызвали и, такъ сказать, оснастили его дарованіе. Въ поэзіи, какъ въ живописи, должны быть школы. Оригинальность, народность великія слова; но можно о нихъ много потолковать. Не принимаю ихъ за безусловныя заповѣди.

[3]) Вы слишкомъ придали ей важности.

4.

10-е Іюня 1842 г.

Вы, безъ сомнѣнія, письменно уже знаете m-r Marmier, извѣстнаго литератора и сѣвернаго путешественника, коего статьи читали въ Revue des Deux Mondes и въ Revue de Paris. Теперь прошу васъ познакомиться съ нимъ лично. Онъ намъ здѣсь очень понравился любезностью и простодушіемъ своимъ. Надѣюсь, что и вы оцѣните и полюбите его. Онъ пробудетъ въ Москвѣ дней десять и жаждетъ видѣть все и всѣхъ. Помогите ему въ этомъ дѣлѣ и будьте ему, по возможности, указателемъ и путеводителемъ. Познакомьте его съ Московскою древностью и съ Московскимъ и Русскимъ грядущимъ, то-есть съ нѣкоторыми изъ вашихъ цвѣтущихъ и разцвѣтающихъ дарованій.—Передъ отъѣздомъ М. П. Погодина изъ Петербурга я далъ ему маленькую памятную записку о моемъ «Адольфѣ» и «Фонъ-Визинѣ» для переговора съ книгопродавцемъ Салаевымъ. Онъ обѣщался справиться и увѣдомить меня о томъ что̀ узнаетъ. Нынѣ слышу, что Михаилъ Петровичъ отправился за границу. Не знаете ли, успѣлъ ли онъ что сдѣлать по моей просьбѣ?

5.

С.-Петербургъ, 16-е Октября 1842 г.

Графъ S-t Priest, авторъ книги De la Royauté, желаетъ, чтобы Русскій журналъ поговорилъ о ней. Желаніе это передано мнѣ отцемъ его, который теперь здѣсь, а я передаю его вамъ. Если нѣтъ вамъ времени и охоты заняться подробною рецензіей этой книги, не передадите ли вы этотъ трудъ Хомякову или кому-нибудь изъ молодыхъ вашихъ университетскихъ сочленовъ, слѣдующихъ за развитіемъ историческихъ вопросовъ? Авторъ заслуживаетъ вашего вниманія, потому что онъ полу-Русскій по матери, урожденной кн. Голицыной, родился и едва ли не образовался въ Россіи и перевелъ на Французскій языкъ Недоросля, напечатаннаго въ Théâtre Étranger. Отецъ его, нынѣшній перъ Франціи, былъ въ нашей службѣ и губернаторомъ въ одной изъ Новороссійскихъ губерній. Сдѣлайте одолженіе, потѣшьте родительское самолюбіе автора и познакомьте Русскихъ читателей съ книгою его.

6.

С.-Петербургъ, 22-го Января 1843 г.

Почему печатаете вы *этъ*, напримѣръ: *изъ этъхъ авторовъ* (№ 11, стр. 111, статья о Линде)? Потому, вѣроятно скажете вы, что пишутъ и говорятъ *тъ*, а не *ти*; но мало ли есть узаконенныхъ уклоненій и измѣненій, которыя должно принять за давностью? А то, право, отъ этихъ или *этъхъ* безпрерывныхъ перемѣнъ въ правописаніи такъ сбиваешься съ толку, что въ тупикъ приходишь передъ каждымъ словомъ и не знаешь, какъ писать. Во всѣхъ языкахъ признаютъ обыкновенно правописаніе извѣстныхъ писателей и слѣдуютъ ему безусловно. У насъ Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ держались одного правописанія, т.-е. Карамзинскаго; къ чему измѣнять его? Давно сказано, что общепринятое употребленіе—тиранъ. Эта тиранія сносна и даже полезна. А вы заводите анархію: что̀ журналъ, то новое правописаніе, и тѣмъ кончится, что не оставятъ ниже единаго живаго слова. Войдите въ положеніе обучающагося юношества: у семи нянь дитя безъ глазъ, а у васъ безъ грамоты, за избыткомъ и разнородіемъ грамотѣевъ. Я уже, слава Богу, не дитя; а право у меня рябитъ въ глазахъ и въ памяти отъ множества правописаній, и я задумываюсь надъ каждымъ словомъ. Всѣ мои вѣрованія, преданія и обычаи потрясены и смѣшаны.

7.

10-го Марта 1843 г.

Поручаю благосклонности меломана, журналиста и Москвича подательницу сихъ строкъ m-lle Merti. Знаю, что вы, по просьбѣ моей и Булгакова, уже помѣстили нѣсколько доброжелательныхъ строкъ о ней въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Благодарю и покорнѣйше прошу довершить доброе начало.—Вотъ вамъ литературный коммеражъ: баронъ Розенъ жалуется на издателей «Москвитянина», котораго они ему не присылаютъ, тогда какъ онъ далъ напечатать въ немъ и безденежно повѣсть, за которую предлагали ему здѣсь 500 рублей. Читали ли вы въ Revue des deux Mondes статью Marmier о Троицкомъ монастырѣ? Спросите ее у Булгакова. Надобно бы вамъ собраться съ Московскими православниками и пощелкать его за промахи и недоброжелательство. Онъ меня поддѣлъ своимъ добродушіемъ. Ужъ нельзя Французу не поврать и не поумничать! Да къ тому же есть и желчь, хотя и жиденькая и разведенная водицею. Составьте ваши замѣчанія и пришлите мнѣ, а я могу ихъ облечь во Французскую редакцію и переслать въ Парижъ.

8.

6-го Апрѣля 1844 г.

Сынъ мой проситъ меня изъ Константинополя прислать ему «Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ», изданное Чертковымъ. Я безуспѣшно искалъ этой книжки въ здѣшнихъ лавкахъ и обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою доставить мнѣ ее въ возможной скорости. Я также просилъ васъ или М. П. Погодина, или г-жу Павлову, не помню кого именно, о высылкѣ мнѣ Московскихъ автографовъ, которыхъ требуютъ отъ меня изъ Царьграда и изъ Берлина. Помогите мнѣ и въ этомъ. Сдѣлайте одолженіе, передайте мою благодарность г-ну Бодянскому за его пріятный подарокъ, а также и новому сослуживцу вашему, Кавелину, которому буду писать особенно.

9.

С.-Петербургъ, 17-го Января 1845.

Приношу «Москвитянину» смиреннную лепту, которую швырнулъ я въ лобъ Булгарину по случаю его статьи о Крыловѣ. Надѣюсь, что въ «Москвитянинѣ» напечатаете вы и объявленіе о памятникѣ Крылову и пригласите Московскую публику отозваться на Петербургскій вызовъ. Тутъ главное: допущеніе и освященіе нравственнаго или умственнаго начала, что грамотою, что стихами, одними стихами, можно и на Руси дослужиться до высшей народной, государственной награды и стать, хотя и по смерти, рядомъ съ великими полководцами, фельдмаршалами, Георгіевскими и Андреевскими кавалерами. Это великій и первый шагъ въ этомъ родѣ. Памятники Державина, Карамзина не имѣютъ такого сильнаго значенія; да къ тому же они поставлены въ захолустьяхъ, въ тѣни, а этотъ будетъ торчатъ, колоть глаза на большой Петербургской дорогѣ, на солнцѣ. Здѣшняя литературная сволочь очень нападаетъ на мое объявленіе. Этимъ заправщикамъ и поставщикамъ всѣхъ литературныхъ предпріятій досадно видѣть, что обошлись безъ нихъ.

10.

26-го Марта 1847.

Имя графа Сюзора должно вамъ быть уже извѣстно по Петербургскимъ журналамъ. Онъ ѣдетъ въ Москву, и я поручаю его благосклонности вашей. Онъ очень добрый и порядочный человѣкъ и мно-

гими въ жизни испытаніями и превратностями заслуживаетъ сочувствія и участія.

Я было крѣпко и опасно прихворнулъ. Теперь остается только нѣкоторая слабость и унынiе духа, Скажите Павлову, что первое письмо его къ Гоголю очень умно, но слишкомъ зло и жестоко, а слѣдовательно нѣсколько и несправедливо. Вообще наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ смотрѣлъ бы баринъ на крѣпостнаго человѣка, который въ домѣ его занималъ мѣсто сказочника и потѣшника и вдругъ сбѣжалъ изъ дома и постригся въ монахи. Баринъ не спрашиваетъ, по призванію ли свыше онъ это сдѣлалъ, ради ли спасенія души своей? Ему до того нѣтъ дѣла. Онъ подаетъ въ судъ явочное прошеніе, требуетъ обратно потѣшника своего и мысленно уже по возвращеніи его сѣчетъ его на конюшнѣ своей за то, что онъ смѣлъ предпочесть чтеніе *Отче Нашъ* чтенію или разсказу про Ивана-дурачка. Сказываютъ, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда былъ того мнѣнія, что вы, Хомяковъ и другіе слишкомъ преувеличивали достоинство его, придавали ему произвольно значеніе, которое было ему не въ мѣру, и такимъ образомъ производили вредное дѣйствіе и на общее мнѣніе, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы неправы, если не сочувствуете книгѣ его. Разумѣется, въ ней много странностей, излишествъ, натяжекъ, натугъ; но все это было и въ прежнихъ твореніяхъ его, въ которыхъ вы видѣли преобразованіе, возрожденіе, преображеніе литературы нашей. Въ Гоголѣ много истиннаго, но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ не натураленъ; много здраваго, бодраго, но онъ самъ болѣзненъ. Былъ таковымъ прежде: таковъ и нынѣ.

11.

С.-Петербургъ, 7-го Ноября 1848.

Я еще не благодарилъ васъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, за вашъ внимательный и благосклонный разборъ моего «Ф. Визина». Надѣюсь, что молчанія моего вы не приписываете неблагодарности. Но за внѣшними революціями и за внутреннею холерою, право, какъ-то не писалось. Не стану хвалить вашъ разборъ, потому что такою похвалою я косвенно себя похвалю, а это не годится и неприлично. Скажу вамъ одно и скажу искренно, что, прочитавъ ваши замѣчанія, я почувствовалъ, что книга моя имѣетъ нѣкоторое достоинство. Вы меня законнымъ образомъ разрѣшили полюбить мой трудъ. Разумѣется и безъ того, по чувству родительской любви, я питалъ къ нему нѣкоторую слабость, но теперь смотрю на него съ сознательностью,

и этимъ я вамъ обязанъ. Отъ здѣшнихъ критикъ я ровно ничего не пріобрѣлъ. Въ нашихъ критикахъ вообще замѣчательно удивительное мастерство не понимать автора, котораго они разбираютъ. Въ нихъ ни самъ себя не узнаешь, ни ихъ не разгадаешь. Въ вашей критикѣ, напротивъ, авторъ себя повѣряетъ и какъ въ чистомъ зеркалѣ видитъ себя, ближе и вѣрнѣе знакомится съ собою. Помните, вы нѣкогда оказали подобную заслугу и Гёте. Послѣ вашего разбора новаго его Фауста онъ лучше понялъ твореніе свое. Если и Гёте пришлось благодарить васъ за такое пособіе, то легко можете вообразить себѣ, сколько, я недостойный и смиренный обязанъ вамъ благодарностью и самодовольствіемъ. Надѣюсь, если Богъ дастъ приступить мнѣ ко второму изданію, воспользоваться вашими замѣчаніями. Позволю себѣ на этотъ разъ маленькое оправданіе. Я не столько нападалъ на смѣшеніе Славянскаго языка съ Русскимъ, сколько на безъискусное сочетаніе того и другаго, которое обыкновенно ограничивалось вставками словъ: *паче, паки* и тому подобными, съ цѣлью будто тѣмъ возвысить и облагородить слогъ. Можетъ быть, я не довольно пояснилъ и опредѣлилъ мое замѣчаніе и обвиненіе. Это такъ. Но нельзя не признаться, что въ Ф. Визинѣ и Шишковѣ (который тогда еще здравствовалъ и на котораго я цѣлилъ) болѣе галицизмовъ, несмотря на ихъ славянизмы, нежели напримѣръ въ Карамзинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ. Все дѣло въ сметливости и во вкусѣ. Примѣръ, выведенный вами въ защиту Ломоносова, прекрасенъ и убѣдителенъ. Но проза Ломоносова ни духомъ, ни формами не есть ни чисто-Русская, ни чисто-Славянская.

12.

31 Декабря 1848.

Титовъ пишетъ мнѣ изъ Константинополя, что онъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ статью вашу *о дѣдушкѣ и пѣстунѣ трикраты-Антонскомъ, какъ называли его въ пансіонѣ,* что напоминаетъ мнѣ какіе-то мои шуточные стихи:

Тремя помноженный Антонъ,
А на закуску Прокоповичъ,

а въ риѳму выходилъ тутъ Василій Львовичъ. Титовъ продолжаетъ: «Я благодаренъ Шевыреву за то, что онъ поставилъ и ему, и нашему пансіону памятникъ во вкусѣ mémoires d'outre-tombe». Жаль, что вы въ статьѣ своей не упомянули и о томъ, что по зимамъ едва ли не до 1812 года Жуковскій живалъ въ его казенномъ домикѣ, ко-

торый выходилъ въ Газетный переулокъ. Мнѣ этотъ домъ очень памятенъ, потому что тутъ началось мое сближеніе съ Жуковскимъ. Возвращаясь съ бала или съ веселаго ужина, часу въ шестомъ утра, я заѣзжалъ къ нему, находилъ его или еще въ постели, или уже вставшаго тогда, когда я еще не ложился. Безпорядочные мои наѣзды смущали тишину и святость иноческой обители и вѣроятно не очень нравились отцу-игумену. Но впрочемъ, кажется, у Жуковскаго былъ отдѣльный подъѣздъ.—Ожидаю съ нетерпѣніемъ разбора вашего послѣднимъ стихотвореніямъ и переводу Одиссеи Жуковскаго. Признаюсь, я большой профанъ въ таинствахъ гекзаметра; но мнѣ кажется, что онъ у Жуковскаго нѣсколько однообразенъ. Большею частію это двѣ половины дактилей, сшитыя въ одинъ стихъ. Но, не смотря на это, переводъ его прелесть, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Русскому выраженію и какъ Русское созданіе; а о вѣрности и достоинствѣ труда въ отношеніи къ подлиннику судить не мнѣ.

13.

С.-Петербургъ, 27 Ноября 1855.

Вручитель этихъ строкъ, протоіерей изъ г. Ельца, Лука Ефремовъ, добрый пастырь Христова стада; онъ основалъ въ городѣ своемъ пріютъ для бѣдныхъ, куда подкидываются незаконнорожденныя дѣти, и онъ также ихъ призираетъ. Для усиленія доходовъ на это истинно-богоугодное заведеніе назначилъ онъ для этой цѣли продажу книги имъ изданной и самимъ имъ написанной, а именно: Басни въ стихахъ. Помогите ему, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, въ успѣхѣ этого предпріятія и дайте ходъ баснямъ его, вызывая на покупку добрыхъ и благочестивыхъ людей и напишите о книгѣ и объ авторѣ нѣсколько строкъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Это совершенно по вашей части: дѣло ума и дѣло сердца.—Мы съ вами не сходились даже и письменно съ тѣхъ поръ, какъ сблизились поприщами нашими. Но не менѣе того я не сомнѣваюсь, что вы и молча привѣтствовали меня и доброю мыслью, и добрымъ пожеланіемъ при вступленіи моемъ на вашъ путь *). Впрочемъ я привѣтствовалъ васъ общимъ привѣтомъ въ соборномъ посланіи моемъ къ вашему ректору. Надѣюсь, что онъ вамъ передалъ изъявленіе моихъ чувствъ. Я все надѣялся побывать въ Москвѣ еще осенью, а вотъ и зима, но я все ни съ мѣста. Впрочемъ не теряю надежды. Поздравляю васъ съ допущеніемъ

*) Т.-е. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

неограниченнаго числа студентовъ во всѣ университеты и съ президентомъ Академіи графомъ Блудовымъ. Можете сказать намъ: Богъ въ помощь! Нельзя отъ души не поблагодарить Авр. Серг.; онъ хотя и съ одною ногою, а не ковыляя, бодро и прямо, идетъ путемъ просвѣщенія. Дай Богъ ему сохранить довѣренность благонамѣреннаго и благожелающаго Царя, и можно надѣяться, что со временемъ, съ осторожностью и постояннымъ терпѣніемъ, сотрутся черныя пятна, которыя затемняли лучи нашего просвѣщенія. Чѣмъ вы теперь особенно занимаетесь? Что́ думаете вы о новомъ журналѣ Каткова? Если вы съ нимъ въ хорошихъ сношеніяхъ и имѣете на него вліяніе, будьте ему благоразумнымъ и хранительнымъ руководителемъ. Я очень уважаю способности, дарованія молодой школы Московскихъ литераторовъ, убѣжденъ въ ихъ добросовѣстности и благонамѣренности, но боюсь за ихъ неопытность, можно даже сказать за ихъ невинность. Они мало свыклись съ жизнью, мало натерты жизнью и обстоятельствами, а витаютъ въ какомъ-то тридесятомъ царствѣ, небываломъ государствѣ. Если вы съ нимъ и не въ короткихъ сношеніяхъ, передайте ему мои слова въ предосторожность.

Въ Москвѣ проскакиваютъ иногда такія неловкости, что со стороны могутъ онѣ показаться предосудительностями. Другіе не хотятъ и не могутъ вѣрить, чтобы умные люди могли такъ проболтаться спроста и видятъ умыселъ тамъ, гдѣ одно невѣдѣніе и отсутствіе инстинкта: что́ можно сказать и чего сказать не можно и не должно.

14.

С.-Петербургъ, 28 Декабря 1855.

Сдѣлайте милость, не тревожьтесь и успокойте другихъ. Мы *пушки на* васъ не наведемъ (Подражаніе Армфельду). И съ чего это взяла Москва? Здѣсь и въ поминѣ и въ помышленіи не было. Аврамъ Сергѣевичъ очень обижается, что Московскій университетъ могъ ожидать отъ него такого пассажа и что нужно было заступленіе свыше для отвода громоваго удара. Нечего было ограждать и спасать, потому что никто не думалъ напасть. Надѣюсь, что выборъ всѣмъ угодитъ; а потому выборомъ и не спѣшатъ. Къ сожалѣнію кругъ избираемыхъ очень ограниченъ. Вѣроятно есть люди, но они неизвѣстны; другіе и были бы хороши, но не входятъ и приблизительно въ узаконенную мѣрку; а пока есть мѣрка, нельзя вовсе ею пренебрегать, особенно въ Москвѣ, гдѣ стеченіе условій и уваженій, говоря канцелярскимъ языкомъ, должно быть принято въ соображеніе.

Передалъ я Аврааму Сергѣевичу и то, что̀ вы пишите мнѣ о «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Кажется дѣло въ томъ, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе. Ему писали, что профессоръ Лѣшковъ отказывается отъ редакторства, и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Назимовъ и графъ Закревскій ходатайствовали предъ нимъ за Корша. Министръ теперь и жалѣетъ о случившемся; но помочь бѣдѣ, кажется, поздно. Впрочемъ Московскій университетъ все же можетъ дать редакціи то направленіе, которое онъ признаетъ лучшимъ. Совѣтъ можетъ составить изъ нѣкоторыхъ профессоровъ родъ верховной домашней цензуры и наблюдать за ходомъ газеты; а пуще всего желательно, чтобы профессора приняли дѣятельное участіе въ газетѣ, и каждый изъ нихъ обогащалъ ее по своей части дѣльными и разнообразными статьями.

Сколько могу, радъ буду стараться за Трушковскаго [1]); но духовная цензура не свой братъ.

15.

С.-Петербургъ, 28-го Февраля 1856.

Вы, вѣроятно уже знаете изъ газетъ, что уважаемый въ Греціи писатель Крокидасъ переводитъ на Греческій языкъ Исторію Государства Россійскаго. А вотъ предъ вами и самъ переводчикъ. Поручаю его вашему благосклонному пріему. Постарайтесь навербовать ему нѣсколько подписчиковъ между ученой братіи и свѣтскихъ библіофиловъ. Такое предпріятіе, особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ сочувствія и ободренія съ Русской стороны. Царская фамилія и здѣшнее общество оказали этому дѣлу благопріятное вниманіе. Надѣюсь, что и Москва не останется въ этомъ случаѣ совершенно равнодушною. Если имѣете возможность, дайте ему средство представиться митрополиту Филарету, который, можетъ быть, подпишется на нѣсколько экземпляровъ для семинарій. Познакомьте его и съ княземъ Оболенскимъ: онъ хотѣлъ чего-то поискать въ Архивѣ. Однимъ словомъ надѣюсь, что вы, по возможности, угладите ему и уладите всѣ пути. Если намъ не посчастливилось на полѣ брани помочь нашимъ единовѣрцамъ, то поможемъ имъ на полѣ письменномъ. А вы все еще сидите сиротами [2]). Потерпите. Святое мѣсто пусто не будетъ; а мы постараемся такъ замѣстить его, чтобы вы сказали намъ спасибо. Что это васъ не видать въ «Русскомъ Вѣстникѣ»? Или вы себя бережете для «Русской Бесѣды»?

---

[1]) Племянникъ Гоголя и тогдашній издатель его сочиненій.
[2]) Т. е. безъ попечителя учебнаго округа послѣ А. Н. Бахметьева.

16.

С.-Петербургъ, 17-го Апрѣля 1856.

Я говорилъ графу Блудову о вашихъ академическихъ предположеніяхъ. Разумѣется, онъ будетъ по возможности содѣйствовать исполненію ихъ. Не сомнѣваюсь въ добромъ расположеніи и готовности нашего министерства. Но предваряю васъ, что въ этомъ дѣлѣ встрѣтятся и затрудненія. Академики втораго отдѣленія, т. е. собственно Русскаго, не получаютъ опредѣленнаго содержанія.

Всю правду доложу:
Изъ чести лишь одной я въ домѣ здѣсь служу [1]).

А получаютъ они какія-то маленькія на-водки, поденную, задѣльную, за каждое присутствіе въ академическихъ засѣданіяхъ. Оно очень неблаговидно, неприлично, пожалуй даже и нелѣпо, я совершенно согласенъ; но скажу, что же дѣлать, когда и пока оно такъ? Другая запятая: если и будете получать содержаніе, то нельзя получать его въ отпуску, а вы хотите оставаться въ Москвѣ. Это два препятствія, если не признавать ихъ непреодолимыми, то все же нельзя не признать ихъ въ оффиціальномъ порядкѣ довольно затруднительными. Впрочемъ попытка не штука, а спросъ не бѣда. Увидимъ послѣ, что будетъ, а мы рады стараться. Наконецъ, вы съ попечителемъ. Не могу сказать, что знаю коротко сенатора Ковалевскаго, но знаю довольно, чтобы удостовѣрить, что онъ человѣкъ умный, образованный, съ Русскими сочувствіями, съ Русскимъ одушевленіемъ, любитъ просвѣщеніе и вообще *литературу*. На служебномъ поприщѣ своемъ онъ всегда считался въ числѣ отличныхъ и пользовался общественнымъ уваженіемъ. Здѣшній Сенатъ теряетъ въ немъ одного изъ своихъ лучшихъ дѣятелей; слѣдовательно можно надѣяться, что Московскій Университетъ не будетъ съ нимъ въ убыткѣ. Вотъ все, что пока могу сказать о немъ, но говорю по совѣсти и по убѣжденію. Не можете ли вы достать мнѣ чрезъ Аксаковыхъ полнаго списка *Бродяги*, въ первобытномъ и натуральномъ видѣ, т. е. до обряда обрѣзанія ветхозавѣтной цензуры. Великая княгиня Марія Николаевна желаетъ имѣть такой списокъ. Кстати объ обрѣзаніи: что это приключилось съ Хомяковымъ [2])? А вотъ умеръ и бѣдный Чаадаевъ. Жаль мнѣ его. Москва безъ

---

[1]) Стихъ изъ „Опаснаго Сосѣда“. П. Б.

[2]) Передъ Пасхою этого 1856 года А. С. Хомякову по именному высочайшему повелѣнію запрещено носить бороду. Это запрещеніе было вызвано его появленіемъ въ простонародномъ платьѣ на публичномъ обѣдѣ, который Москва давала бывшему его начальнику графу Д. Е. Остенъ-Сакену. П. Б.

него и безъ Хомяковской бороды, какъ безъ двухъ родинокъ, которыя придавали особенное выраженіе лицу ея.

17.

Петергофъ, 3-го Августа 1856.

Читаю теперь Записки о жизни Гоголя, въ двухъ томахъ. До высшей степени занимательное и грустное чтеніе. Какъ видны въ письмахъ его болѣзненныя страданія души и тѣла! Тутъ весь ключъ ко всей жизни его, авторской и духовной. Онъ неясно смотрѣлъ на себя; всѐ хотѣлось ему создать что-нибудь совершенное и чрезвычайное, а между тѣмъ не хватало силъ, ни тѣлесныхъ, ни авторскихъ, то есть творческихъ. Въ унынiи своемъ онъ все надѣялся на чудо; отъ того всѐ таинственныя предсказанія его о томъ, чѣмъ неожиданно кончатся его «Мертвыя Души». Я увѣренъ, что онъ изъ нихъ никакъ не могъ бы выпутаться. «Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ», сказалъ Жуковскій Чижову: это совершенная правда и точное опредѣленіе таланта его. Московскіе пріятели много повредили ему, расширивъ до-нельзя значеніе его. Это и его, и ихъ спутало. Вообще въ письмахъ своихъ онъ для меня гораздо выше и интереснѣе, нежели въ своихъ твореніяхъ; хотя и цѣню ихъ высоко, но не ищу midi à quatorze heures или правильнѣе quatorze heures à midi, какъ тѐ дѣлали другіе. Очень хотѣлось бы мнѣ по поводу этой книги сказать мое полное и правдивое слово о Гоголѣ. Гдѣ найти статью К. Аксакова, упоминаемую въ этой книгѣ и въ которой онъ говоритъ, что публика не пойметъ «Мертвыхъ Душъ»? Кажется мнѣ вопервыхъ, что тутъ за глубина, которой не каждому дано измѣрить и изслѣдовать? Это галлерея людей болѣе или менѣе больныхъ обще-человѣческими болѣзнями и въ особенности Русскими болячками; портреты писаны бойкою кистью и красками чрезвычайно живыми и яркими; вотъ и все, а если и скрывается въ этомъ твореніи тайный смыслъ (une arrière-pensée), т. е. если авторъ предполагалъ заключить въ немъ тайный смыслъ и все кончить какимъ-то coup de théâtre, то тѣмъ хуже. Это-то и доказало бы, что въ немъ не было творческаго начала, которое, какъ жизнь, развивается постепенно и послѣдовательно. «Мертвыя Души» тоже что̀ «Ревизоръ» — рядъ мастерскихъ отдѣльныхъ сценъ; но клубка, но ядра тутъ нѣтъ.

18.

С.-Петербургъ, 4 Января 1857.

Я все къ вамъ съ тѣмъ же вопросомъ: что̀ вы ничего не печатаете? Подайте свой голосъ противъ этой реставраціи, этого апоѳе-

оза памяти Бѣлинскаго, которому всѣ журналы наши поютъ нынѣ акаѳисты и панихиды, даже и «Русская Бесѣда» называетъ его столь сильнымъ дѣятелемъ въ нашей литературѣ. Да развѣ *баррикадники*, которые ломаютъ мостовую, развѣ они дѣятели? Бѣлинскій былъ ничто иное какъ литературный бунтовщикъ, который, за неимѣніемъ у насъ мѣста бунтовать на площади, бунтовалъ въ журналахъ. Разумѣется, я никогда не имѣлъ терпѣнія дочитывать до конца ни одной изъ его ужасно-длинно-много-пустословныхъ статей, и никогда послѣ не приходило мнѣ въ голову заглядывать въ нихъ; но помню и живо храню тогдашнее впечатлѣніе. Бѣлинскій въ свое время всегда казался мнѣ какимъ-то пьянымъ Полевымъ,—Полевымъ, бѣлены обѣвшимся. Въ Полевомъ была по крайней мѣрѣ Русская смѣтливость. Въ Бѣлинскомъ ничего не было Русскаго. Нельзя спускать этой недобросовѣстности нашей литературы. Такія мнѣнія двусмысленныя, двуличныя развращаютъ литературные нравы и совращаютъ съ пути молодое поколѣніе. Тутъ цензурѣ дѣлать нечего; но должна за нее дѣйствовать высшая, нравственная, Катоновская цензура. Грустно, что у насъ такъ мало, такъ превратно понимаютъ свое дѣло. Всѣ болѣе или менѣе хотятъ выѣзжать на *скандалѣ*, кто на такомъ, кто на другомъ.

19.

С.-Петербургъ, 16 Февраля 1858.

Мы занимаемся пересмотромъ цензурнаго устава и всѣхъ временныхъ и случайныхъ наростовъ, которые его опоршивѣли и ошелудивѣли *). Вамъ это дѣло знакомое и близкое. Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ и сообщите мнѣ ваши соображенія по этому предмету. Разумѣется, не возлагаю на васъ полнаго разсужденія, а накидайте мысли ваши, какъ онѣ придутъ вамъ въ голову, и если можно, поспѣшите этимъ сообщеніемъ, потому что дѣло къ спѣху. Скажите, что̀ нужно для правильнаго дѣйствія цензуры и что́ нужно отстранить etc. Однимъ словомъ, скажите что̀ угодно. У васъ въ этомъ дѣлѣ должны быть свои мнѣнія и опытность; стало быть, голосъ вашъ мнѣ очень будетъ полезенъ. По дѣлу «Московскихъ Вѣдомостей» вышло не такъ, какъ вы хотѣли, но по крайней мѣрѣ и не такъ, какъ вы не хотѣли. Я очень согласенъ съ вами въ мнѣніи о важности сей газеты: она не должна быть выраженіемъ партіи, а однимъ посредникомъ всего полезнаго и благонамѣреннаго. Но гдѣ найти безстрастныхъ представителей пользы и благонамѣренности? Мы еще не все высказали что̀ высказать нужно на общепонятномъ языкѣ, а уже вкарабкались на разныя пло-

*) Князь Вяземскій былъ главнымъ дѣятелемъ по составленію нынѣ дѣйствующаго цензурнаго устава (но не его дополненій. П. Б.

щадки Вавилонской башни и городимъ дичь, каждый въ свое удовольствіе. Кто это печатаетъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» письма Пушкина? Въ нихъ много неумѣстнаго и неприличнаго. Пушкинъ еще слишкомъ намъ современенъ, чтобы выносить соръ изъ его избы. Многія выходки его личныя, родственныя, нѣсколько кощунскія, оскорбляютъ чувство приличія и уваженія къ самой памяти его. Мало ли что братъ могъ говорить на-единѣ съ братомъ; но изъ того не слѣдуетъ, чтобы онъ тоже сказалъ на площади, а печать—тоже площадь. Жена его, дочери, сыновья его еще живы: къ чему раздѣвать его при нихъ на-голо? Боюсь, чтобы не вышло тутъ новой цензурной тревоги. Да если и не будетъ цензурной, то не должно возбуждать и нравственной тревоги. Сдѣлайте одолженіе, передайте это Соболевскому или кому подобаетъ и предостерегите отъ меня цензора Крузе. Что же вы все молчите? Скажите примирительное, спокойное слово въ этой словесной передрягѣ. Передовыхъ людей, перескочившихъ пространство, у насъ развелось слишкомъ много. Пора послушать тѣхъ, которые тутъ прошли, наглядѣлись, оглядѣлись, надумались. Этихъ голосовъ вовсе нѣтъ. О послѣднихъ книжкахъ Жуковскаго все еще ничего добросовѣстнаго не сказано, а о Полежаевѣ и какомъ-то Станкевичѣ витійствуютъ на пропалую.

20.

15 Августа 1860, Лѣсная дача.

По словамъ Плетнева (нынѣ сосѣда моего по дачѣ) я все поджидалъ васъ сюда на пути въ чужіе краи. Жаль, если вы отмѣнили поѣздку свою, а еще хуже если обстоятельства заставили отмѣнить. Человѣку хорошо обновлять иногда воздухъ своего внѣшняго и внутренняго жилья. Это придаетъ силу, бодрость, укрѣпляетъ и растворяетъ легкія. Да и Россію иногда какъ-то чище любишь издали; а то право поневолѣ тошно бываетъ смотрѣть на нее сквозь наши обличительные журналы, не смотря на то, что нашъ пріятель Хомяковъ съ предсѣдательскаго своего мѣста даетъ этой новой литературѣ право гражданства. Какъ при словахъ его должна была вздрогнуть тѣнь прежняго предсѣдателя, тремя помноженнаго Антона и на закуску Прокоповича! Меня въ наше время не столько бѣситъ нечестная литература, сколько честная, которая труситъ предъ первою и оставляетъ себѣ всегда лазейку, изъ которой перемигивается съ нею. Это вѣрнѣйшій признакъ нравственнаго упадка литературы и близорукости тѣхъ, которые этимъ промышляютъ. Они думаютъ, что тѣмъ задобрятъ противниковъ своихъ, но ошибаются. Они Неаполитанскіе, заискивающіе милости, послы въ Туринѣ. Но Чернышевскіе и Кавуры неуступчивы, и ихъ не проведешь. Tout ou rien, вотъ ихъ лозунгъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

ИЗЪ МАНЦОНИ.

Высокаго предчувствія
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замысловъ событіе
Несбыточныхъ какъ сонъ:

Все испыталъ онъ! Счастіе,
Побѣду, заточеніе,
И все судьбы пристрастіе,
И все ожесточеніе.
Два раза брошенъ былъ во прахъ
И два раза на тронъ!...

Явился: два столѣтія
Въ бореніи жестокомъ,
Его узрѣвъ, смирились вдругъ,
Какъ предъ всесильнымъ рокомъ.
Онъ повелѣлъ умолкнуть имъ
И сѣлъ межъ нихъ судьей!

Исчезъ, и въ ссылкѣ довершилъ
Свой вѣкъ неимовѣрный—
Предметъ безмѣрной зависти
И жалости безмѣрной,
Предметъ вражды неистовой,
Преданности слѣпой!...

Какъ часто предъ кончиной дня —
Дня безотрадной муки—
Потупивъ молніи очей,
Крестомъ сложивши руки,
Стоялъ онъ, и минувшее
Овладѣвало имъ.

Онъ зрѣлъ въ умѣ: подвижные
Шатры, равнины боевъ,
Рядовъ пѣхоты длинный блескъ,
Потоки конныхъ строевъ—
Желѣзный міръ и дышущій
Велѣніемъ однимъ!..

О, подъ толикимъ бременемъ
Въ немъ сердце истомилося,
И духъ упалъ.... Но сильная
Къ нему рука спустилася
И къ Небу, милосердая,
Его приподняла!....

(Сообщено И. С. Аксаковымъ).

*

Послѣдняя строфа относится къ благочестію, которое обнаружилось въ Наполеонѣ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни: свою столовую въ Лонгвудѣ обратилъ онъ въ молельню, гдѣ еженедѣльно служилась обѣдня. Когда, не задолго до смерти, онъ передавалъ аббату подробности относительно своихъ похоронъ, находившійся тутъ же молодой медикъ Антомарки позволилъ себѣ улыбнуться. Наполеонъ строго замѣтилъ ему неприличіе этой улыбки и высказалъ свою вѣру въ Бога. (См. Тьеръ, Исторію Консульства и Имперіи). П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФИНѢ Ю. Ѳ. БАРАНОВОЙ.

Дрезденъ, 2 (14) Марта 1827.

Что вдругъ вооружило вашу руку перомъ, Василій Андреевичъ, спросите вы. Вотъ что, Юлія Ѳедоровна. Необходимость попросить васъ сдѣлать доброе дѣло, за которое прошу васъ приняться тотчасъ по полученіи письма моего. И вотъ какое доброе дѣло.

Подлѣ Дрездена, въ паркѣ, рядомъ съ домомъ сумасшедшихъ, въ которомъ заключенъ ея братъ, живетъ Батюшкова, сестра вашей монастырской, которая теперь должна оставить монастырь *). Она писала къ Государынѣ Императрицѣ о сестрѣ своей и просила ее взять во дворецъ на основаніи Луниной и княжны Хованской. Въ письмѣ своемъ вѣроятно она не выразилась ясно. Я послалъ это письмо къ Государынѣ; она сочла, что Батюшкова просила ее оставить сестру ея въ монастырѣ *пепиньеркой*, и отвѣчала мнѣ, что готова это сдѣлать, но что родственники Батюшковой желаютъ ее взять, и что она напередъ хочетъ знать расположеніе сестры, чтобы выпустить ее или оставить *пепиньеркой*. Но Батюшкова просила не объ этомъ, и въ этомъ нѣтъ никакой выгоды; лучше ей перейти къ роднымъ. Но что заставило ее принести Государынѣ такую просьбу? Весьма печальныя обстоятельства. Братъ ея, покровитель семьи, теперь хуже чѣмъ мертвый. Сама она пожертвовала всѣмъ: отечествомъ, семействомъ, обществомъ и здоровьемъ, чтобы служить несчастному безумцу. Родные, которые желаютъ взять ея сестру, или недостаточны сами и обременены семействомъ, какъ напримѣръ сенаторъ Батюшковъ и двѣ другія сестры ея **), или сами въ такихъ обстоятельствахъ, что имъ не до заботы о молодой дѣвушкѣ, которая входитъ въ свѣтъ и которой нужно имѣть какое-нибудь счастіе молодости: таковы обстоятельства Екатерины Ѳедоровны Муравьевой. Молодая Батюшкова была въ монастырѣ изъ первыхъ; почему не имѣть ей того же, что было сдѣлано для Хованской и Луниной? Милость Государыни обезпечила бы судьбу

---

*) Это была единоутробная сестра поэта, дѣвица Александра Николаевна, скончавшаяся потомъ въ умопомѣшательствѣ. Жуковскій хлопочетъ за сводную сестру ея Юлію Николаевну, въ послѣдствіи Зиновьеву (рожденную отъ простолюдинки).—Мы уже имѣли случай замѣтить, что списокъ добрыхъ дѣлъ Жуковскаго, пожалуй, длиннѣе списка его словесныхъ произведеній.

**) Шипилова и Гревницъ.

ея навсегда. Будучи пепиньеркой, она должна ограничить свое будущее стѣнами монастыря; такое будущее не представляетъ особеннаго счастія. Въ семьѣ же родныхъ своихъ она была бы болѣе или менѣе имъ бременемъ. Если она стоитъ милости Государыни, то надобно ей доставить эту милость. Прибавлю еще одно: братъ ея заслужилъ общее уваженіе Россіи, и теперешняя болѣзнь его, вѣроятно неизлѣчимая, есть слѣдствіе раны, имъ полученной въ первой войнѣ съ Французами. Имя же его стоитъ въ спискѣ людей, которые дѣлаютъ честь отечеству и знакомы Европѣ. Милость, оказанная сестрѣ такого человѣка и сестрѣ, которая сама по себѣ ея заслуживаетъ, была бы въ тоже время и справедливостью, и Россія поблагодарила бы свою Царицу. Такого рода милости дружатъ подданныхъ съ тономъ. Объ этомъ я писалъ Вилламову; онъ вѣроятно покажетъ Императрицѣ письмо мое. Но одинъ способъ хорошъ, а два лучше.

Вотъ объ чемъ прошу васъ и знаю, что ваше сердце мнѣ откликнется. Поѣзжайте съ письмомъ моимъ въ монастырь къ вашей матушкѣ *), изъясните ей вашимъ милымъ, сердечнымъ языкомъ то, что я къ вамъ пишу и постарайтесь устроить судьбу Батюшковой. Объ этомъ прошу васъ и для ея брата, который изъ своего заточенія не можетъ уже быть покровителемъ сироты, ему оставленной на попеченіе; но его судьба есть нѣкоторымъ образомъ оставленное ей наслѣдство и даетъ ей особенное право на милость царскую. Я увѣренъ, что ваша матушка приметъ къ сердцу то, о чемъ къ вамъ пишу. Мнѣ же будетъ большимъ счастіемъ имѣть васъ товарищемъ и въ этомъ важномъ для меня добрѣ, такъ какъ вы мой товарищъ и на долго въ жизни.

Теперь вы понимаете, что могло заставить меня писать къ вамъ такъ для васъ неожиданно. О главномъ же нашемъ общемъ дѣлѣ я не почиталъ и не почитаю за нужное входить въ разсужденія. Планъ ученія для Великихъ Княженъ тотъ же, какъ и для Великаго Князя, съ тою только естественною разницею, что предметовъ ученія должно быть гораздо менѣе. Я теперь готовлю уроки для него, слѣдовательно готовлю и для нихъ. Ваше дѣло между тѣмъ идетъ впередъ. И для нихъ, и для него теперь нужно одно: сдѣлать какъ можно болѣе успѣховъ въ языкахъ; это дѣлается. Уроки же начнутся по плану, со времени моего возвращенія. Болѣзнь моя была болѣе добро, нежели зло: она ничего не остановила, а мнѣ дала средство ко многому приготовиться и все болѣе обдумать.

(Сообщено графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Барановымъ).

---

*) Юліи Ѳедоровнѣ Адлербергъ, тогдашней начальницѣ Смольнаго монастыря.

ВОСПОМИНАНІЯ САПЁРА ТРИДЦАТЫХЪ И СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ настоящее время, когда минныя загражденія въ такомъ ходу, не лишнее будетъ припомнить начало этого дѣла у насъ въ Россіи.

Еще въ двадцатыхъ годахъ д. ст. с. баронъ Шиллингъ, сколько извѣстно, первый началъ заниматься опытами приспособленія гальванизма къ вожженію минъ. Говорятъ, что опыты его были даже удачны въ нѣкоторой степени; но какъ онъ не хотѣлъ передать свой секретъ инженерному вѣдомству, то дѣло это заглохло. Только генералу Шильдеру (начальнику инженеровъ гвардейскаго корпуса), всегда пылкому и страстному ко всѣмъ открытіямъ и нововведеніямъ по сапёрному дѣлу, не спалось отъ этой мысли.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ пользовался громкою извѣстностію членъ Петербургской Академіи Наукъ Якоби; онъ пріобрѣлъ её своими обширными познаніями и открытіями по части гальванизма.

Императоръ Николай Павловичъ, самъ будучи отличнымъ сапёромъ и инженеромъ, пожелалъ воспользоваться познаніями и опытностію г. Якоби для приспособленія гальванизма къ минному искусству и повелѣлъ съ этою цѣлью образовать особую команду при гвардейскомъ сапёрномъ баталіонѣ, въ составъ коей вызваны были съ каждой сапёрной бригады по одному офицеру и отъ баталіона—по одному унтеръ-офицеру. Приказано было назначить офицеровъ наиболѣе знакомыхъ съ физикой и химіей и хотя нѣсколько объяснявшихся по-французски, такъ какъ имъ предстоятъ занятія съ г. Якоби, а тотъ по-русски не говорилъ. Команда собралась въ началѣ Апрѣля 1840-го года. Я, въ чинѣ подпоручика, былъ командированъ въ нее отъ 3-й сапёрной бригады. Нижніе чины помѣщены были въ казематахъ Петропавловской крѣпости; въ нихъ-же и въ крѣпостныхъ рвахъ указано было вести занятія и первоначальные опыты. Команда только впослѣдствіи названа была «гальваническою», но въ началѣ именовалась: «особо составленною по Высочайшему повелѣнію командою». Намъ приказано было держать въ тайнѣ свои занятія, такъ какъ въ

то время нигдѣ въ Европѣ способъ зажженія минъ гальванизмомъ не былъ еще извѣстенъ. Съ полнымъ усердіемъ мы принялись за дѣло; сообщенія г. Якоби насъ чрезвычайно интересовали и расширили наши познанія; мы безпрестанно бывали у него. Квартира его была на Васильевскомъ островѣ; нѣсколько большихъ залъ были наполнены разными аппаратами; по стѣнамъ и потолку протянуты проволоки. Для опыта зажженія пороха онъ пріѣзжалъ къ намъ въ крѣпость. Начальникъ гвардейскихъ инженеровъ генералъ Витовтовъ очень часто присутствовалъ при томъ. Зимой дѣло, такъ сказать, наладилось, а къ веснѣ слѣдующаго года представился случай выказать наши успѣхи. Мосту на шоссе подъ Нарвой, сильнымъ напоромъ огромныхъ льдинъ, угрожала опасность. По докладѣ о томъ Государю, Его Величество приказалъ обратиться къ генералу Витовтову. Была послана въ Нарву часть команды, въ распоряженіе полковника путей сообщенія Бульмеринга; въ непродолжительное время ледъ былъ раздробленъ взрывами, и мостъ спасенъ. Въ началѣ лѣта опыты зажженія подводныхъ минъ уже смотрѣлъ военный министръ князь Чернышовъ. По докладѣ Императору о видѣнныхъ имъ успѣхахъ, Государь сказалъ: «Пусть докажутъ на дѣлѣ—взорвутъ затонувшій фрегатъ на фарватерѣ у Кронштата».

Съ этою цѣлью составлена была высшая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Шильдера, отъ корпуса путей сообщенія—генералъ Саблуковъ, отъ горнаго вѣдомства—полковникъ Соболевскій и не помню, кто отъ флота. Въ распоряженіе этой коммиссіи поступила вся гальваническая команда. Даны были два парохода: одинъ для личнаго состава, другой—для аппаратовъ; отъ командира Кронштатскаго порта могли спрашивать, сколько потребуется, барказовъ и водолазовъ съ колоколами. Поѣздки для этого изъ Петербурга были чрезвычайно пріятны и интересны съ умнымъ, занимательнымъ генераломъ Шильдеромъ; только отвага его, доходившая часто до безумія, пугала его товарищей, и насъ молодежъ тѣшила, когда онъ, съ сигарой во рту, садился на пороховые боченки. Въ теченіе 2-хъ или 3-хъ недѣль судно было разорвано на мелкія части, и фарватеръ очищенъ.

Затѣмъ приказано было намъ каждому написать свое мнѣніе: въ какихъ случаяхъ войны, на сушѣ и на водѣ, можетъ быть употребленъ открытый способъ зажженія минъ и какъ его приспособить. Генералъ Витовтовъ остался очень доволенъ нашими отвѣтами и, кажется, они отданы въ инженерный штабъ.—Мы были представлены къ наградѣ, минуя орденъ Св. Станислава, къ ордену Св. Анны, на основаніи статута этого ордена. Генералъ-инспекторъ инженеровъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ потребовалъ къ себѣ насъ 4-хъ офицеровъ, каж-

даго обнялъ, поцѣловалъ и прикололъ на груди нашей поднесенный ему орденъ. Награда и милостивое вниманіе Великаго Князя глубоко тронули насъ. Послѣ того рѣшено было отправить команду по сапёрнымъ бригадамъ, для введенія тамъ гальваническаго способа. Витовтовъ, бывшій въ то время начальникомъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, предложилъ мнѣ, по окончаніи занятій въ своей бригадѣ, перейти въ гвардейскіе сапёры или въ гвардейскіе инженеры; я избралъ послѣднее.

Въ Августѣ 1841 года я отправился въ Кіевъ съ своими унтеръ-офицерами и съ разными аппаратами, на перекладныхъ тройкахъ. Шоссе до Кіева тогда не существовало. Въ Кіевѣ для команды былъ отведенъ прекрасный домъ на Крещатикѣ, принадлежавшій когда-то корпусному командиру Красовскому. Въ теченіи зимы съ собранными отъ батальоновъ офицерами и унтеръ-офицерами проходилась теорія; съ весны начались опыты. Хотя дѣло это всё еще держалось въ тайнѣ, но трескъ пороховыхъ взрывовъ не могъ не возбудить любопытства. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ и корпусный командиръ Кайсаровъ просили нашего командира сапёрной бригады г.-м. Баранова показать имъ опыты. Корпусный командиръ приказалъ прибыть изъ лагеря всѣмъ свободнымъ отъ службы офицерамъ. Гальваническая батарея и при ней присутствующіе стояли въ бесѣдкѣ дворцоваго сада, надъ крутымъ берегомъ Днѣпра. По командѣ: «пли!» взлетѣлъ каменомётъ на противуположномъ берегу Днѣпра, въ разстояніи около $^1/_2$ версты отъ насъ; за нимъ—мина, одна, другая, а потомъ поднялся въ срединѣ Днѣпра огромный столбъ воды. Нечего говорить, какъ это заинтересовало всѣхъ. Способъ зажженія былъ объясненъ только генералъ-губернатору и корпусному командиру. Послѣ этого любопытство въ городѣ такъ было возбуждено, что со мной пожелалъ познакомиться Кіевскій викарій преосвященный Іеремія. При свиданіи объяснилось, что онъ былъ нашимъ законоучителемъ въ Корпусѣ, гдѣ мы всѣ его безъ души любили и уважали. Долго онъ бесѣдовалъ о гальванизмѣ, и я предложилъ сдѣлать небольшой опытъ въ его саду, въ Михайловскомъ монастырѣ, на что онъ отвѣчалъ: «Погодите, вотъ пріѣдетъ митрополитъ; я его спрошу». Митрополитъ прибылъ; но преосвященный, при посѣщеніи его, болѣе не заводилъ о томъ рѣчи. Я слышалъ, будто-бы митрополитъ ему отвѣчалъ: «Не идетъ духовному лицу увлекаться любопытствомъ». Послѣ того воззрѣнія перемѣнились: въ 1863 году я видѣлъ Кіевскаго митрополита, съ любопытствомъ осматривавшаго подъ Кіевомъ сапёрные работы и взрывы.

Болѣе всѣхъ мучило любопытство дамъ. Бригадный командиръ уступилъ ихъ просьбамъ и дозволилъ мнѣ произвести взрывы на томъ-

же мѣстѣ, какъ было при генералъ-губернаторѣ. Предвидя, что дамы настойчиво захотятъ войти въ тайны волшебнаго жезла, какъ онѣ называли нашу, невидимую ими, гальваническую батарею, я поставилъ батарею въ нѣсколькихъ шагахъ подъ горою и приказалъ набросать на нее солдатскія шинели въ безпорядкѣ, а проводники отъ нея провести въ ящикъ, который висѣлъ на груди унтеръ-офицера. По окончаніи взрывовъ, какъ и надо было ожидать, начались настоятельныя просьбы показать волшебный жезлъ. Долго я отнѣкивался; наконецъ, приказалъ открыть ящикъ, и каково было удивленіе и вмѣстѣ удовольствіе дамъ, когда онѣ нашли въ немъ только конфекты.

Ожидали прибытія въ Кіевъ Великаго Князя Михаила Павловича, для смотра саперной бригады и бывшихъ тогда въ полномъ ходу крѣпостныхъ работъ. Мнѣ поручено было изъ минной галлереи заложить усиленный горнъ, для чего избранъ былъ валъ Звѣринскаго укрѣпленія, который, по мнѣнію Великаго Князя, долженъ былъ быть снесенъ. Работы шли, однако, подъ руководствомъ опытнаго минёра, капитана Голикова, практиковавшагося въ подземной войнѣ въ кампанію 1828—1829 гг. въ Турціи. Мина заложена. Наступалъ, наконецъ, грозный часъ; назначенъ былъ день прибытія Великаго Князя въ лагерь. Наканунѣ мнѣ не спалось всю ночь; на разсвѣтѣ побѣжалъ я съ своимъ гальванёромъ испытать, не нарушено-ли дѣйствіе проводниковъ; оказалось все въ исправности. Самъ Голиковъ, хладнокровнѣйшій изъ смертныхъ, волновался, что̀ можно было замѣтить только изъ того, что чаще обыкновеннаго вынималъ изъ кармана серебряную табакерку и побольше бралъ щепотку табаку.

По осмотрѣ сапёрныхъ работъ, Его Высочество подошелъ къ мѣсту, гдѣ я стоялъ съ батареей. Тутъ были всѣ, что̀ только было военнаго въ Кіевѣ и множество частныхъ лицъ. Поговоривъ съ строителемъ крѣпости о Звѣринскомъ укрѣпленіи, Великій Князь далъ мнѣ знакъ головою. Я скомандовалъ моему гальванёру: «Изготовсь!» «Пли!» — и ничего не послѣдовало. Великій Князь взглянулъ на меня вопросительно; глаза всей публики впились въ меня. Я былъ спокоенъ, такъ какъ замѣтилъ, что взрывъ не послѣдовалъ по торопливости моего сконфуженнаго гальванёра (унтеръ-офицера): онъ слегка только приложилъ проводникъ къ батареѣ. Я хладнокровно ему сказалъ: «Не торопись, приложи сильнѣе. Изготовсь! Пли!» Земля дрогнула подъ ногами, и огромный столбъ земли и бѣлаго дыму поднялся къ небу, а съ нимъ и я улетѣлъ въ седьмое небо! Слезы выступили у меня на глазахъ. Его Высочество сказалъ: «спасибо, спасибо тебѣ!» Товарищи бросились поздравлять. Это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни.

Каждый пойметъ мое волненіе наканунѣ и восторгъ при удачномъ исполненіи. Что, если-бы отъ какой-нибудь несчастной случайности не послѣдовало взрыва въ присутствіи всего начальства и этой многочисленной публики? Объ этомъ страшно было и вспомнить. Я тотчасъ донесъ обо всемъ генералу Витовтову и получилъ отъ него благодарность за укорененіе въ бригадѣ дѣла, такъ его интересовавшаго.

Близился къ концу срокъ, назначенный для введенія въ бригадѣ гальваническаго способа вожженія, и я мечталъ о скоромъ переводѣ въ гвардейскіе инженеры и объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Скоро я уѣхалъ туда, но не къ той цѣли. Родственникъ мой, генералъ Д. получилъ въ командованіе лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. Великій Князь очень благоволилъ къ нему, какъ къ любимцу покойнаго брата своего Цесаревича Константина Павловича, во времена котораго онъ былъ полковымъ адъютантомъ. При посѣщеніи Ораніенбаума, входя въ его семейныя дѣла, когда Д. сказалъ, что желалъ-бы, чтобы я служилъ въ его полку, Великій Князь милостиво сказалъ: «я переведу его къ тебѣ». По полученіи о томъ извѣщенія, я обратился за совѣтомъ къ бригадному моему командиру, нельзя ли просить объ оставленіи меня въ сапёрахъ; но тотъ замѣтилъ, что неловко молодому офицеру уклоняться отъ изъявленной милости Его Высочества.

Такъ я разстался съ благороднѣйшею сапёрною службою, которая очень заинтересовала меня и которую я страстно полюбилъ.

И. Старицкій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще стали появляться записки и воспоминанія разныхъ лицъ, чрезвычайно важныя для будущей исторіи Россіи. Характеристикою важнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, подробностями о ходѣ различныхъ дѣлъ, картинами общественной жизни и т. д. эти мемуары знакомятъ съ эпохой гораздо рельефнѣе, чѣмъ одни акты государственныхъ архивовъ.

Въ числѣ появившихся записокъ немало относящихся до Кавказа, этой почти terra incognita для большинства Русскаго общества. Весь обширный, богатый, разнообразный, дорого стоющій Россіи край между Чернымъ и Каспійскимъ морями, не взирая на желѣзныя дороги, пароходныя сообщенія и нѣсколько мѣстныхъ періодическихъ изданій, все еще для большинства Русской публики покрытъ туманомъ. Понятія у многихъ, даже пишущихъ и печатающихъ, еще такъ смутны, что для нихъ всѣ туземцы Черкесы, соловьи поютъ тамъ, гдѣ одинъ вездѣсущій воробей представляетъ чуть ли не все пернатое царство, а розы цвѣтутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и бурьянъ въ рѣдкость. За отсутствіемъ всѣмъ доступныхъ, популярныхъ сочиненій о Кавказѣ, значеніе мемуаровъ еще усиливается; но и въ нихъ нерѣдко попадаются ошибочные взгляды и отзывы, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ, или принятія на вѣру чужихъ разсказовъ, или подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній.

Имѣя слабость считать себя болѣе или менѣе компетентнымъ знатокомъ Кавказа, почти всѣхъ его главныхъ дѣятелей и событій за продолжительный періодъ времени до второй половины шестидесятыхъ годовъ, душевно привязанный къ этому краю, въ которомъ провелъ лучшіе годы жизни, я не пропускаю ничего, появляющагося объ немъ въ печати, и не могу отказать себѣ въ невольномъ побужденіи указывать на ошибки, неточности, особенно на ложные взгляды. И теперь я взялся за перо по поводу помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ отрывка изъ записокъ генерала П. Д. Рудакова (Декабрь 1883) и статьи Д. И. Романовскаго (Февраль 1881). Оба автора покойники.

Генералъ Рудаковъ былъ артиллеристъ, пришедшій за Кавказъ съ 18 артиллерійскою бригадою, въ первую Восточную войну и оставившій записки о дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи. Начало записокъ напечатано въ „Р. Старинѣ“, но продолженіе авторъ уничтожилъ предъ смертью. Онъ говоритъ о Н. Н. Муравьевѣ и князѣ М. С. Воронцовѣ, лицахъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ, историческихъ, и рисуетъ ихъ крайне оши-

бочно. Въ назначеніи Муравьева на Кавказъ авторъ находитъ подтвержденіе тому, что императоръ Николай нерѣдко ошибался въ выборѣ людей. „За что столько милостей человѣку, въ жизни своей еще ничего особеннаго не сдѣлавшему?“ говоритъ Рудаковъ при упоминаніи о наградахъ, данныхъ Муравьеву при новомъ назначеніи.

Очевидно, авторъ вовсе не зналъ біографіи Муравьева. Если императоръ Николай нерѣдко ошибался въ выборѣ людей (а кто же и не ошибается?..), то при назначеніи Муравьева именно ошибки въ вину ему ставить нельзя. Н. Н. Муравьевъ получилъ рѣдкое въ то время, основательное образованіе, былъ однимъ изъ выдающихся офицеровъ генеральнаго штаба и въ чинѣ капитана совершилъ замѣчательную рекогносцировку Закаспійскаго края до Хивы; по достоинству оцѣненный такимъ человѣкомъ какъ А. П. Ермоловъ, Муравьевъ получилъ въ командованіе Эриванскій полкъ и былъ виднымъ дѣятелемъ въ Турецкую войну 1828—1829 г., разбивъ съ небольшимъ отрядомъ Турокъ подъ Ахалцыхомъ. Онъ отличался въ 1831 г. въ Польскую войну. Его экспедиція въ Константинополь въ помощь султану противъ Египетскаго хедива, если не дала случая выказать военныхъ талантовъ, заявила однако объ недюжинныхъ дипломатическихъ способностяхъ Муравьева, умѣньи поддержать на Востокѣ престижъ Россіи и вообще ладить съ Азіятцами. Командованіе двумя корпусами (5 и грен.) во времена Николая Павловича доказывало основательное знаніе фронтовой и хозяйственной частей. Такимъ образомъ, можно безъ преувеличенія сказать, что въ тѣ времена Муравьевъ, среди высшихъ генераловъ Русской арміи, былъ звѣздою первой величины—и по образованію, и по твердому характеру, и по абсолютному безкорыстію. Императоръ Николай лучшаго выбора сдѣлать не могъ, тѣмъ болѣе, что для дѣйствій на Кавказѣ, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи, знакомство съ краемъ, можно сказать, есть conditio sine qua non, а Муравьевъ отлично зналъ край, его обычаи и нравы, многихъ вліятельныхъ людей, наконецъ, Татарскій и частью Грузинскій языки *).

Что выборъ не вполнѣ оправдалъ надеждъ, это вѣрно; но это былъ уже такой несчастный періодъ нашей исторіи... Кто же и оправдалъ тогда надежды Россіи? Не Паскевичъ ли подъ Силистріей, не Меншиковъ ли подъ Альмой, не Горчаковъ ли на Дунаѣ и подъ Севастополемъ, не Несельроде ли въ дипломатіи, или Долгоруковъ въ распоряженіяхъ военнаго министерства?.. Питомцы временъ Екатерины исчезли со сцены къ концу царствованія императора Александра I, а въ 30 лѣтъ слѣдующаго царствованія ихъ мѣста заняли люди другаго типа, не соотвѣтствовавшаго такимъ обстоятельствамъ, какія были вызваны положеніемъ Россіи въ Восточную войну. Самъ государь Николай Павловичъ, отыскивая по списку генера-

*) Читатели Русскаго Архива въ непродолжительномъ времени получатъ любопытную автобіографію Н. Н. Муравьева. П. Б.

ловъ человѣка для назначенія на какой-то высшій постъ, вынужденъ былъ сказать: „вотъ, напроизводилъ сотни генераловъ, а какъ понадобился человѣкъ, то ни одного годнаго не оказывается“... И между весьма немногими въ то время, повторяю, Муравьевъ былъ именно одинъ изъ лучшихъ, образованнѣйшихъ генераловъ, единственнымъ крупнымъ недостаткомъ котораго была нѣкоторая отсталость отъ духа времени и упорство во взглядахъ, не соотвѣтствовавшихъ измѣнившимся условіямъ, что̀ дѣлало его тяжелымъ, несимпатичнымъ.

Точно также покойный Рудаковъ высказалъ еще болѣе ошибочный взглядъ и о князѣ Воронцовѣ. Вычисляя его достоинства и недостатки авторъ записокъ ограничиваетъ первыя—вѣжливостью обращенія, роскошнымъ образомъ жизни и благородною наружностью (какъ видите, не особенно много). За то въ исчисленіяхъ недостатковъ онъ не скупится: „Воронцову не доставало прямоты характера, привычки къ постояннымъ трудамъ (?!), способности выбирать довѣренныхъ людей и основательнаго знанія потребностей края; коваренъ, *лживъ* (??!); легкомысленъ (?!) и поверхностенъ въ дѣлахъ серьезныхъ“. (?!).

Представимъ себѣ государственнаго человѣка съ такими качествами, управляющаго 35 лѣтъ Новороссійскимъ и Кавказскимъ краями, при обширной власти и полнѣйшемъ довѣріи монарховъ, и предъ нами должна бы возстать картина полнѣйшаго хаоса, мерзости запустѣнія и конечной гибели двухъ громадныхъ областей, изъ которыхъ каждая равна цѣлому большому государству. На самомъ же дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое: все что̀ мы видимъ въ Новороссійскомъ краѣ и на Кавказѣ лучшаго, въ смыслѣ культурномъ, есть почти исключительный плодъ дѣятельности князя М. С. Воронцова. И на солнцѣ пятна есть. И у князя Воронцова были недостатки, какъ есть они у всякаго человѣка, даже у міровыхъ геніевъ; но приписывать *лжи*, легкомыслію и т. п.,—ему, этому извѣстному работнику, трудившемуся постоянно, не взирая на свое богатство, на свои старые годы и слабое здоровье, дѣйствительно такой отзывъ большое легкомысліе.

Но этимъ еще не ограничиваются обвиненія: „Князь Воронцовъ, заразившись англоманіей, задался несбыточными мечтами о равенствѣ“.

Кто хоть немного зналъ князя, тотъ только улыбнется, читая эти слова; ибо такой до мозга костей аристократъ, для котораго туземные князья, ханы, мелики и агалары составляли чуть не культъ поклоненія, потому только, что они аристократія, вдругъ *обвиняется въ стремленіяхъ къ равенству!*... Дальше: „Чуждый правильнаго понятія о настоящемъ положеніи Кавказскаго солдата, онъ (Воронцовъ) задумалъ облегчить военный бытъ его и тѣмъ много повредилъ дисциплинѣ“. Эти слова не болѣе какъ резюме взгляда Н. Н. Муравьева, выраженнаго въ его извѣстномъ письмѣ къ Ермолову, того самаго Муравьева, котораго авторъ записокъ такъ строго осуждаетъ.

Покойный Рудаковъ познакомился съ Кавказскимъ солдатомъ въ Азіятской Турціи, въ лицѣ такихъ легендарныхъ героевъ, какъ Нижегород-

скіе драгуны, Эриванскіе и Грузинскіе гренадеры, или Ширванскіе мушкетеры, и неужели же онъ, свидѣтель Башкадыкляра, Кюрукъ-Дара и штурма Карса, нашелъ въ нихъ упадокъ дисциплины? Et voilà comme on écrit l'histoire!

Я немножко лучше знакомъ съ Кавказскимъ солдатомъ временъ князя Воронцова, потому что именно въ тотъ періодъ и гораздо раньше Восточной войны былъ баталіоннымъ адъютантомъ, командовалъ ротой и занималъ еще разныя другія должности въ строю; я могу сказать положительно, что улучшеніе матеріальнаго положенія войскъ при князѣ Воронцовѣ было дѣломъ гуманности, справедливости и благоразумія: пусть справятся по спискамъ о больныхъ и умершихъ за времена до князя Воронцова и при немъ. Что же касается дисциплины, то Гергебиль, Салты, походы князя Аргутинскаго, зимнія экспедиціи въ Чечнѣ и уже упомянутыя выше сраженія съ Турками, гдѣ одинъ дрался противъ пяти, побѣждая лишь беззавѣтной храбростью, достаточно показываютъ, была ли она въ упадкѣ. Есть дисциплина и дисциплина: одна такая, какую внѣдряли прибывшіе на Кавказъ въ 1854 году генералы Трегубовы, Неѣловы и друг. въ войскахъ внутри Россіи расположенныхъ, и такая, которую внушали намъ Воронцовы, Бебутовы, Аргутинскіе, Фрейтаги, Барятинскіе, Евдокимовы, едва ли когда-нибудь приказавшіе выпороть солдата, да еще за потерянную пуговицу или распоротый въ походѣ кафтанъ. У первыхъ дисциплина дѣйствительно была образцовая, если превращеніе солдата въ отупѣвшее существо, въ манекенъ, считать за идеалъ войска; для нихъ нашъ Кавказскій солдатъ, болѣе расторопный, развитой, не дрожащій при одномъ приближеніи начальства, дѣйствительно могъ казаться распущеннымъ. Но войска нужны не для тѣхъ цѣлей, какія представлялись большинству генераловъ въ Россіи, и Крымская война вынудила отказаться отъ убійственной системы, превращавшей солдатъ въ автоматовъ, и принять такую, которая на Кавказѣ давно сама собою установилась и имѣла результатомъ геройскіе подвиги.

Оставляю безъ возраженій остальные пункты обвиненія противъ князя Воронцова, потому что это завлекло бы меня въ повтореніе уже прежде высказаннаго мною на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ и въ другихъ изданіяхъ, гдѣ я не отвергалъ нѣкоторыхъ недостатковъ князя Михаила Семеновича; но est modus in rebus, а говорить о лицахъ историческихъ слѣдуетъ лишь то, что можно подтвердить фактически, а не по слухамъ или мимолетнымъ, непровѣреннымъ наблюденіямъ....

О статьѣ генерала Романовскаго поговоримъ въ слѣдующій разъ.

А. Зиссерманъ.

Май 1885.

ИЗЪ КУРІОЗОВЪ МОЕЙ БИБЛІОТЕКИ.

Theatrum oder Schauplatz des Erdbodens worin die Landttafell der gantzen Weldt mit sambt eine derselben kurtze Erklärung zu sehen ist durch Abrahamum Ortelium.

Подъ этимъ заглавіемъ изданъ въ Брюсселѣ въ 1572 году географическій атласъ, состоящій изъ 46-ти картъ съ короткими къ нимъ объясненіями на старо-нѣмецкомъ языкѣ, но текстъ самихъ географическихъ картъ по-латыни.

Любопытна здѣсь карта Россійской Имперіи или Московіи (auctore Antonio Jenkensono Anglo, edita Londini 1562). „Россія (Russen) не вполнѣ вся внесена на этой картѣ (гласитъ объяснительный текстъ), такъ какъ королевства Польское и Литовское въ ней не достаютъ, которыя также принадлежатъ къ имени Руссовъ. Но здѣсь мы только изобразили земли подлежащія власти герцога Московіи, какъ мы обыкновенно его называемъ (самъ же онъ въ своемъ титулѣ зоветъ себя Русскимъ Императоромъ). Его царство разстилается съ самаго Сѣвернаго моря на Югъ къ границамъ Польши, Литвы и Каспійскаго моря, такъ какъ онъ немного лѣтъ тому назадъ завладѣлъ городомъ Астраханью на рѣкѣ Волгѣ, которая впадаетъ въ Каспійское море. Съ восточной стороны границу Татарской земли составляетъ рѣка Обь и Китай-море (?); на Западѣ достигаютъ владѣнія Московскаго Царя до Швеціи и Лифляндіи, и можно опасаться, что послѣднюю окончательно завоюетъ, такъ какъ въ послѣдніе года часть оной уже занялъ“. Любопытно, по большей или меньшей подробности въ означеніи городовъ, судить о знакомствѣ Европы въ XVI вѣкѣ съ Россіей, знакомствѣ очевидно основанномъ на торговыхъ сношеніяхъ; такъ напримѣръ, наибольшее число населенныхъ мѣстъ встрѣчается здѣсь на берегахъ Бѣлаго моря, гдѣ между прочимъ Архангельскъ названъ Св. Михаиломъ; а за Москвою къ Югу является совершенно пустое пространство, занятое скачущимъ верхомъ Крымскимъ Татариномъ.

Въ особенности любопытна эта карта по случаю нашихъ новѣйшихъ Закаспійскихъ завоеваній и Афганскаго вопроса. Встрѣчаются тутъ имена Мешхеда (Meshet), Бухары (Boghar), Карши (Kirshy), Уранча (Urgene),

Кара-Кули (Caracol), Ташкентъ, Самаркандъ и два Corasam, изъ которыхъ одинъ Гератъ, а другой должно быть Хива. Ясно становится также измѣненіе теченія Аму-Дарьи (Oxus древній, здѣсь Ougus съ притокомъ Ардокъ), образовавшее въ XII вѣкѣ Аральское море, котораго на нашей картѣ совсѣмъ не существуетъ. Ougus течетъ прямо широкимъ разливомъ въ Красноводскій заливъ Каспійскаго моря. Рѣка Sur, соединившись съ притокомъ Амовъ, впадаетъ на самомъ Сѣверѣ у Самоѣдіи въ Китай-озеро, изъ котораго вытекаетъ въ свою очередь рѣка Обь.

Встрѣчаются на картѣ объяснительныя надписи. Кромѣ изображенія Ивана Васильевича, сидящаго подъ царскимъ шатромъ, медвѣдей въ Пермской области, верхомъ скачущихъ Татаръ, Персіянъ, верблюдовъ и Ногайскихъ юртъ, представлены еще въ углу съ права четыре рисунка.

1) На самомъ Сѣверѣ истуканъ „Злата-Баба“ Олугорской и Обдорской; она чрезъ жреца своего даетъ знать (вопрошающимъ ее), что дѣлать и куда ѣхать и предсказываетъ исходъ предпріятій. 2) Калмыки на колѣняхъ предъ высокой палкой съ висящимъ флагомъ въ родѣ хоругви; надпись гласитъ, что они это красное знамя обоготворяютъ вмѣсто солнца; живутъ они въ палаткахъ и питаются всякими гадами, змѣями и червями. 3) Картина относится повидимому къ казакамъ (Уральскимъ по мѣстности) и представляетъ чудо, совершившееся около 300-тъ лѣтъ тому назадъ, когда цѣлая орда со скотомъ, верблюдами и овцами своими вдругъ всѣ окаменѣли. 4) Картина относится къ религіи Киргизовъ, а именно какъ жрецъ, по убіеніи скотины, смѣшиваетъ кровь и навозъ ея съ землей и, собравъ это въ чашу, влѣзаетъ на дерево и опрыскиваетъ этимъ народъ; а когда кто умираетъ, вмѣсто того, чтобы хоронить, вѣшаютъ его на дерево.

„Коразанъ (малый) былъ завоеванъ въ 1558 году Персидскимъ царемъ. Самаркандъ былъ нѣкогда столица всей Татаріи, а нынѣ груда развалинъ съ тѣхъ поръ, какъ сына Тамерлана побѣдилъ Турецкій султанъ Баязидъ и въ золотыхъ цѣпяхъ увезъ его за собой въ плѣнъ“.

„Отъ Мангусты до Шейсурамы разстояніе въ двадцать дней, но чрезъ безводную пустыню, отъ Шейсурамы же до Богоръ (Бухарія) въ тридцать дней растоянія на Востокъ отъ Китайской границы, а отъ этой границы до Камбалу (Кабулъ) три мѣсяца пути“.

Откуда взяты эти подробности, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ онѣ не лишены интереса, какъ примѣры ученыхъ познаній XVI вѣка.

Д. Шёппингъ.

ОТЗЫВЪ А. С. ХОМЯКОВА О К. Д. КАВЕЛИНѢ.

А. С. Хомяковъ велъ постоянную переписку съ Алексѣемъ Владимировичемъ Веневитиновымъ (младшимъ братомъ поэта), продолжавшуюся съ 1827 по 1860 годъ. Переписка эта изобилуетъ любопытными намеками на современныя политическія обстоятельства и на явленія въ области словесности, науки и искусствъ. А. В. Веневитиновъ жилъ въ Петербургѣ и по своимъ служебнымъ и родственнымъ связямъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ представителями большаго свѣта и высшаго управленія. Нерѣдко его Московскіе пріятели, А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ, И. В. Киреевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ и другіе обращались къ нему съ разными порученіями. Когда служба или обстоятельства заставляли Москвичей этого круга переселяться въ Петербургъ или даже просто бывать тамъ, то А. С. Хомяковъ обыкновенно писалъ о нихъ А. В. Веневитинову особыя письма. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ показываютъ, какъ заботливо оберегалъ онъ Московскую трудолюбивую молодежъ отъ опасныхъ сторонъ жизни въ Невской столицѣ. Вотъ, напримѣръ, что представляло подобныя опасности.

„Мы съ тобою уже въ родѣ старичковъ“, читаемъ въ одномъ такомъ письмѣ о Юріѣ Ѳедоровичѣ Самаринѣ, „и должны быть охраною для млад„шихъ. Петербургъ имѣетъ свои соблазны (въ смыслѣ séduction, а не „scandale). Поддержи въ Самаринѣ его Московскіе, т.-е. общечеловѣческіе, „интересы и постарайся, чтобы не погибъ для науки человѣкъ, который „отъ природы назначенъ для умственнаго труда. Доброе дѣло само себя „награждаетъ, и легко можно бы составить въ Петербургѣ кружокъ съ ха„рактеромъ Московскимъ, въ которомъ бы вамъ, т.-е. людямъ неиспортив„шимся въ общей порчѣ, было бы и отрадно, и привольно. Такой кружокъ „возстановилъ бы многихъ, утратившихъ отчасти свою лучшую натуру, и, „я увѣренъ, получилъ бы вскорѣ нравственный авторитетъ. Это, по на„стоящему, твое бы было дѣло по той причинѣ, что ты уцѣлѣлъ болѣе „всѣхъ другихъ. Лифляндія и Курляндія имѣютъ свои центры въ Петер„бургѣ, а Москва, т.-е. Русь, не имѣетъ. Къ несчастію, мы бы вамъ часто „подсылали новыхъ сотрудниковъ, потому что каждый день увлекаетъ отъ „насъ кого-нибудь изъ лучшихъ, притянутыхъ Невскимъ водоворотомъ“.

Изъ числа подобныхъ писемъ особенно любопытны тѣ, которыя Хомяковъ писалъ по поводу поѣздокъ въ Петербургъ А. Н. Попова, Д. А. Валуева, Ю. Самарина и недавно умершаго К. Д. Кавелина. Эти имена вполнѣ оправдываютъ слѣдующія слова Хомякова въ томъ же письмѣ, изъ

котораго приведена выдержка: „Кажется, не осрамились мы высылкою къ „вамъ этого образчика Московской молодежи, и вы должны сознаться, что „старушка Москва не оскудѣла дѣтьми, достойными ея".

А вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывался Хомяковъ о человѣкѣ, недавняя кончина котораго побуждаетъ дорожить воспоминаніями о немъ.

„Любезный Алексѣй! Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо. По„пова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы. Кавелина (Константина Дми„тріевича) адресую столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. „Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятель„ствамъ онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ для окончанія своей диссер„таціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его кончить диссер„тацію тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи „ты вѣроятно знаешь. Она была въ „Юридическихъ Запискахъ" [1]) и мо„жетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего, онъ „самъ себя уже похвалилъ дѣломъ; но кромѣ ума и знаній, я скажу, что „онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему „доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдаетъ: надобно бы еще усто„яться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодому) и „молодымъ убѣжденіямъ. Но, каковъ онъ есть, онъ для васъ великое пріо„брѣтеніе. Donnez lui quelques bons coups d'épaule et poussez le s'il est „possible [2]). Служба должна такими людьми дорожить. Помѣсти его къ Па„нину [3]). Сверхъ этого будь къ нему друженъ и привѣтливъ. Обстоятель„ства дали его характеру нѣсколько раздражительности или, лучше сказать, „недовѣрчивости [4]). Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили. Впрочемъ, этотъ „недостатокъ въ немъ не силенъ и нисколько не мѣшаетъ въ сношеніяхъ „пріятельскихъ".

(Сообщено М. А. Веневитиновымъ).

---

[1]) Изданіе П. Г. Рѣдкина.

[2]) Окажи ему поддежку своимъ содѣйствіемъ и толкай его впередъ (т.-е. по службѣ), если это возможно.

[3]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ въ то время министромъ юстиціи.

[4]) Отцомъ своимъ (извѣстнымъ способникомъ Магницкаго) Кавелинъ похвалиться не могъ. Мать его, сколько намъ извѣстно, была Англичанка. П. Б.

ОТЪ АРХАНГЕЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ИСПОЛНИВШАГОСЯ

300 лѣтія

ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

Конкурсъ на составленіе исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи.

ПРЕМІЯ ЗА ЛУЧШЕЕ СОЧИНЕНІЕ 1200 РУБЛЕЙ,

изъ коихъ 200 рубл. ассигнованы Архангельскимъ Статистическимъ Комитетомъ, а 1000 рубл. пожертвованы Почетнымъ Членомъ его, Михаиломъ Константиновичемъ Сидоровымъ. Подробныя правила и программа конкурса Архангельскій Статистическій Комитетъ высылаетъ по первому требованію.

ИННОКЕНТІЙ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Сочиненіе Ивана Платоновича Барсукова. Большой томъ, отпечатанный на прекрасной бумагѣ и прекраснымъ шрифтомъ, съ портретами и рисунками. Книга эта, равно любопытная и поучительная какъ для людей съ высшимъ образованіемъ, такъ и для всякаго грамотнаго простолюдина, одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ для пріобрѣтенія въ библіотеки. Цѣна 5 рублей. Главный складъ въ Странноприимномъ Домѣ графа Шереметева у Сухаре-Башни, въ Канцеляріи Совѣта.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**